

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Северный (Арктический) федеральный университет
имени М.В. Ломоносова»

Высшая школа экономики, управления и права

Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины
Юридический факультет

**Государство, Право и Общество
в Российской империи XIX в.:
к 190-летию со дня рождения В.Д. Спасовича**

Материалы международной научной конференции

г. Гомель (Республика Беларусь), 15 – 16 ноября 2019 г.

Архангельск, 2020

УДК 34(063)

ББК 67

Г_____

Рецензенты:

доктор юридических наук, профессор А.Ю. Мордовцев
доктор исторических наук, доцент Л.Б. Красавцев

Ответственные редакторы:

И.В. Ершова – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права ВШЭУиП, САФУ имени М.В. Ломоносова.

С.О. Шаляпин – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права ВШЭУиП, САФУ имени М.В. Ломоносова.

Г__ **Государство, право и общество в Российской империи XIX в.: к 190-летию со дня рождения В.Д. Спасовича:** материалы международной научной конференции. Гомель, 15 – 16 ноября 2019 г. / отв. ред. И.В. Ершова, С.О. Шаляпин. – Архангельск: 2020.- с.

В сборнике представлены доклады и выступления участников Международной научной конференции «Государство, право и общество в Российской империи XIX в.: к 190-летию со дня рождения В.Д. Спасовича», состоявшейся 15–16 ноября 2019 года в Гомельском государственном университете имени Франциска Скорины.

Издание адресовано научным работникам, преподавателям, аспирантам и студентам юридических вузов.

Статьи публикуются в авторской редакции.

ISBN_____

© Коллектив авторов, 2020

Е.Г. АБРАМЕНКО

**ПАРЛАМЕНТАРИЗМ В ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ
конца XIX – нач. XX вв.**

A.G. ABRAMENKO

**PARLIAMENTARISM IN THE POLITICAL AND LEGAL SYSTEM
THE END OF XIX - BEGINNING. XX CENTURIES**

В статье рассматриваются аспекты развития парламентаризма в политико-правовой системе к. XIX – нач. XX вв. Особое внимание уделяется развитию идей парламентаризма в трудах ученых и общественно-политических деятелей указанного времени. В российской общественно-политической мысли можно выделить два течения: либеральное, которое поддерживало и обосновывало идею становления в Российской империи парламентской формы правления и консервативное, выступавшее за сохранение самодержавия.

The article discusses aspects of the development of parliamentarism in the political and legal system of the XIX - early. XX centuries Particular attention is paid to the development of the ideas of parliamentarism in the works of scientists and socio-political figures of the specified time. Two trends can be distinguished in Russian socio-political thought: liberal, which supported and justified the idea of establishing a parliamentary form of government in the Russian Empire and conservative, which advocated the preservation of autocracy.

Ключевые слова: Парламентаризм, парламент, правительство, политические партии, Российская Империя.

Keywords: Parliamentarism, parliament, government, political parties, Russian Empire.

Парламентаризм – это одно из наиболее распространенных понятий как в XIX в, так и в XXI в. Интерес к данной политической категории обусловлен политическим развитием, которое демонстрируют важность вопросов организации и взаимоотношений между органами государственной власти.

Парламентаризм может рассматриваться в трех аспектах:

- идейно-теоретическая концепция, служащая научным обоснова-

нием необходимости парламента как института и его общественных функций;

- политико-правовой институт, воплощающий в себе единство представительной и законодательной власти в обществе, где существует разделение властей;

- особый случай расширения власти парламента и образования парламентского правительства (ситуация характерная для парламентских республик) [11, с.47].

В период Нового времени в трудах Дж.Локка, Ш.Л.Монтескье, Ж.Ж.Руссо и других были обоснованы главные идеи парламентаризма: народное представительство, гражданская концепция власти, разделение властей (со значительной ролью законодательных учреждений). В этот период делается вывод о связи народного представительства с законодательной деятельностью.

Дальнейшее развитие эти идеи находят в трудах И. Бентама, И. Канта, Дж.Ст. Милля, А. Токвиля. Несмотря на расхождение во взглядах, они были одного мнения по многим ключевым вопросам: народ является создателем государства и, из этого следует, что верховная власть принадлежит ему; в государстве все, включая монарха, равны перед законом; в законодательстве действует принцип верховенства большинства над меньшинством; в основе политического строя лежат интересы и потребности людей, объединенных в различные сословия, если политический строй не удовлетворяет народ он вправе изменить его; вся власть в государстве делится на несколько ветвей: законодательную, исполнительную и судебную; законодательная власть носит представительный характер, избирается народом и имеет две главные функции: издание законов и контроль за их исполнением и др. [12, с. 82-87].

Интерес к парламентаризму в XIX – нач. XX вв. проявляли как ученые Западной Европы так и Российской Империи. Английский исследователь А.Дайси отмечал, что основой парламентаризма является принцип парламентского верховенства, когда парламент имеет право издавать и уничтожать всевозможные законы; никакое лицо, никакое собрание лиц, не имеет права издавать постановления, которые были бы не согласны с парламентскими актами или пользовались бы судебной защитой вопреки парламентскому акту [5, с.45 – 46].

Иной позиции придерживался немецкий исследователь Г.Еллинек, который, несмотря на то, что считает парламент центральным звеном парламентаризма, не относит его к основным органам государства. В частности, он указывает на то, что парламент, не являясь самостоятельным органом, не может оказывать прямого воздействия на государство и на подвластных государству лиц. Его появление, существование и исчезновение не влечёт за собой дезорганизации или видоизменения государства [13, с.30-33].

В XIX веке, разрабатываются и ведущие теории парламентаризма, в частности, теория «верховенства парламента». А. Дайси, который являлся одним из основоположников данной теории, считал, что центральной чертами парламентаризма являются:

1) всемогущество представительного органа, которое основывается на том, что его ограничивает только общественное мнение;

2) право парламента при помощи закона регламентировать все общественные отношения и вмешиваться не только в государственные, но и в частные дела [5].

Свое развитие теория верховенства парламента получила в работах В. Беджота. Он считал, что законодательная система Великобритании опирается не на теорию и практику разделения властей, а на их слияние. В. Беджот разработал концепцию «правления кабинета», основной смысл которой заключается в том, что действительная исполнительная власть перешла от монарха к кабинету, который в свою очередь подчинен и ответственен перед палатой общин [8, с. 6].

Другой точки зрения придерживался Л. Дюги. Он считал, что система, при которой правительство исполняет роль только приказчика парламента, парламента станет всемогущим, что приведет к его тирании. По его мнению, двухпалатный парламента – это лучший способ избежать проявлений парламентарской тирании, в силу того, что во время совместной работы, необходимой для вотирования законов, палаты ограничивают друг друга. Л. Дюги считал, что ключевыми принципами парламентаризма являются: равенство парламента и правительства, их сотрудничество и взаимовлияние: в ведении правительства находится вопрос о созыве или роспуске парламента, а парламента, в свою очередь, выполняет контроль над деятельностью правительства, также оно (правительство) несет ответственность перед парламентом [6].

Другой французский исследователь – А. Эсмен средство защиты от «тирании парламента» видел в увеличении прав и полномочий верхней палаты представительного органа, вследствие чего правительство получит возможность опираться поочередно, то на одну палату, то на вторую и таким образом балансировать между ними. Он считал, что одним из основных условий хорошего правления является присутствие сильной и независимой исполнительной власти «хотя и действующей под контролем свободных собраний» [14, с. 8]. Дж.С. Милль обращал внимание на то, что одна палата будет слишком много брать на себя, если в её руках будет сосредоточена вся власть [10, с. 154].

Русский учёный С.Котляревский, собрав и проанализировав обширный материал, определяет парламентаризм как выражение солидарности и консенсуса между правительством и представительством [9, с. 57]. По мнению представителя русской либеральной мысли М.М.

Ковалевского способ формирования правительства имеет существенное значение для определения меры его ответственности и деятельности в целом. Именно парламент, являясь органом который выражает господствующее в государстве мнение должен формировать правительство. Подобного мнения придерживался известный русский публицист П.Г. Мижуев, который считал, что основой парламентарного режима является народное представительство и только народные представители зная нужды народа могут выдирать и контролировать тех, кто будет непосредственно управлять государством.

А.А. Алексеев, в работе «Министерская власть в конституционном государстве. Ее основы, роли и современное положение» высказывает мнение, о том, что законодательный орган и правительство должны функционировать самостоятельно. Более того, правительство должно занимать по отношению к парламенту главенствующее положение, так как именно правительство является беспартийным (в отличие от законодательного органа) и олицетворяет единство государства [7, с. 26].

Доктор юридических наук В. Н. Корнев отрицал необходимость разделения властей, так как это может привести не к сдерживанию и уравниванию властей, а к столкновению и конкуренции между ними.

Б.Н. Чичерин в работе «О народном представительстве» проследил процесс возникновения и эволюции народного представительства. Его низшую форму, с его точки зрения, составляли совещательные собрания, которые давали правительству советы, когда их спрашивали, но их решения не имели обязательной силы. С усложнением политических и общественных отношений появилось представительство как постоянно государственное учреждение [3, с.142].

Размышляя о парламентской монархии русские мыслители к. XIX – нач. XX в. связывали понятие парламентаризма с политической ответственностью правительства. Такого мнения придерживались К.Н. Соколов, М.М. Ковалевский, В.В. Ивановский, В.М. Гессен, А.А. Жилин, Н.И. Лазаревский, А.А. Алексеев, А. Волдырь и др [7, с. 27].

В начале XX века в связи с изменением идеи народного представительства в партийное, институт парламентаризма отошел от старых канонов. Предпосылкой данного процесса стал переход ко всеобщему избирательному праву и концепции плебисцитарной партийной демократии. В центре этого подхода, истоки которого были заложены М.Вебером, находился тезис о непосредственном участии народа в государственном управлении посредством всеобщих и прямых выборов в парламент, в связи, с чем возникла потребность в посреднике между массами и властью. Это означало рост активности участия партий в политической жизни и законотворческом процессе [4, с. 16 – 17]. Достоинства и недостатки многопартийности достаточно подробно про-

анализировал Б.Н. Чичерин. Так среди недостатков он выделил то, что членов партии в большей степени интересует политическая борьба и государственные интересы могут быть принесены в жертву узкопартийным целям. Тем не менее, недостатки многопартийности могут быть преодолены если оппоненты поймут, что основная цель политики – это общественная консолидация, а многопартийность и существование оппозиционных партий заставляет правительство действовать эффективно. Противоположной точки зрения придерживался русский правовед Н.И. Лазаревский, который считал, что парламент, сформированный на основе выборов с участием большого количества партий не будет представлять интересы народа в полной мере.

Говоря о развитии идей парламентаризма в России в к. XIX – нач. XX вв. нужно сказать и о его противниках. Среди них можно назвать таких монархистов как А.П. Липранди (А. Волынец), К.П. Победоносцев, Л.А. Тихомиров, В.А. Захаров, П.Е. Казанского и др. Например К.П. Победоносцев в своей статье «Великая лож нашего времени» называет парламентаризм торжеством эгоизма, так как представители выражают только собственные интересы, а не волю избирателей и партии. Помимо этого наиболее важные решения принимаются не депутатами, а лидерами партий, которые подчиняют парламент своей воле, правительство, образованное из членов партий будет не устойчивым и неэффективным.

Русский анархист П.А. Кропоткин, также скептически относился к идеям парламентаризма, считая, что данный институт способствует сохранению власти капитала и эксплуатации [7, с. 28, 29].

Таким образом, ученые и общественные деятели к. XIX – нач. XX в. внесли вклад в развитие парламентаризма. В российской общественно-политической мысли можно выделить два течения: либеральное, которое поддерживало и обосновывало идею становления в Российской Империи парламентской формы правления и консервативное, выступавшее за сохранение самодержавия.

В XIX веке парламент окончательно формируется как институт государства. Избирательные законы создают основу для регулярных выборов членов парламентов. Однако, только XX век характеризуется внедрением в практику основных элементов парламентаризма: реализация принципа разделения властей; усиление значения парламента; активизация деятельности политических партий; всеобщее избирательное право.

«Манифест об усовершенствовании государственного порядка» от 17 октября 1905 г. дал толчок для развития парламентаризма на территории Российской Империи. В частности, данным документом провозглашалась свобода слова, совести, союзов и собраний, привлечение к выборам широких слоев населения, а также обязательное утверждение

всех законов Государственной Думой. Данный орган, согласно Манифесту, наделялся присущими парламенту функциями: законодательной, бюджетной, контрольной. Но на деле каждая из них оформлялась таким образом, что, по сути, превращала законодательный орган в законосовещательный. Его деятельность была малоэффективной, так как верхняя палата – Государственный совет – не был ограничен в правах по отношению к нижней (Государственная Дума не имела механизмов преодоления его решений).

Таким образом, формально законодательные и независимые Государственная Дума и Совет на деле играли роль законосовещательных органов, причем отражали мнение не всего народа, а только имущей его части; фактически были зависимы от монарха и исполнительных учреждений. Парламентское учреждение противоречило существовавшим неформальным устоям общественно-политической жизни. Результатом дисбаланса между исполнительной и представительной властями был практически непрерывный конфликт между ними, который, как правило, разрешался путем роспуска Думы.

На данном этапе заимствованный политический институт парламентаризма встраивался в старую политическую систему, авторитарные принципы которой создавали серьезные преграды этому процессу. Рассматриваемый политический институт не имел возможностей для полноценного функционирования [1, с. 75, 76].

Тем не менее, именно перемены в общественно-политическом развитии к XIX – нач. XX вв. заложили основу того, что на сегодняшний день именно парламенты и их зрелость становятся показателем демократичности гражданского общества. Законодательная деятельность получает доминирующее развитие, во многих странах идут процессы совершенствования законодательства. Происходит интеграция парламентов различных стран, появляются межпарламентские структуры, решающие задачи единого сосуществования независимых государств.

Список использованных источников

1. Абраменко, Е.Г. Становление и развитие парламентаризма как политического института в переходном обществе : дис. ...канд. полит. наук: 23.00.02 / Е.Г. Абраменко. – Минск, 2010. – 138с.
2. Алексеев, А.А. Министерская власть в конституционном государстве / А.А. Алексеев. – М.: ЮРКОМПИАНИ, 2012. – 328 с.
3. Антология мировой политической мысли: в 5 т. / редкол.: Г.Ю.Семигин (гл. ред.) [и др.]. – М.: Мысль, 1997. – Т.4: Политическая мысль России: 2 пол. XIX-XX вв. / Б.Н.Чичерин [и др.]. – 1997. – 829 с.
4. Антология мировой политической мысли: в 5 т. / редкол.: Г.Ю.Семигин (гл. ред.) [и др.]. – М.: Мысль, 1997. – Т.1: Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция / Т.Джефферсон [и др.]. – 1997. – 832 с.
5. Дэйси, А.В. Основы государственного права Англии / А.В.Дэйси. – М., 1905. – 659 с.
6. Дьюи, А. Конституционное право. Общая теория государства / А.Дьюи. – М., 1908. – 957 с.

7. Ерыгина, В.И. Теоретические проблемы парламентаризма в истории политико-правовой мысли России конца XIX – начала XX вв. / В.И. Ерыгина // Конституционное и муниципальное право. – 2010. – № 7. – С. 24-30.

8. Канапацкий, М.Б. Концептуальные подходы в исследовании парламентаризма/ М.Б. Канапацкий // Парламентаризм в Республике Беларусь: опыт становления и развития: сб. науч. ст. / Ин-т парламентаризма и предпринимательства; под ред. В. А. Божанова. – Минск, 2006. – С. 5 – 15.

9. Котляревский, С. Сущность парламентаризма / С.Котляревский // Новое время. – 1994. – №14. – С. 56-58.

10. Милль, Дж. Ст. Рассуждения о представительном правлении / Дж. Ст. Милль. – Челябинск : Социум, 2006. – 374 с.

11. Парламентское право России / под ред. И.М.Степанова, Т.Я.Хабриевой. – М.: Юрист, 1999. – 321с.

12. Романов, Р.М. Парламентаризм: теория, история и современность: учебное пособие / Р.М.Романов; под ред. А.И.Яковлева. – М.: «Мирот», 2002. – 296 с.

13. Таницура, М.С. Парламентаризм в современной России: становление и динамика: дис. ...канд. полит. наук: 23. 00. 02 / М.С.Таницура. - Владивосток, 2005. – 168с.

14. Эсмен, А. Обице основания конституционного права: перевод с 4-го французского изд. / А.Эсмен. - [Б. м.]: б. и., 2006]. - XII, 449 с.

Г.А. АЛЕКСЕЙЧЕНКО

В.Д. СПАСОВИЧ – ПРЕЕМНИК И ПРОДОЛЖАТЕЛЬ
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ И ГРАЖДАНСКИХ ТРАДИЦИЙ
РОССИЙСКОЙ ПРОФЕССУРЫ 1840-х – 1850-х гг.

G.A.ALEKSEYCHENKO

V. D. SPASOVICH - SUCCESSOR AND CONTINUER OF
PROFESSIONAL AND CIVIL TRADITIONS OF THE RUSSIAN
PROFESSORS 1840-1850

В статье рассматривается профессиональное становление, деятельность и формирование мировоззрения гражданских позиций видного представителя российского пореформенного либерализма В.Д. Спасовича в контексте влияния лучших традиций университетской профессуры 1840-х-1850-х гг. Особое внимание уделяется фактору личного влияния на В.Д. Спасовича видного учёного и общественного деятеля К.Д. Кавелина. Через призму преемственности традиций профессуры рассматривается роль и значение В.Д. Спасовича в реформировании университетской системы, деятельности независимой прессы, общественных формирований и организаций разного профиля.

The article discusses the professional formation, activities and the formation of the worldview and civic positions of a prominent representative of Russian post-reform liberalism V.D. Spasovich in the context of the influence of the best traditions of the university professions of the 1840s-1850s. Particular attention is paid to the factor of personal influence on V.D. Spasovich prominent scientist and public figure K.D. Cavelina. Through the prism of the continuity of the traditions of the professors, the role and significance of V.D. Spasovich in reforming the university system, the activities of the independent press and public groups of various profiles.

Ключевые слова: университет, профессура, гражданские традиции, реформы, либерализм, правовая система.

Keywords: university, professors, civic traditions, reforms, liberalism, legal system.

Одной из ярких и знаковых фигур в истории российского пореформенного либерализма, оказавших влияние на жизнь пореформенного

российского общества являлся Владимир Данилович Спасович, которого ещё при жизни профессиональное юридическое сообщество неофициально возвело в ранг «короля российской адвокатуры». Помимо этой профессиональной вершины В. Д. Спасович проявил себя как прогрессивный профессор-правовед, педагог, издатель, публицист и литератор.

Профессиональная культура, мировоззрение и гражданские позиции В.Д. Спасовича формировались в эпоху подготовки «великих реформ» под влиянием лучших традиций «людей 1840-х годов», среди которых особую роль он отводил одной из наиболее ярких личностей этой эпохи – ученому и общественному деятелю К.Д. Кавелину [1]. Фактически со студенческой скамьи Спасович получил от него традиции научного подвижничества, университетской этики, гражданского служения. Именно по рекомендации Кавелина В.Д. Спасович приступил в 1857 г. к преподавательской деятельности в Санкт-Петербургском университете, а после защиты диссертации с 1860 г. возглавил кафедру уголовного права [2]. Читая уже первый курс лекций «о теории судебно-уголовных доказательств в связи с устройством и судопроизводством» продемонстрировал высокий академический уровень, методологическую основательность и методические приёмы педагогической коммуникации.

Многие известные в будущем юристы (А.Ф. Кони, К.К. Арсеньев, Н.С. Таганцев, С.А. Андреевский), посещавшие лекции этого правоведа в юности, отмечали их высокую научную значимость и новизну с одной стороны и ярким, образным и понятным изложением с другой стороны [1]. В своих лекциях В.Д. Спасович знакомил аудиторию с детально-систематизированными обзорами философских и политико-правовых идей, выходившими на актуалии современности, что особо отметили лидеры российской пореформенной демократии Н.К. Михайловский и Н.В. Шелгунов.

Доказательством глубины и оригинальности лекций Владимира Спасовича служат студенческие воспоминания одного из виднейших юристов России, его младшего современника – А.Ф. Кони: «Сложные понятия о преступлении и наказании развивались ярко и понятно, очень часто художественно и всегда с той широтой, которая дает уголовному праву основание называться наукой, а не сбором теоретических положений, чуждых жизни и подчас тяжелых для совести человека» [2, с.111].

К.Д. Кавелин подчёркивал ценности профессуры 1840-х - 1850-х гг.: «...лучшие стороны этой деятельности не могли укладываться в книгу или статью, а выражались в лекциях, в беседах, в личных сношениях, переходили этими путями в повседневный оборот и оплодотворяли русскую мысль и жизнь новыми живительными мотивами». В литера-

турно-ученых кружках, по мнению Кавелина «...зародилось и созрело все наше последующее умственное движение» [4, с. 258].

Такая позиция была близка В.Д. Спасовичу как личностная составляющая, вместе с тем она была востребованна эпохой. Вместе с плеядой молодой профессуры, появившейся в российских университетах на рубеже с 1850-х – 1860-х гг. В.Д. Спасович внимательно следил за подготовкой реформ. Хотя он не принимал прямого участия в обсуждении базовых документов судебной реформы 1864 г., будущий «король адвокатуры» углублённо обдумывал идеи законодательного утверждения и введение в практику судопроизводства принципов независимости суда от администрации, несменяемости судей, гласного, устного и состязательного судопроизводства, а также равенства граждан перед законом. Его учебник уголовного права вместе с другими изданиями 60-х годов подготовленными Ф.Н. Дмитриевым, И.Е. Андреевским, А.В. Лохвицким, И.В. Вернадским и др., образно говоря, находился в научно-практическом фарватере эпохи реформ.

Еще одним звеном преемственности «профессорской культуры» 1840-х – 1850-х гг. являлась воспринятая В.Д. Спасовичем традиция сохранения корпоративного единства *Alma Mater*, институтов и принципов ее автономии, а также морально-этических традиций внутренней жизни университета. Эти ценности были «выстраданы» прогрессивной профессурой в период действия Устава 1835 г., который серьезно ограничивал автономию факультетов и их советов, в том числе – ряд принципов выборности и самоуправления, усиливал бюрократизацию «внешнего» управления университетами, заметно деформировал принцип всеобщности высшего образования и др.

Остро назревала необходимость перестройки университетской системы. В ходе её подготовки молодой профессор вступил на путь их практической подготовки. Вошел в состав ученого комитета при Главном управлении училищ и вместе с авторитетными представителями профессуры К.Д. Кавелиным, Б.Н. Чечерными, Н.И. Пироговым, С.М. Соловьёвым участвовал в обсуждении ключевых положений будущей университетской реформы. В.Д. Спасович выступал с предложениями по оптимизации учебно-воспитательного процесса в высшей школе, последовательно отстаивал базовые принципы университетской автономии и выступал за развитие институтов самоуправления. В частности, он настойчиво предлагал «отменить все статьи, запрещающие студенческие общественные учреждения и собрания», намечая перспективы их дальнейшего развития [5, с. 147-158]. К сожалению, кулуарно подготовленные и принятые 31 мая 1861 г. университетские правила шли в разрез с этим направлением: они не только запрещали институты студенческого самоуправления, но и наносили серьезный удар по финансовым условиям дальнейшего обучения категории мало-

имущих студентов [6, с. 657]. Для В.Д. Спасовича этот инцидент имел принципиальное значение: по признанию коллег он снискал «любовь и уважение студентов», являясь «главным учредителем» и организатором большинства литературных вечеров, спектаклей, концертов и других благотворительных акций «в пользу существовавшей тогда кассы для поддержки бедных студентов» [7, с. 569]. Молодой профессор неизменно проявлял интерес к студенческой жизни, поддерживая позитивные импульсы и инициативы молодежи. Поэтому с самого начала студенческого протеста, направленного против правил 13 мая, он с пониманием откликнулся на выдвинутые в ходе выступлений требования.

В ноябре 1861 г. в знак протеста против репрессий в отношении участников студенческих волнений и жесткого административного давления на совет университета, В.Д. Спасович, вместе с четырьмя известными профессорами К.Д. Кавелиным, А.Н. Пыпиным, М.М. Стасюлевичем, Б.И. Утиным и ректором Санкт-Петербургского университета П.А. Плетневым, прекратили преподавательскую деятельность в университете. Этот акт «гражданского мужества» (Н.В. Шелгунов) нашел в обществе широкий отклик.

После временного закрытия Санкт-Петербургского университета 20 декабря 1861 г. В.Д. Спасович стал одним из инициаторов чтения публичных лекций для оставшихся без обучения студентов в оперативно образованном «Вольном университете». Академический формат этого учреждения был достаточно серьезным: лекции читали такие известные ученые как А.В. Гюдолин (физика), И.Я. Горлов (политическая экономия), Д.И. Менделеев и Н.Н. Соколов (химия), И.М. Сеченов (физиология животных), М.М. Стасюлевич и Н.И. Костомаров (история), К.Д. Кавелин (гражданское право), И.И. Ивановский (международное право), Б.Ф. Калиновский (финансовое право), В.Д. Спасович (уголовное право) и др.

Лекторий «Вольного университета» проводился в училище Св. Петра и залах Санкт-Петербургской городской думы; он вызвал большой интерес у общественности столицы: помимо студентов, лекции активно посещались заинтересованной публикой. Однако деятельность «Вольного университета» была непродолжительной, а попытка В.Д. Спасовича перейти на преподавательскую работу в Казанском университете была отклонена на правительственном уровне по причине «его политической неблагонадежности».

Впоследствии в своих воспоминаниях Владимир Спасович ностальгически отмечал, что лучшая профессиональная стезя, которая ему «по душе» – это «профессорство по призванию» [4, с. 84]. Однако В.Д. Спасович не являлся сторонником кабинетно-аудиторной системы просвещения, он стремился сделать научные знания и образование достоянием широкой общественности. С 1860 г. он практиковал

регулярные чтения публичных лекций, расширяя свою аудиторию путем опубликования основных материалов в периодике. Таким был опыт журнального варианта курса лекций «Новое направление в науке уголовного права» в октябрьском номере «Вестника Европы» (за 1891 г.). Старательно организовывая молодые силы юристов, он стоял во главе ряда профессиональных кружков и по мнению современных специалистов был одним из организаторов российского юридического общества.

Верный традициям профессуры 1840-х – 1850-х гг., которая постоянно выступала в авторитетных периодических изданиях, В.Д. Спасович в условиях либерального подъема начала реформ особое внимание обращал на развитие свободной прессы, журналистики и издательского дела как инструмента и важного условия формирования гражданского общества. С 1859 г. он получил практический журналистский опыт в редакции газеты «Slovo» (издатель И.П. Огрызко), публиковался в ряде столичных, (в том числе отраслевых) изданиях. С 1876 года он издавал ежемесячный журнал "Athenaeum", выходивший в Варшаве, а в 1882 г. стал редактором-издателем газеты «Край». Оба издания были адресованы польской общественности, позиция В.Д. Спасовича, представленная в этих изданиях, требует своего дальнейшего специального исследования. Наиболее яркой страницей в биографии В.Д. Спасовича стало его литературно-журналистская деятельность в авторитетном издании М.М. Стасюлевича «Вестник Европы» – журнале, который стал частью российской интеллектуальной жизни второй половины XIX – начале XX в. как главный орган либерально-конституционного движения и «русского европейства» [10, с.218]. Долгие годы В.Д. Спасович вместе К.Д. Кавелиным, И.А. Гончаровым входил в редакционное ядро, в работе которого «чувствовалось биение пульса передовой части русского общества» [11, с.144]. Помимо редакционной стратегии В.Д. Спасович активно выступал как публицист, учёный-рецензент и литературный критик.

В.Д. Спасович оставил в области прессы заметный профессиональный след и как практикующий юрист. Уже со второй половины 1860-х гг. он выступал защитником на ряде процессов, связанных с деятельностью редакций отдельных периодических изданий, поднимал вопрос о свободе литературной деятельности, авторского права и литературной собственности («Вестник Европы» июнь 1874 г.) Пользуясь заслуженным авторитетом в передовых общественных кругах В.Д. Спасович вместе с Н.К. Михайловским в 1894 г. выступил инициатором разработки группы литераторов проекта пересмотра законов о печати и подчинения дел о печати судебным нормам. Проект вместе с петицией, подписанной 80 известными деятелями науки и культуры был представлен на рассмотрение нового императора Николая II. Эта акция

послужила важным импульсом в движении за образование союза взаимопомощи русских при Русском литературном обществе (1896 г.). В составе юридической комиссии общества В.Д. Спасович участвовал в подготовке ряда ходатайств в МВД о нуждах прессы и до роспуска общества в 1901 г. принимал активное участие в его работе [13, с.252-253].

Следует отметить, что профессор права, по его собственному призыванию, «увлекался литературой и искусством». В.Д. Спасовичу принадлежит ряд литературно-критических статей о об У. Шекспире, творческом наследии контактов Ф. Шиллера и И.В. Гёте, о байронизме у А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова, литературных поисках А. Мицкевича, новейших тенденциях развития российской литературы по романам П.Д. Боборыкина и Д.С. Мережковского и др.

В.Д. Спасович занимался переводом с латыни средневековых хроник, участвовал в подготовке научного издания Литовских Статутов, включился в реализацию масштабного проекта по изданию "Volumina legum", предпринятому И.П.Огрызко, которое, к сожалению, не осуществилось. В творческом содружестве с А. Н. Пыпиным В.Д. Спасович подготовил два фундаментальных издания «Истории славянских литератур» (1865; 1874), которые были удостоены академической Уваровской премии и получили широкое международное признание в области литературной славистики [14, с.24-25]. В.Д. Спасович составил очерк истории польской литературы. Итогом многолетней исследовательской работы стало опубликованное В.Д. Спасовичем серьёзное историческое исследование «Жизнь и политика маркиза А. Велепольского» (1882 г.).

В полной мере можно согласиться с выводом одного из современных историков Н.А. Троицкого, который отметил особую перспективность тематики «Спасович – историк» и «Спасович – литературовед» с достаточно тонким акцентом на то, что «Историк и литературовед в нём прекрасно сочетались».

В контексте нашего исследования можно высказать предположение, что указанная область гуманитарных интересов В.Д. Спасовича определялась не только глубокой духовной потребностью, но и зрелым осознанием роли этого фактора в складывании и развитии цивилизованной общественной среды. В этой связи символичным представляется то, что в одной из своих поздних публикаций по истории и будущему судебных учреждений в России «гражданственность и культура» рассматривается В.Д. Спасовичем как двуединая основа формирования и развития личности и гармоничной общественной среды. Фундаментом этого процесса В.Д. Спасович считал правовое государство [15, с. 69].

Нельзя забыть ещё одну сторону гражданского портрета В.Д. Спасовича. Ярko и убедительно проявив, себя как лидер адвокатуры на по-

литических процессах В. Д. Спасович стремился последовательно при-
вить ростки гуманизма правовых отношений на гражданскую почву
обновлявшейся России.

В конце жизни В. Д. Спасович так сформулировал свое гражданское
кредо: «За всякий прогресс, но легальный, за всякую эволюцию, но не
революцию, за установление порядка по соглашению всех партий на
арене парламента — без кровопролития и убийств». В этом отношении
находился на передовом рубеже в борьбе за базовые принципы право-
вого государства и развития институтов гражданского общества, прав
и свобод личности.

Список использованных источников

- 1.Троицкий Н.А. Спасович Владимир Данилович (1829-1906) [Электрон-
ный ресурс] Режим доступа: <http://secrethistorysu/424-spasovich-vladimir-danilovich-1829-1906.htm>1. Дата доступа: 25.10.2019
- 2.Алексейченко Г.А., Фелькин А.И. В.Д. Спасович в общественной позиции
порформенной России / Г.А.Алексейченко, А.И. Фелькин // В служении Фемиде
и обществу: сборник научных статей. – Гомель: ГГУ им.Ф.Скорины, 2016. –
С.3-8.
- 3.Кони, А.Ф. Собрание сочинений в восьми томах. Том 5. / Под ред. В. Г. Ба-
занова. – М.: Юридическая литература, 1968 г. – 534 с.
- 4.Кавелин К.Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской
истории и культуре / К.Д.Кавелин. – М.: Изд. «Правда», 1989. – 654 с.
- 5.Спасович В.Д. Застольные речи в собраниях сословия присяжных поверен-
ных округа С.-Петербургской судебной палаты (1873-1901 г.). – Лейпциг: Ди
Вельт., 1903. – 104 с.
- 6.Эймонтова Р.Г. Университетский вопрос и русская общественность в 50-
60-х годах XIX в./ Р.Г. Эймонтова// История СССР. –1971. –№6. –С.144-158
- 7.Московский университет в воспоминаниях современников (1755-1917). –
М.: Современник, 1989. – 735 с.
- 8.Костомаров Н.И. Автобиография / Н.И. Костомаров // Исторические
произведения. Автобиография. – Киев: Лыбедь, 1990. – 736 с.
- 9.Эймонтова Р.Г. Профессора старые и новые на рубеже 50-60-х годов XIX
в. / Р.Г. Эймонтова// Проблемы истории русского общественного движения и
исторической науки. – М.: Наука, 1981. – С.128-138.
- 10.Олейников Д.И. История России с 1801 по 1917 / Д.И. Олейников. – М.:
Дрофа, 2005. – 414 с.
- 11.Смолярчук В.И. Анатолий Фёдорович Кони (1844-1927) / В.И. Смоляр-
чук. – М.: Наука, 1982. – 214 с.
- 12.Кельнер В.Е. М.М. Стасюлевич и либеральная оппозиция в 70-х – начале
80-х годов XIX века / В.Е. Кельнер // Отечественные записки. – 1992. – №4. – С.
50-61.
- 13.Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX
в./В.Р. Лейкина-Свирская. – М.: Мысль, 1971. – 368 с.
- 14.Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический сло-
варь. – М.: Наука, 1979. – 409 с.
- 15.Спасович В.Д. Прошедшее и будущее судебных уставов (фрагмент ста-
ти)/В.Д. Спасович // Юстиция Беларусі. – 20011. - №4. – С.66-69.

**А.П. ГРАХОЦКИЙ
В.Д. СПАСОВИЧ О РЕФОРМИРОВАНИИ РОССИЙСКОГО
УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

**A.P. GRAHOTSKY
V.D. SPASOVICH ON REFORMATION OF THE
RUSSIAN CRIMINAL LAW**

Автор первого в Российской империи учебника по уголовному праву В.Д. Спасович указывал в своём труде на острую необходимость реформирования российского уголовного законодательства. Учёный выступал за отмену чрезмерно объёмного, построенного по принципу казуистичности «Уложения о наказаниях...» 1845 г. и принятие нового Уголовного кодекса империи. В данной статье уделяется внимание идеям В.Д. Спасовича о совершенствовании системы уголовных наказаний, модернизации исправительных учреждений, свободе судей при назначении наказаний.

The author of the first criminal law textbook in the Russian Empire V.D. Spasovich pointed out in his work the acute need to reform the Russian criminal legislation. The scholar stood for the abolition of the excessively voluminous, built on the principles of casuism "Code of criminal and corrective penalties of Russia", 1845 and the adoption of the new Criminal Code of the empire. This article addresses the ideas of V.D. Spasovich concerning improvement of the system of criminal punishments, modernization of correctional institutions and the freedom of judges in inflicting punishment.

Ключевые слова: В.Д. Спасович, уголовное право, уголовное законодательство, судебная реформа, телесные наказания, ссылка, тюрьма, назначение наказания, Российская империя.

Keywords: V.D. Spasovich, criminal law, criminal legislation, judicial reform, corporal punishment, exile, prison, sentencing, Russian Empire.

Перу выдающегося правоведа В.Д. Спасовича принадлежит первый в Российской империи «Учебник уголовного права» (см. подробно об этом: [1]). В 1863 г. учёный представил этот учебник в Совет по защите диссертаций Петербургского университета в качестве своей докторской диссертации. В работе автор подробно анализировал современные ему тенденции развития зарубежного (прежде всего, французско-

го и немецкого) уголовного права, высказывал мысли о необходимости кардинального реформирования уголовного законодательства Российской империи. Идеи В.Д. Спасовича получили негативную оценку со стороны представителей консервативной профессуры (П.Д. Юркевич, С.И. Баршев). Решением специальной комиссии III отделения учебник был изъят из учебного процесса, а его автор отстранён от преподавательской деятельности (см.: [2]). Не смотря на это, вплоть до 1880-х годов учебник В.Д. Спасовича оставался наиболее авторитетным изданием по уголовному праву России [3, с. 47–51].

Труд В.Д. Спасовича состоял из 7 глав, в которых автор рассмотрел философию уголовного права, уголовный закон, преступление и наказание, меру наказания, причины, погашающие юридические последствия преступления, а также дал подробную характеристику общей части «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г. [4]. В 7-ой главе своего учебника В.Д. Спасович указывал на многочисленные недостатки «Уложения о наказаниях...» (см.: [5]). Учёный подчёркивал, что реализация в начале 1860-х годов реформ Александра II в сфере юстиции исключила всякую возможность для продолжения действия выше названного Уложения, основанного на принципах «канцелярского, письменного и секретного судопроизводства». На страницах учебника В.Д. Спасович высказывал уверенность в том, что в ближайшем будущем «Уложения о наказаниях...» будет заменено на новый уголовный кодекс Российской империи [3, с. 324–325]. Как известно, прогнозы учёного не оправдались, новое «Уголовное уложение» было принято только в 1903 г. Однако в полном объёме оно так и не вступило в законную силу.

В данной статье поставлена цель проанализировать подходы, сформулированные В.Д. Спасовичем в тексте своего учебника, к проблеме реформирования российского уголовного законодательства.

Одним из основных недостатков Уложения 1845 г. В.Д. Спасович считал его «казуистический характер». Учёный отмечал, что уголовный кодекс состоял из 2304 статей. По мнению автора, огромное количество уголовно-правовых норм, неизбежно приводило к путанице и «сбивчивости» в работе органов правосудия [3, с. 324]. В учебнике автор приводил примеры, когда одно и то же преступное деяние фигурировало сразу в нескольких статьях Уложения. Так, по подсчётам В.Д. Спасовича, три статьи особенной части уголовного закона (ст. 1013, 2033 и 2039 в редакции Уложения 1857 г.) определяли ответственность за нанесение телесных повреждений, повлекших за собой смерть потерпевшего. Диспозиции таких норм отличались лишь незначительными подробностями описываемого в них преступного деяния, в то время как санкции предусматривали абсолютно разные наказания [3, с. 325].

Ссылаясь на подобные казусы, автор учебника сравнивал российский уголовный закон со средневековыми сборниками и сводами, «когда искусство законодательное, будучи в детстве, ... ограничивалось собиранием и обобщением известнейших судебных приговоров (преюдицитов)». Далее учёный писал: «От подобных сводов уложение отличается только своею полнотою, но сама эта полнота неудобна, она путает судью, притом она никогда не может быть доведена до того, чтобы объять и заключить в рамках кодекса всевозможные уголовные проявления жизни действительной» [3, с. 326].

В своей работе В.Д. Спасович указывал на то, что «Уложения о наказаниях...» допускало нарушение принципа «*nullum crimen, nulla poena sine lege*» (нет преступления без указания о нем в законе). Статья 164 уголовного закона предоставляла судам возможность назначать наказания по аналогии за деяния, не охваченные уголовно-правовыми нормами. Учёный подчёркивал, что подобная практика, противная самому духу судебных преобразований Александра II, способна нанести существенный вред реализации принципа законности: «По аналогии всякое сколько-нибудь предосудительное действие может быть приурочено к какому-нибудь преступлению» [3, с. 329]. Учёный выступал за отмену выше названной нормы уголовного закона [3, с. 329].

Острой критике в «Учебнике уголовного права» подвергалась российская система уголовных наказаний. В.Д. Спасович выступал ярким противником смертной казни (см. об этом подробно: [6]) и телесных наказаний. Учёный считал, что последние глубоко унижают честь и достоинства человека, исходя из чего, они не могут содействовать исправлению личности преступника [3, с. 195]. В.Д. Спасович не мог согласиться с устоявшейся в имперской юстиции практикой, согласно которой за одно и то же преступление представителям различных сословий и социальных групп назначались разные виды наказаний. Если для привилегированных слоёв основным видом уголовного наказания выступало лишение свободы, то в отношении большинства населения («черни»), как правило, применялись телесные наказания [3, с. 335].

Статья 100 «Уложения о наказаниях...» определяла круг лиц, «изъятых» от телесных наказаний. К последним относились дворяне, священнослужители, почётные граждане, гильдейские купцы, сословная верхушка Закавказья и Средней Азии. Кроме того, согласно императорскому указу от 17 апреля 1863 г. от наказания розгами освобождались и представители других слоёв населения в виду их половой принадлежности, возраста, звания, образования и заслуг. Указ распространялся на женщин; лиц, достигших 70-летнего возраста; учителей; церковнослужителей; чиновников; представителей сельского

самоуправления; лиц, получивших среднее образование; офицеров; лиц, награждённых орденами и медалями и некоторых других [3, с. 338–341]. В.Д. Спасович был убеждён, что успешное завершение судебной реформы и принятие нового уголовного кодекса неизбежно приведёт к окончательной отмене телесных наказаний и формированию системы наказаний, предназначенных для всех социальных слоёв населения [3, с. 336].

Наиболее эффективной мерой наказания учёный считал тюремное заключение. По мнению автора, нахождение заключённого в местах лишения свободы в наибольшей степени содействовало его перевоспитанию [3, с. 271] (см. об этом подробно: [7]). Однако в своей работе В.Д. Спасович указывал на проблему недостаточного количества исправительных учреждений в Российской империи. В виду этого 23 ноября 1853 г. в России вступили в действие «Временные правила о замене наказаний». Правила предписывали судьям заменять наказания, связанные с лишением свободы и помещением в пенитенциарные учреждения, для представителей непривилегированных сословий на телесные наказания [3, с. 342].

Кроме того, в данных правилах указывалось на необходимость замены такого вида наказания, как помещение в арестантские роты, на ссылку для водворения в Сибирь. Таким образом, по словам В.Д. Спасовича, система уголовных наказаний, предусмотренная «Уложением о наказаниях...», была фактически парализована: «Лишение свободы оставалось мёртвою буквою, а место разных видов заключения заняли розги и ссылка» [3, с. 342–343].

На страницах учебника В.Д. Спасович следующим образом описал процесс пешего этапирования преступников, приговорённых к ссылке в Сибирь: «... бритые лбы, клеймёные лица, грязные лохмотья, протёртые до крови ноги и руки, унылое бряцанье кандалов». Учёный отмечал, что с 1858 г. в империи начался постепенный переход к использованию железнодорожного и водного транспорта для доставки заключённых к местам ссылок. В конце 1861 г. для этих целей был создан специальный комитет под председательством генерала Ф.Л. Гейдена. Среди основных причин препятствующих успешной реализации реформы В.Д. Спасович указывал недостаток государственного финансирования [3, с. 363].

«Временные правила о замене наказаний» были отменены выше упомянутым указом Александра II от 17 апреля 1863 г. Исходя из этого, В.Д. Спасович предполагал, что пенитенциарная система империи может снова столкнуться с проблемой переполненности исправительных учреждений. Учёный полагал, что наряду с судебной в империи назрела и пенитенциарная реформа. Автор выступал за улучшение условий содержания заключённых, указывал на необходимость проведения в

местах лишения свободы воспитательных и образовательных мероприятий [7, с. 73]. В.Д. Спасович призывал отказаться от практики помещения подсудимых в тюрьмы, где они «засиживались целыми годами» до передачи их дел в суды [3, с. 343].

Скептически В.Д. Спасович относился к такому виду наказания, как церковное покаяние. В «Уложении о наказаниях...» содержался целый ряд преступных деяний, за совершение которых суд мог назначить подобное наказание: уклонение от исповеди и святого причастия, оскорбление святыни, «подложное проявление чудес», жестокое обращение родителей с детьми и супругов друг с другом, вступление в брак в ближайших степенях родства, вступление в четвёртый брак и другие [3, с. 392] (см. об этом, например: [8]). В.Д. Спасович считал, что интересам самой Церкви соответствовал бы отказ светских судов от применения такого вида наказания. Учёный писал: «Покаяние только тогда душеспасительно, когда оно совершено добровольно; никакая внешняя сила не может приказать человеку покаяться, потому что она не в силах произвести в нём сокрушение о вине» [3, с. 393].

В.Д. Спасович обращал внимание на то, что российский уголовный закон существенно ограничивал возможности судей руководствоваться при назначении наказания их внутренним убеждением и самостоятельно определять меру наказания в пределах, очерченных санкцией уголовно-правовой нормы. Учёный отмечал, что при вынесении приговора судьи обязывались руководствоваться статьями Уложения, указывающими на обстоятельства, которые предопределяли назначение минимально либо максимально допустимого наказания [3, с. 418–419].

Уголовное право Российской империи различало общие и особенные обстоятельства, увеличивающие либо уменьшающие «вину и наказание». Например, в статье 141 «Уложения о наказаниях...» были перечислены 11 общих обстоятельств, ссылаясь на которые, судья мог назначить предельно строгое наказание: обдуманность в действиях; состояние, звание и степень образованности подсудимого; безнравственные побуждения; усилия, употреблённые для устранения препятствий; зло или вред, причинённые преступлением и другие. Наличие особенных обстоятельств предполагало назначение наказания выше высшего предела. Чаще всего к таким обстоятельствам относили повторность преступлений [3, с. 419].

В Уложении были перечислены 9 общих обстоятельств, уменьшающих «вину и наказание». Среди них выделяли явку с повинной; легкомыслие, слабоумие, глупость и крайнее невежество преступника; сильное раздражение преступника, вызванное обидами; раскаяние и другие (статья 146). К особенным обстоятельствам, позволяющим судье назначить наказание ниже нижнего предела уголовный закон относил следующие: «когда преступник не только учинил полное при-

знание в преступлении и указал всех своих сообщников, но сверх того доставлением своевременных сведений, предупредил исполнение другого замышляемого преступления»; «когда признавшийся в преступлении заслуживает особого снисхождения по прежней долголетней беспорочной службе, или по каким-либо заслугам и достоинствам»; «когда подсудимый из нехристиан принял православную веру во время следствия и суда» и др. (статья 147).

Автор учебника резюмировал: «Уложение, как известно, старалось всячески ограничить произвол судьи и смотрело на деятельность его, как на работу механическую» [3, с. 418]. В.Д. Спасович считал, что судебная реформа должна «развязать руки» судьям, позволить последним самостоятельно принимать решения, особенно в случаях, связанных со смягчением «суровых постановлений уложения». Учёный высказывал мнение о том, что создаваемые в то время суды присяжных необходимо наделить правом назначения предельных наказаний «по властному впечатлению, произведённому на них фактами дела» [3, с. 420–421].

Написанию «Учебника уголовного права» В.Д. Спасович посвятил 5 лет своей жизни. Подготовка этой книги совпала по времени с разработкой и стартом Великих реформ Александра II. В своей работе учёный чётко очертил основные недостатки российского уголовного законодательства, указал на пути его дальнейшего реформирования и блестяще отразил основные тенденции модернизации уголовного права. К сожалению, не все идеи, сформулированные В.Д. Спасовичем, нашли своё воплощение в праве Российской империи. Однако умозаключения выдающегося правоведа легли в основу формирования классической школы российского уголовного права.

Список использованных источников

1. Грахоцкі, А.П. У.Д. Спасовіч і яго «Учебник уголовного права» (1863 г.) / А.П. Грахоцкі // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2016. – № 2. Социально-экономические и общественные науки. – С. 66–70.
2. Paszkowska, M. Kartka z dziejów rosyjskiej nauki prawa karnego w XIX wieku: «Uczebnik ugodownego prawa» Włodzimierza Spasowicza (1829–1906) / M. Paszkowska // Zeszyty Prawnicze. – 2002. – № 2. – S. 101–115.
3. Современные проблемы, история и методология юридической науки: учеб. пособие / А. Ф. Вишневский, Н. А. Горбатов, В. А. Кучинский. – Минск: Акад. МВД, 2017. – 135 с.
4. Спасович, В.Д. Учебник уголовного права / В.Д. Спасович. – СПб.: Тип. И. Огризко. – 428 с.
5. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // Свод законов Российской империи: в 16 т. – СПб.: тип. 2 отд. Соб. ЕИВ канц., 1857–1903. – Т. 15. – 1885. – с. 1–202.

6. Paszkowska, M. *Poglądy Włodzimierza Spasowicza na karę śmierci* / M. Paszkowska // *Studia Iuridica*. – 2001. – № 39. – S. 181–186.

7. Грахоцкі, А.П. Вучэнне аб пакаранні УД. Спасовіча / А.П. Грахоцкі // *Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Я. Купалы. Серыя 4. Правазнаўства*. – 2016. – № 1. – С. 69–74.

8. Грахоцкі, А.П. Прымяненне нормаў царкоўнага права ў рэгуляванні парадку заключэння шлюбу ў Беларусі (другая палова XIX–пачатак XX ст.) / А.П. Грахоцкі // *Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины*. – 2010. – № 5. – С. 139–146.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

С. С. ДАВЫДЕНКО

ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ИХ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

S.S. DAVYDENKO

STATE-CONFESSIONAL RELATIONS AND THEIR LEGAL REGULATION IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Тема взаимоотношений государства и религиозных конфессий, их правовое регулирование весьма актуальна. Ретроспективный взгляд на их взаимодействие даст возможность более объективно проанализировать современную ситуацию в Республике Беларусь. Рассматривается также взаимодействие государственной власти и религиозных организаций, нормативно-правовая база, на основе которой осуществляется внутренняя политика, правовые механизмы регулирования государственно-конфессиональных отношений в системе государственной власти.

Nowadays the topic of the relationship between the state and religious organizations, as well as their legal regulation remains very relevant. The article gives a retrospective view on the relations between the state and the church, as well as a modern analysis of these relationships. The mechanisms of interaction of the state with religious associations are explained. The legal status of the church in the system of the state power is examined. The characteristic of the normative legal acts is given, on the basis of which the internal policy of the Belarusian state is built in relation to religious organizations.

Ключевые слова: политика; религия; правовое регулирование.

Key words: politics; religion; legal regulation.

Проблема взаимодействия государства и церкви уходит вглубь веков. Эти отношения диктовались разными обстоятельствами, они были обусловлены доминирующим мировоззрением в тот или иной период.

Первая форма познания политики – ее религиозно-мифологическая трактовка, согласно которой типичными были представления о божественном происхождении власти: правитель – земное воплощение Бога. С середины первого тысячелетия до новой эры появляются первые политические концепции мыслителей Конфуция, Платона, Аристотеля, которые заложили основы теоретических исследований политики.

В Средние века источником власти считались божественные силы – эту идею провозглашали Августин Блаженный и Фома Аквинский. С течением времени проблемы политики, власти, государства, церкви были подняты на новый теоретический уровень. Попытку освобождения общественного сознания от засилья религиозных догм и власти церкви предложил Н. Макиавелли, указав на светский характер государственной власти.

В Новое время был провозглашен незыблемый авторитет науки над религией, но в «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера в статьях «Религия» и «Христианство» говорится, что государство извлекает пользу из религии, поскольку она прививает «народу уважение к данным им законам», наиболее приемлемой для государства является христианская религия, которая связана с государственным строем. В частности, Дж. Локк давал позитивную оценку роли религии в жизни общества, а в эпоху Просвещения эта тема получила развитие и из сферы гуманитарных исследований перешла в сферу социальных, а затем и политических изысканий. Формируются различные подходы во взглядах на проблему государства и религии.

С середины XIX века сформирован научный подход к анализу религии, суть которого заключалась во взгляде на религию как одну из сторон общественной жизни, дающую образец поведения, формирующую в обществе систему ценностей, выполняющую в обществе определенные функции. Сторонники социологического подхода (А. Токвиль, Э. Дюркгейм, т. Парсонс, Г. Спенсер, В. Парето, М. Вебер, Ж. Сорель и др.), объясняя феномен религии, считали, что она является источником формирования гражданственности и патриотизма. Э. Дюркгейм, в частности, рассматривая религию как фактор социальной интеграции общества. Видел в культовой деятельности конституирующее начало: религия готовит индивида к социальной жизни, тренирует послушание, укрепляет социальное единство, поддерживает традиции. Они рассматривали религию в качестве самого древнего социального феномена, из которого произошли все другие формы общественного сознания.

Вопрос о соотношении церкви, государства, религии, нации обсуждался русскими религиозными мыслителями конца XIX – XX века. Актуально наследие И. Ильина, С. Булгакова, Н. Бердяева, Л. Франка, В. Соловьева, Н. Лосского и др.

В. Соловьев выступал с идеей всеединства: церковь, государство, общество, как и Н. Бердяев, придерживался мнения, что в основе должна быть идея внутреннего совершенствования человека, указывая, что государство должно быть «дейтельно нравственным», подчинить себя религиозному началу.

Представители диалектико-материалистического подхода К. Маркс, Ф. Энгельс, В. Ленин рассматривали религию как временное, переходя-

щее явление, которое исчезнет по мере развития свободы и самостоятельности человека, считали, что установление коммунистических отношений приведет к отмиранию религии. В основу идеологии советского государства был положен принцип атеизма, который повлек за собой многочисленные проблемы, отразившиеся в 90-х гг. XX в. на взаимоотношениях конфессий и власти.

Объявленная политика «перестройки» стала новым этапом во взаимоотношении государства и религии. Республика Беларусь после распада советского государства обрела независимость и стала проводить самостоятельную конфессиональную политику, постоянно реформируя и совершенствуя ее конституционно-правовые основы. Был принят Закон Республики Беларусь «О свободе вероисповеданий и религиозных организациях» от 17 декабря 1992 г. № 2054-ХІІ. [3]. Закон регулировал государственно-конфессиональные отношения в целях единообразного осуществления на всей территории страны принципов свободы совести и вероисповеданий, а также реализации права на пользование этой свободой.

Государственно-конфессиональные отношения это серьезный аспект во внутренней политике, потому разработка и совершенствование нормативных актов продолжалась. В 1994 г. была принята Конституция Республики Беларусь, а в 1996 г. вносятся изменения на референдуме, где закрепляются положения об отношении к конфессиям, в частности, согласно ст. 31 каждый имеет право самостоятельно определять свое отношение к религии, единолично или совместно с другими исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, выражать и распространять убеждения, связанные с отношением к религии, участвовать в отправлении религиозных культов, ритуалов, обрядов, не запрещенных законом [5]. Согласно ст. 33 каждому гарантируется свобода мнений, убеждений и их свободное выражение; никто не может быть принужден к выражению своих убеждений или отказу от них; монополизация средств массовой информации государством, общественными объединениями или отдельными гражданами, а также цензура не допускаются [5].

17 января 1995 года был принят Закон Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь “О свободе вероисповеданий и религиозных организациях”» [4]. В нем отражены новые подходы к государственно-конфессиональным отношениям, соответствующие духу и сути обновления и демократизации белорусского общества. Но по мере того как менялась общественная жизнь, и религиозная ситуация существенно изменилась. В связи с этим в октябре 2002 года был принят новый закон «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь “О свободе вероисповеданий и религиозных организациях”». Государство, как институт

правопорядка и демократического развития общества, не может допускать разногласия и конфликты на конфессиональной почве. Государственные органы разработали более тщательно стратегии взаимоотношения с представителями различных религиозных организаций, где предусмотрены все механизмы построения взаимоотношений.

Таким образом, происходит постепенный процесс демократизации государственно-конфессиональных взаимоотношений, где в центре внимания человек, его личность. В монографии Л. Е. Землякова «Государственно-правовое регулирование религиозных процессов в Республике Беларусь» вышеуказанный закон находит свое отражение. В проведенном исследовании автор обозначил механизмы, которые должны быть направлены на недопущение нарушения принципов свободы совести; положения, которые определяют приоритеты государства и его функции в сфере государственно-конфессиональных взаимоотношений; установления, касающиеся создания, регистрации религиозных организаций, их прав и условий действия [7, с.14]. В Республике Беларусь начали складываться благоприятные условия для более тесных взаимоотношений государства с религиозными организациями. А. А. Головкин в своей научной работе «Взаимоотношения государства с церковью (новые подходы)» подчеркивает, что отношения между конфессиями и государством основываются не на их слиянии, поглощении одного другим, а на взаимоуважении и взаимопонимании друг друга [8, с.42].

Государственные органы управления должны выстраивать отношения с религиозными организациями таким образом, чтобы гармоничное сочетание социальных, экономических, политических, правовых и нравственных аспектов способствовало становлению высокоразвитого правового демократического общества.

В 2003 г. было принято Соглашение о сотрудничестве между Республикой Беларусь и Белорусской Православной Церковью. Документ является довольно полным с позиции регулирования государственно-конфессиональных отношений. Данное Соглашение стало важным шагом для построения развитого правового государства. Документ содержит 7 статей, каждая из них отражает всю сущность данного нормативного акта, показывает, какие точки соприкосновения есть у государства и религии. Дает пояснения и закрепляет основные права в сфере взаимоотношений. Стоит отметить, что новое Соглашение не предусматривало нарушения баланса в правовой политике государства по отношению к другим конфессиям, что нашло отражение в данном нормативном акте в ст. 4, которая гласит, что стороны признают, что настоящее Соглашение заключается во имя общественного блага и не имеет целью ущемления в правах каких-либо конфессий или граждан [9]. Заключение Соглашения первоочередное с православной цер-

ковью было обусловлено историческими аспектами, так как православие издавна закрепились на территории белорусских земель.

Указом Президента Республики Беларусь «О внесении дополнений и изменений в Указ Президента Республики Беларусь от 24 сентября 2001 г. № 576» от 11 октября 2001 г. № 578 при аппарате Совета Министров Республики Беларусь создана организация по делам религий и национальностей (вместо Государственного комитета по делам религий и национальностей). Нововведение свидетельствует о понижении статуса этого органа. Государственный комитет по делам религий и национальностей находится в системе органов исполнительной власти, что дает возможность мгновенно реагировать на нарушения правового законодательства и, в свою очередь, разрешать возникшие конфессиональные проблемы. Компетенции нового учреждения недостаточно для эффективного исполнения возложенных на него задач, по этой причине необходимо законодательно придать государственному органу по делам религий и национальностей контрольные полномочия. Действующее законодательство Республики Беларусь создает правовое поле, в котором религиозные организации могут полноценно действовать и развиваться, а гражданам гарантируются их конституционные права на свободу совести и вероисповедания. В данном утверждении присутствует главный принцип государственного правового взаимоотношения с различными религиозными организациями. Взаимоотношения государства и религиозных организаций могут строиться по принципу согласительной системы, основу которой может составить принцип социального партнерства. Согласительная система предусматривает заключение договоров и соглашений между религиозными организациями и государством, в результате чего обе стороны берут на себя определенные обязательства и получают определенные права. Установление открытой согласительной системы в государственно-церковных отношениях позволит развивать контакты между церковью и государством в русле социального партнерства. Республика Беларусь стоит на пути правового государства, которое не может существовать без нравственного обогащения всего общества. Поэтому правовая политика занимает важное место в государственном правовом регулировании, так как сочетание экономической, политической, социальной и духовной сфер свидетельствует о том, что в государстве предусмотрены все гарантии для развития индивида и общества в целом.

Проблема отношений государства и церкви не потеряла своей значимости и в современном обществе. Многие белорусские ученые обращаются к этой проблематике. Она стала серьезной темой для научных исследований, в которых дается анализ особенностей развития конфессиональных отношений, выявляются исторические и культурные особенности их становления и развития, также уровень и динамика

религиозности разных слоев населения Республики Беларусь.

В частности Л. Земляков [7] исследовал проблему взаимодействия государства и религиозных конфессий, где дан анализ государственно-церковных отношений как специфической сферы политики государства и церкви, ее конституционно-правового закрепления в современный период. А. Тиханский [10] дает комплексный анализ особенностей становления этноконфессиональных отношений в период трансформации белорусского общества, подчеркивает роль государства в сохранении этноконфессиональной стабильности в республике.

Следует отметить, что конфессиональные взаимоотношения в той или иной мере влияют на развитие политической, экономической, социальной сфер общества. Одним из важных приоритетов с момента обретения Беларусью суверенитета и независимости, является создание правовых условий для деятельности религиозных организаций и получение ими статуса юридического лица, поэтому правовое взаимоотношение государства и религии является фундаментальной целью. Религия является главным принципом государственно-религиозных отношений, построение правовых основ в данной сфере позволяет не допускать различного рода конфронтаций как со стороны государства, так и со стороны представителей различных конфессий. Еще с древних времен различного рода верования были своего рода рычагами государственного управления, к примеру, цивилизации Ближнего Востока. На протяжении тысячелетий проходила трансформация различных вероисповеданий, некоторые прекратили свое существование, а некоторые, пройдя сложный путь, занимаются религиозной деятельностью и поныне. На протяжении веков они соприкасались, дополняли друг друга, выстраивали единый вектор как внешней, так и внутренней политики страны. При этом оказание влияний конфессионального аспекта на политическую жизнь государства различно, но его присутствие в политических организациях и движениях не являются случайными. Наличие в государстве различных конфессий является качественной характеристикой данного общества, государственного строя, свидетельство способности государственного управления обеспечить демократические основы прав граждан, не допустить незаконное посягательство на убеждения верующих граждан страны. Это важнейший показатель развития демократичного правового и гуманистического общества. Исторический процесс и современность являются тому свидетельством.

Список использованных источников

1. *Об отделении церкви от государства и школы от церкви : Декрет Совета Народных Комиссаров от 23 янв. 1918 г. № 263 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://istmat.info/node/28408>. – Дата доступа : 12.11.2018.*

2. Давыденко, С. С. Политико-правовое обеспечение вероисповедной политики в Республике Беларусь / С. С. Давыденко // сб. материалов науч. конф. молодых ученых и аспирантов, 3 апр. 2003 г., Минск. – Минск : РИВШ БГУ, 2003. – С. 129.

3. О свободе вероисповеданий и религиозных организациях : Закон Респ. Беларусь от 17 дек. 1992 г. № 2054-XII [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://pravo.levonevsky.org/bazaby/zakon/zakb1339.htm>. – Дата доступа : 13.11.2018.

4. О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О свободе вероисповеданий и религиозных организациях» от 17 янв. 1995 г. № 3533-XII : Закон Респ. Беларусь от 31 окт. 2002 г. № 137-3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.etalonline.by/Default.aspx?typ=text®num=v19503533#load_text_none_2_3. – Дата доступа : 14.11.2018.

5. Конституция Республики Беларусь 1994 г. (с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г.). – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2017. – 62 с.

6. О свободе совести и религиозных организациях : Закон Респ. Беларусь от 31 окт. 2002 г. № 137-3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.etalonline.by/Default.aspx?type=text®num=h10200137#load_text_none_3_2. – Дата доступа : 17.11.2018.

7. Земляков, Л. Е. Государственно-правовое регулирование религиозных процессов в Республике Беларусь / Л. Е. Земляков // Проблемы конституционализма : сб. науч. тр. – Минск, 2002. – С. 14.

8. Головкин, А. А. Взаимоотношения государства с церковью (новые подходы) / А. А. Головкин // Проблемы конституционализма : сб. науч. тр. – Минск, 2002. – С. 42.

9. Соглашение о сотрудничестве между Республикой Беларусь и Белорусской Православной Церковью от 12 июня 2003 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://exarchiate.by/resource/Dir0009/Dir0015/>. – Дата доступа : 20.01.2018. УДК 334.735:347 Ж.Ч. Коновалова (konovalova65@mail.ru).

10. Тиханский, А. М. Этноконфессиональные отношения в период трансформации белорусского общества: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. социол. наук – Минск, 2000. – 25 с.

Н.В. ДЕНИСЕНКО
К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ ИНСТИТУТА
АДВОКАТУРЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

N.V. DZENISENKO
TO THE QUESTION OF THE ESTABLISHMENT AND
DEVELOPMENT
OF THE INSTITUTION OF ADVOCACY IN THE RUSSIAN EMPIRE

Становление и развитие адвокатуры России представляет научный интерес, поскольку многие черты дореволюционной адвокатуры сохранились в последующих периодах правового регулирования. В статье анализируются функции органов управления адвокатуры, порядок поступления на должность адвоката, выявляются положительные и отрицательные тенденции законодательства, регулирующего порядок деятельности адвокатуры Российской империи. Делается вывод о признании института присяжных поверенных прогрессивным явлением, обеспечивающим право на защиту и квалифицированную юридическую помощь.

The formation and development of Russian advocacy is of scientific interest, since many features of the pre-revolutionary advocacy were preserved in subsequent periods of legal regulation. The author analyzes the functions of the governing bodies of the bar, the procedure for admission to the post of lawyer, reveals positive and negative trends in the legislation regulating the activities of the bar of the Russian Empire. The conclusion is made that the institution of sworn attorneys is recognized as a progressive phenomenon that ensures the right to defense and qualified legal assistance.

Ключевые слова: адвокатура, присяжные поверенные, частные поверенные, Российская империя, судебная реформа 1864 года.

Key words: advocacy, sworn attorneys, private attorneys, Russian Empire, judicial reform of 1864.

В научной литературе, касающейся вопросов становления и развития института адвокатуры, одни авторы начинают исторический обзор адвокатуры с XIV-XV вв., с Псковской судной грамоты, а другие – со второй половины XIX в. – времени реформ Александра II. Нам представляется более убедительным второй подход [1].

Отправной точкой становления современной адвокатуры стало

принятие Судебных уставов 1864 г. и практические шаги по воплощению их в правовую жизнь [2, с. 24]. Предполагалось, что судебная реформа должна нести в себе огромное воспитательное значение для русского народа, правосознание которого необходимо было поднять до европейского уровня. Например, известный дореволюционный адвокат В.Д. Спасович писал: «Судебная реформа обозначала переход русского общества со средневекового положения на современное – европейское» [3, с. 12].

Становление адвокатуры в Российской Империи в результате судебной реформы 1864 года было обусловлено:

а) стремлением передовых слоев общества демократизировать юридическую систему страны для выполнения задач правозащиты;

б) готовностью подавляющего большинства профессиональных юристов обеспечить условия для защиты независимости судей, создать адвокатуру европейского типа для осуществления защиты по уголовным делам и представительства интересов в суде;

в) осознание правящими кругами неизбежности реформирования юридической системы для предотвращения социальных потрясений [2, с. 24].

20 ноября 1864 г. в виде закона принимается «Учреждение судебных установлений», которое отделяет суд от административной власти, учреждает выборный мировой суд, вводит принцип состязательности [4, с. 72]. Данный принцип сделал необходимым учреждение института адвокатуры.

Согласно идее Судебной реформы, адвокатура изначально планировалась и создавалась как профессиональная и, прежде всего, самоуправляемая организация адвокатов с предоставлением ей широких полномочий в судопроизводстве. В Российской империи в уголовно-процессуальном законодательстве адвокат назывался «присяжным поверенным». Слово «присяжный» означало связан присягой, то есть обязан хранить тайну доверителя. А «поверенный» - это лицо, которое официально должно было действовать от имени доверителя, представлять его права и защищать его интересы [2, с. 25].

Согласно ст. 354 вышеуказанного документа присяжными поверенными могли быть лица, имевшие аттестаты университетов или других высших учебных заведений об окончании курса юридических наук, или о выдержании экзамена в этих науках. Сверх того, кандидаты должны были прослужить не менее пяти лет по судебному ведомству в таких должностях, при исправлении которых могли приобрести практические сведения в производстве судебных дел, или, также не менее пяти лет, состоять кандидатами на должности по судебному ведомству, или же заниматься судебною практикою под руководством присяжных поверенных, в качестве их помощников [5].

Не могли претендовать на приобретение статуса присяжного поверенного иностранцы, лица, состоящие на оплачиваемой службе у государства, несостоятельные должники, а также опороченные лица (такowymi считались лица, исключенные из числа присяжных поверенных, священнослужители, лишенные сана, лица, лишенные прав состояния). Решение об отказе в присвоении статуса присяжного поверенного могло быть обжаловано в суд, однако существовало правило согласно которому, отказ, основанный на нравственной оценке претендента, не подлежал оспариванию в судебном порядке. Считаем подобную практику проявлением дискриминационного начала в отношении потенциальных претендентов, поскольку подобное положение вещей неизбежно вело к злоупотреблениям в органах судебной власти [6, с. 84].

Устанавливалось, что присяжные поверенные не могут принимать занятий, несовместимых с их званием. По разъяснению Сената, несовместимыми со званием присяжного поверенного признаются, между прочим, должности члена земской управы, нотариуса, кандидата на судебные должности и почётного мирового судьи. Таким образом, адвокатская деятельность была несовместима с государственной службой.

Следует отметить, что присяжным запрещалось вести дела против своих родственников, покупать или иным образом приобретать права своих доверителей по их тяжбам не только на свое имя, но и на имя других лиц, разглашать тайну своего доверителя, представлять сразу обе стороны тяжущихся, а так же вести более одного дела в день [5].

Присяжные поверенные состояли при судебных палатах, однако их корпорации не входили в состав судебных мест, а пользовались самоуправлением в вопросах внутренней жизни, но под высшим контролем судебной власти. Уже в середине XIX в. были заложены основные принципы внутренней организации адвокатуры, сохранившиеся по сей день. Высшим органом присяжных поверенных каждого округа судебной палаты было общее собрание. Его основными функциями являлись: определение числа членов совета присяжных поверенных данного округа – исполнительного органа корпорации присяжных поверенных (от 5 до 15); избрание председателя и членов совета; заслушивание отчета совета о действиях за минувший судебный год.

Совет присяжных поверенных был построен по французскому типу. Будучи полновластными, но в то же время сравнительно демократичными органами, советы совмещали в себе административные и судебные функции. Прежде всего, совет был посредником между присяжным поверенным и его доверителем. Для этого совет назначал по очереди поверенных для безвозмездного представления в суде интересов неимущих; определял размер их вознаграждения в случае отсутствия соглашения о гонораре; рассматривал жалобы на действия по-

веренных [4, с. 72]. В случае выявления нарушений совет был вправе привлечь адвоката к дисциплинарной ответственности посредством предостережения, выговора, запрета практики на определенный срок, исключения из состава сословия. Существовало правило: если адвокату два раза запрещалась практика на определенный срок, в третий раз совет был вправе исключить его из сословия, такие лица не могли заниматься адвокатской деятельностью на всей территории страны [7, с. 18].

Корпорации адвокатов, будучи независимыми и самоуправляемыми объединениями, все-таки не функционировали изолированно от судебных органов. К примеру, судебная палата являлась высшей инстанцией по отношению к совету присяжных поверенных по делам о наложении дисциплинарных взысканий, а также по некоторым вопросам о принятии в сословие присяжных. Кроме того, действовала норма о том, что если совет присяжных не был образован в данном округе, все полномочия совета принадлежали местному окружному суду. На недостатки данного правила указывали многие дореволюционные юристы. Во-первых, в силу своей занятости судьи не могли осуществлять постоянный надзор за деятельностью присяжных поверенных, а во-вторых, дальнейшее развитие данного положения могло привести к ограничению независимости адвокатуры [4, с. 72].

Одновременно с присяжными поверенными в Российской Империи существовал институт частных поверенных, законодательно закрепленный в 1874 г., когда были утверждены «Правила о лицах, имеющих право быть поверенными по судебным делам». Предполагалось, что частные поверенные будут заниматься лишь гражданскими делами, но впоследствии, пользуясь положениями ст. 565 Устава уголовного судопроизводства, частные поверенные стали вести уголовные дела. Требования, предъявлявшиеся к частным поверенным, были весьма заниженными. Им могли стать любые грамотные, совершеннолетние, не отлученные от церкви, не исключенные со службы, из своего сословия или из ходатаев по чужим делам, не лишенные по суду всех прав состояния, не преданные суду за преступления, влекущие лишение всех прав состояния. Естественно, подобное негативно повлияло на профессиональные качества частных поверенных. Частный поверенный осуществлял свою деятельность на основании особого свидетельства, выдаваемого тем судом, в округе которого частный поверенный ходатайствовал по делам [8].

Одной из главных целей создания такого института стало желание государства противопоставить частных поверенных присяжным поверенным, политическое влияние которых неизбежно возрастало, угрожая основам российского самодержавия. Частные поверенные должны были стать временными фигурами в судопроизводстве. Но

со временем этот институт укрепил свои позиции [9, с. 90]. Однако в целом для судопроизводства XIX в., как отмечают ученые, были более полезны именно присяжные поверенные, что было обусловлено следующими причинами. Во-первых, они обладали большими познаниями и опытом работы, поскольку к ним предъявлялись более строгие требования, чем к частным поверенным. Во-вторых, их деятельность строилась на принципе самоуправления, поэтому советы присяжных поверенных достаточно четко отслеживали соблюдение корпоративных норм, этики и т. д. [10].

Что касается полномочий присяжных поверенных, то проанализировав Судебные уставы 1864 г. и судебную практику второй половины XIX – начала XX в., мы пришли к выводу, что законодатель наделил адвокатов в Российской империи четырьмя основными функциями: 1) участие в гражданских делах в качестве представителя стороны (ст. 390 Учреждения судебных установлений) [5]; 2) участие в уголовных делах в качестве защитника подсудимого (ст. 393 Учреждения судебных установлений) [5]; 3) адвокаты в уголовном процессе могли представлять интересы потерпевшей стороны. В первую очередь это касалось вопросов имущественного характера; 4) традиционно одной из функций адвокатов являлась помощь в составлении юридических документов. Судебными уставами 1864 г. она прямо не регламентировалась, но подразумевалась, а также подтверждалась практикой [11, с. 29].

Тем не менее, присяжные поверенные не обладали монополией на ведение как уголовных, так и гражданских дел. Например, в рамках гражданского процесса роль защитника могли исполнять близкие родственники одной из сторон, а также другие категории граждан [9, с. 90].

Как представляется, к положительным моментам демократического, гласного и бессословного правосудия, провозглашенного Судебными уставами, следует отнести то, что не только лицо, имеющее хороший достаток, но и крестьянин или рабочий равным образом могли защитить свои права. Не только богатый, но и бедный получили возможность воспользоваться услугами квалифицированного юридически подкованного адвоката. Так, по гражданским делам лицам, которые из-за бедности не могли оплатить услуги адвоката, последний назначался Советом присяжных поверенных (пункт 5 статьи 367 Учреждения судебных установлений) [5].

Негативным явлением истории становления адвокатуры Российской империи являлось то, что образование адвокатских Советов искусственно тормозилось и блокировалось государством административными методами (в 1874 году был наложен мораторий на создание новых Советов присяжных поверенных, кроме трех уже имевшихся в Петербурге, Москве и Харькове), так как адвокаты были слишком неподконтрольными и зачастую оппозиционно настроенными по отно-

шению к самодержавному режиму. Кроме того, регулярно предпринимались различные попытки реформирования института защитников, предполагавшие в основном ограничение их прав. Так, в 1878 г. Министерство юстиции внесло в Государственный Совет проект закона о лишении поверенных права на ходатайство в суде. Такую государственную политику можно назвать если не попытками полного уничтожения российской адвокатуры, то, по крайней мере, совершенно точно ограничениями ее независимого развития [12].

Ещё одним отрицательным явлением в процессе становления российской адвокатуры было закрытие доступа к занятию должности присяжного поверенного лицам не христианских вероисповеданий. 8 ноября 1889 г. был принят Высочайший указ «О порядке принятия в число присяжных и частных поверенных лиц нехристианских вероисповеданий», который с современной точки зрения носил шовинистический характер и напрямую ущемлял интересы адвокатуры. Согласно этому документу, члены российской адвокатуры, имеющие еврейское происхождение и составляющие значительную ее часть, отныне могли быть приняты в присяжные и даже в частные поверенные «не иначе, как с разрешения министра юстиции».

Стоит подчеркнуть, что это была не единственная отрицательная черта законодательства, негативно влиявшая на развитие российской адвокатуры. Следует считать абсолютной дискриминацией недопущение к работе в качестве присяжных поверенных, а также их помощников лиц женского пола. Женщины не имели доступа к высшему юридическому образованию, причем такое положение дел сохранялось вплоть до 1911 года. Ситуация изменилась только после 11 ноября 1911 года, когда был принят закон, позволивший женщинам получать высшее юридическое образование, и Государственный совет стал обсуждать вопрос о допущении женщин в адвокатуру. Большинство высокопоставленных сановников выступало против такого разрешения, причем один из членов Государственного совета сослался на изначальную неполноценность женщин, ибо Господь сотворил Еву всего лишь из ребра Адама [13, с. 143].

Вышеуказанные недостатки деятельности адвокатуры были устранены только после Февральской революции: Министерство юстиции разрешило принимать в ряды адвокатуры всех помощников присяжных поверенных еврейской национальности, в адвокатуру допускали женщин [14, с. 32, 34].

Следует отметить, что на начальном этапе становления адвокатуры адвокаты не могли принимать участие в предварительном следствии. Суть аргументов сводилась к следующему: «При предварительном следствии трудно поставить защитника в надлежащие границы и нельзя не опасаться, что он сочтёт своей обязанностью противодейство-

вать собиранию обличительных документов и способствовать обвиняемому в сокрытии следов преступления» [15, с. 151]. Только в 1897 г. участие адвоката на предварительном следствии стало обязательным в отношении несовершеннолетних в возрасте от 10 до 17 лет [16, с. 624].

Несмотря на наличие негативных моментов законодательства того времени, устанавливающего некоторые ограничения деятельности присяжных поверенных, следует отметить, что многие положения законодательства XIX в. аналогичны положениям действующего сегодня законодательства. Так, например, Александром II в ходе реформы было установлено, что основанием для участия присяжных поверенных в уголовном судопроизводстве могло быть как соглашение между ним и обвиняемым, так и решение суда: председатель был вправе назначить официального защитника обвиняемому в том случае, если обвиняемый обращался с соответствующей просьбой. Как известно, сегодня, если гражданин не может обеспечить себе адвоката, его интересы представляет один из адвокатов адвокатской палаты субъекта в целях соблюдения принципа равенства правосудия. Также, как уже отмечалось, в Российской империи обязательно должен был быть назначен присяжный поверенный в том случае, если подсудимым являлся несовершеннолетний в возрасте от 10 до 17 лет [10]. Более того, для института присяжных поверенных была характерна присущая нынешней адвокатуре корпоративность, относительное равенство адвокатов и внутреннее самоуправление в виде выборных органов – собраний и советов присяжных поверенных [6, с. 83].

Таким образом, несмотря на наличие определенного числа дискриминационных положений законодательства, устанавливающего статус и порядок деятельности адвокатуры, можно сказать, что в результате проведения судебной реформы 1864 года был создан прогрессивный институт присяжных поверенных, ставший одним из элементов, позволяющих провести в жизнь новые институты судостроительства. В законе были предусмотрены органы, контролирующие деятельность адвокатов, но не умаляющие их самостоятельность, – советы присяжных поверенных. Их создание и выборы состава проходили под контролем соответствующей судебной палаты. К компетенции советов также относились прием в сословие, привлечение адвокатов к дисциплинарной ответственности. Все указанные полномочия осуществлялись под контролем судебных палат, которые, с одной стороны, обеспечивали законность деятельности советов, а с другой – проводили в жизнь политику самодержавия по ограничению независимости адвокатуры [7, с. 20, 21].

Более того, мы выяснили, что реформы Александра II, проведенные в рамках третьего этапа становления законодательства, нашли свое отражение и в действующем законодательстве, что свидетельствует о преемстве правового регулирования дореволюционной адвокатуры и

сохранении общих подходов, заложенных в этот период [10]. Несмотря на противоречия, возникшие в ходе судебных преобразований, адвокатура предоставляла юридические услуги от имени общества частным лицам в гражданском и уголовном процессах, осуществляя право любого человека на получение квалифицированной юридической помощи, тем самым став одним из столпов в формировании гражданского общества в России [9, с. 93]. Благодаря именно Судебной реформе русская адвокатура приобрела такие качества, как самостоятельность, независимость, корпоративность.

Оценивая сегодня судебную реформу 1864 г., важно отметить, что при всей ее ограниченности она существенно подвинула Россию вперед по пути соблюдения и защиты прав человека. «Нельзя сказать, - писал В.Д. Спасович о русском государстве того времени, — чтобы оно вдруг сделалось правовым, но было решено, что оно должно сделаться правовым». Но как бы там ни было адвокатура в царской России противодействовала беззаконию на почве реально существующей тогда законности [17, с. 199, 200].

Список использованных источников

1 Синеокий, О.В. Адвокатура как институт правовой помощи и защиты. Учебное пособие [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://lib.sale/advokatura_besplatno/advokatura-rossiyskoy-imperii-61109.html. Дата доступа: 09.11.2019.

2 Иванова, И. А. Становление института адвокатуры // XXXV Международные научные чтения (памяти А.Д. Ландау): Сборник статей Международной научно-практической конференции (2 октября 2018 г., г. Настоящий сборник составлен по итогам XXXV Международных научных чтений. - Москва: ЕФИР, 2018. - 57 с.

3 Связь судебной реформы с другими реформами императора Александра II и влияние её на государственный и общественный быт России / Э. Н. Берендтс. — Петербург: Сенатская тип., 1915. — 202 с.

4 Князева, Е.Г. Развитие российской адвокатуры в дореволюционный период // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. - 2004. - №3. - С. 71-74.

5 Учреждение судебных установлений [Электронный ресурс] / Сайт Конституции Российской Федерации. - 2019. - Режим доступа: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3450/>. - Дата доступа: 09.11.2019.

6 Резекин, А.М. История становления и развития адвокатуры в России // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА (выпуск двадцать второй). - Оренбург, 2014. - 102 с.

7 Адвокатура пореформенной России второй половины XIX- начала XX в.: вопросы организации и взаимодействия с судебными палатами // Сибирский юридический вестник. - 2018. - №1. - 13-22.

8 Гриненко А.В., Костанов Ю.А., Невский С.А.. Адвокатура в Российской Федерации: Учеб. пособие / Под ред. А. В. Гриненко [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://lawbook.online/rossii-advokatura/advokatura-rossiyskoy-38>

federatsii-ucheb-posobie.html. – Дата доступа: 09.11.2019.

9 Соломатин, Е.Н. Институт адвокатуры как субъект правозащитной деятельности в дореволюционной России // Известия Тульского государственного университета. – 2015 – № 1-2. – С. 84-95.

10 Мамедов, Р.О. Становление института адвокатуры в дореволюционной России: историко-правовой анализ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/stanovlenie-instituta-advokatury-v-dorevolutsionnoy-rossii-istoriko-pravovoy-analiz>. – Дата доступа: 09.11.2019.

11 Черепанов, С.И. Функции адвокатуры в Российской империи и Российской Федерации // Вестник Нижегородской правовой академии. – 2017. – №14. – С.29-30.

12 Тюленев, М.В. Адвокатура в России в дореволюционный период [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_37118457_83885476.pdf. – Дата доступа: 09.11.2019.

13 Тотоев Р.Р., Юхневич К.П. Правовое положение адвокатуры в Российской империи в пореформенный период // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. – 2019. Т.13 – №6. – С. 141-145.

14 Смирнов, В. Н. Адвокатура и адвокатская деятельность. – М., 2010. – С. 11-17.

15 Коротких, М. Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 г. в России. – Воронеж, 1989. – 185 с.

16 Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. – Ч. 3. – СПб., 1867 – 757 с.

17 Беккали, Х. К вопросу о формировании института адвокатуры в России, 1864-1917 гг. / Х. Беккали // Известия Тульского государственного университета. – 2008 – № 1. – С. 194-203.

Т.И. ДОВНАР

ПРИМЕР СЛУЖЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ
НАУКЕ И ПРАВОСУДИЮ

T.I. DOŬNAR

УЗОР СЛУЖЭННЯ ПРАВАВОЙ НАВУЦЫ І ПРАВОСУДДЗЮ

T.I. DOUNAR

SAMPLE OF SERVICE TO THE LEGAL SCIENCE AND JUSTICE

В статье рассматриваются страницы жизни и профессиональной деятельности В.Д. Спасовича. Особое внимание уделено изучению научного наследия ученого в области уголовного и гражданского права, а также юридической практике В. Спасовича. Автор обращает внимание на высокий профессионализм, нравственность и принципиальность взглядов В.Д. Спасовича, делает вывод, что всю свою жизнь известный юрист и мыслитель посвятил честному служению правосудию.

У артыкуле разглядаюцца старонкі жыцця і прафесійнай дзейнасці У.Д. Спасовіча. Асабліва ўвага надаецца вывучэнню навуковай спадчыны вучонага ў сферы крымінальнага і грамадзянскага права, а таксама адвакацкай практыкі У. Спасовіча. Аўтар звяртае ўвагу на высокі прафесіяналізм, маральнасць і прынцыповасць поглядаў У.Д. Спасовіча, прыходзіць да высновы аб тым, што ўсё сваё жыццё знакаміты юрыст і мысліцель прысвяціў сумленнаму служэнню правасуддзю.

The article is concerned with the pages of life and professional activity of V.D. Spasovich. Particular attention is paid to the study of the scientific heritage of the scholar in the field of criminal and civil law, as well as the law practice of V.D. Spasovich. The author draws attention to the high level of professionalism of V.D. Spasovich, his ethics and integrity, coming to the conclusion that a famous lawyer and thinker dedicated all his life to the service of fair justice.

Ключевые слова: В.Д. Спасович, уголовное право, адвокатура, Российская империя

Ключавыя словы: У.Д.Спасовіч, крымінальнае права, адвокатура, Расійская імперыя.

Keywords: V.D. Spasovich, criminal law, advocacy, the Russian Empire.

Адным з самых вядомых выхадцаў з Беларусі, якія ўнеслі значны ўклад у расійскую тэарэтычную і практычную юрыспрудэнцыю, з'яўляецца Уладзімір Данілавіч Спасовіч. Пасля заканчэння Мінскай гімназіі, а затым юрыдычнага факультэта Пецярбургскага ўніверсітэта ў 1849 г., ён спачатку працаваў у Палаце крымінальнага суда, а пасля абароны магістарскай дысертацыі стаў прафесарам крымінальнага права Пецярбургскага ўніверсітэта. У 1866 годзе ён перайшоў у адвакатуру і стаў адным з першых у Расіі прысяжных павераных [1, с.554]. Спасовіч пісаў пра сябе, што мяняць неаднойчы месца працы прымусілі яго жыццёвыя абставіны.

Знакаміты навуковец, публіцыст, практычны юрыст і літаратуразнаўца на працягу ўсяго жыцця паспяхова займаўся навукова-даследчай дзейнасцю. Спасовічу належыць заслуга ў даследаванні самых актуальных тагачасных прававых праблем. Ён з'яўляецца аўтарам шматлікіх навуковых прац, у тым ліку па міжнародным, грамадзянскім, крымінальным і крымінальна-працэсуальным праве [2]. Вельмі прагрэсіўнымі і своєчасымі для Расіі сталі яго публікацыі па крымінальнаму праву. У тым ліку ім быў падрыхтаваны адзін з першых расійскіх падручнікаў па крымінальнаму праву, за які ў 1863 годзе Спасовічу была прысуджана вучоная ступень доктара права. У гэтай кнізе ён падверг рэзкай крытыцы дзеючае расійскае “Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1846 года” і выказаў уласнае разуменне многіх крымінальна-прававых пытанняў, чым вызваў незадаволенасць з боку рэакцыйнай прафесуры і расійскага кіраўніцтва.

У сваіх публікацыях, у тым ліку у кнізе “Новые направления в науке уголовного права” Спасовіч на падставе аналізу вучэнняў Канта, Гегеля і іншых філосафаў і тэарэтыкаў права, а таксама аналізу гісторыі крымінальнага права, надаў увагу важнейшым тэарэтычным пытанням у сферы злачынства і пакарання, паказаў уласнае разуменне шэрагу праблем крымінальнага права [3]. У тым ліку, звяртаючы ўвагу на гісторыю і практыку ажыццяўлення крымінальнага пакарання, пачынаючы з гісторыі Старажытнага Рыма, Спасовіч адзначаў неабумованую неабходнасць жорсткасць прымяняемых на працягу стагоддзяў пакаранняў. Будучы знаўцам не толькі тэорыі крымінальнага права, але крымінальнай псіхалогіі і фізіялогіі, ён асабліва катэгарычна адмаўляў існуючыя ў Расіі жорскія каральныя меры, асабліва калі гэта тычылася перакананняў і поглядаў чалавека і даказваў неабходнасць справядлівасці і гуманізму ў сферы нарматыўнай рэгламентацыі і практыкі прымянення пакарання.

Асаблівае значэнне Спасовічам было нададзена навуковай палеміцы аб прымяненні ў якасці вышэйшай меры пакарання смяротнай кары. Ён актыўна выступаў супраць смяротнага пакарання, цясесных і вельмі жорсткіх пакаранняў, у тым ліку супраць катаргі і ссылкі [3,

с.70-73 і інш.]. Ён лічыў, што пакаранне не можа мець мэтай помсту і застрашэнне, а павінна выкарыстоўвацца дзяржавай з папераджальнай і выхаваўчай мэтай. Усе гэта неаднойчы ён выказаў і абгрунтаваў у сваіх лекцыях, публічных выступленнях і навуковых працах.

Закранаючы пры гэтым агульную праблему злачыннасці, Спасовіч перш за ўсё бачыў яе прычыны ў недасканаласці дзяржаўнага і грамадскага ладу і нізкай культуры народа. Ён быў упэўнены, што сам кандаўца павінен клапаціцца аб павышэнні прававой культуры насельніцтва, умацаванні пачуцця ўласнай годнасці чалавека, а таксама аб павазе і цяглічасці ў адносінах да чужых перакананняў і поглядаў. Навуковыя працы знакамітага навукоўцы прасякнуты ідэямі гуманізму, павагі да асобы чалавека, да яго чалавечай годнасці, уласных думак і перакананняў. Ён зрабіў значны ўклад у распрацоўку праблем псіхафізіялогіі, выказаў і абгрунтаваў шэраг цікавых ідэй на імя аднаго з вядомых псіхіятрычнага таварыства пры Ваенна-медыцынскай акадэміі, членам якога быў. Аднак ідэі Спасовіча былі прызнаны царскай уладай варожымі ў Расіі, а яго падручнік крымінальнага права ўвогуле быў забаронены распараджэннем цара Аляксандра І ў сувязі з тым, што ў яго тэксце было знойдзена 36 месцаў з “варожымі думкамі” [1, с.554].

Пры распрацоўцы праблем крымінальна-працэсуальнага права Спасовіч перш за ўсё падвергнуў крытыцы фармальную тэорыю доказаў. Ён падкрэсліваў, што тэорыя доказаў з’яўляецца галоўнай у сістэме судаводства, яна складае аснову ўсяго крымінальнага працэсу, самую істотную яго частку, якая абумоўлівае формы судаводства і канструкцыю судовых органаў. Крытыкуючы папярэднюю тэорыю доказаў, ён паказаў уласнае баачанне яе новай сутнасці і істотных складовых частак. У кантэксце гэтага ў шэрагу навуковых прац Спасовіч распрацаваў і абгрунтаваў уласную класіфікацыю судовых доказаў. Прычым даказаў, што неабходна “выдвінуць вперед доказательство посредством уликов, предоставив судьям право приговаривать к наказанию по их совокупности”, аднак пры гэтым нельга яго «брать отдельно от других обуславливающих его обстоятельств» [3, с.144-145].

Патрэбна звярнуць увагу, што ў навуковых даследаваннях Спасовіча шмат увагі было нададзена шэрагу інстытутаў грамадзянскага права. Так, некаторыя артыкулы, публічныя лекцыі і манаграфіі былі прысвечаны праблемным пытанням аўтарскага права. Напрыклад, у працы “Права авторские и конрафакция” (СПб, 1865) ён аналізаваў праблемныя і вельмі актуальныя пытанні “так называемой литературной собственности”. Пры гэтым Спасовіч быў амаль адным з першых навукоўцаў у Расіі, які звярнуў увагу на праблему кантрафакцыі. Арамя таго, шэраг публікацый ім было прысвечана спадчыннаму праву, а таксама новай для таго часу праблеме “акционерных обществ” [гл., напр.: 3, с.174-206].

Важным у науковых працах, лекцыях і публічных выступленнях Спасовіча былі тыя палажэнні, у якіх ён тэарэтычна даказваў неабходнасць рэфармавання ўсёй тагачаснай расійскай сістэмы судовага ладу і судаводства. Спасовіч сцвярджаў: “Назначение суда – охранять закон наказыванием его нарушителей”, якімі могуць быць “и частные лица, и применители закона, равно управляемые, как и управляющие” [3, с.148]. Ён патрабаваў заканадаўчага замацавання і ўвядзення ў практыку судаводства прынцыпаў незалежнасці суда ад адміністрацыі, роўнасці ўсіх перад законам з адменай усялякіх пераваг, у тым ліку перавагі мужчыны над жанчынай, нязменнасці суддзяў, заснавання інстытутаў адвакатуры і пракурорскага нагляду, увядзення спаборнага, вуснага і галоснага судаводства. У сваёй працы “О теории судебного-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством” (1861) Спасовіч падкрэсліваў, што “гласность для суда то же, что воздух для дыхания” [3, с.159]. Таксама ён лічыў неабходным увесці выбарныя пасады суддзяў з пэўным узроставым і маёмасным цензам. У навуковым артыкуле «Аб мове ў галіне судаводства» Спасовіч выказаў думку, што расійскія судовыя службоўцы павінны абавязкова валодаць мовай таго народа, сярод якога яны працуюць [1, с.555].

Спасовіч стаў адным з ідэйных натхняльнікаў судовай рэформы ў Расіі і хаця не прымаў непасрэднага ўдзелу ў яе правядзенні, аднак многія яго навуковыя распрацоўкі і прапановы былі ўлічаны і пакладзены ў аснову новага судова-працэсуальнага заканадаўства – Судовых статутаў 1864 года. Пры гэтым ён папярэджаў: “Вникая критически в смысл закона, возникшего в одну эпоху, нельзя ему приписывать идей, свойственных только последовавшим за этой эпохой иным временам и порядкам. Когда писались судебные уставы, никаких помышлений не было о том, чтобы созидать их не иначе как из национального исторического материала” [3, с.171-172].

Пасля ўвядзення ў дзеянне Судовых статутаў Спасовіч стаў адным з першых у Расіі прысяжных павераных. Дзякуючы сваім прафесійным ведам, шырокай эрудыцыі і бліскучым здольнасцям прамоўцы, ён стаў адным з лепшых расійскіх адвакатаў. Калегі называлі яго “караль адвакатуры”, “першы адвакат Пецярбурга”, “Цар-пушка, цар-колакал суда” і г.д. Спасовіч быў віртуозам у сваёй справе, хаця і далёка не элегантным ў слове. Яго прамовы не вызначаліся знешнім глянцам і напышчанымі фразамі. Іх моц праяўлялася ва ўнутраным змесце, прастаце і даходлівасці слова. Тыя, хто ўпершыню прысутнічаў на судовых пасяджэннях, часта адзначалі, што спачатку Спасовіч некалькі расчароўваў іх, бо першыя сказы ён заўсёды гаварыў з нейкім унутраным напружаннем, нават заікаўся. Словы спачатку як бы не падпарадкоўваліся яму, фразы нараджаліся цяжка. Аднак праз хвіліны ён поўнасю авалодваў аўдыторыяй, гаварыў упэўнена, цвёрда і пераканаўча.

Заўважаныя дэфекты мовы згладжваліся багаццем думак, яркай і вобразнай мовай. Вялікі псіхолаг, Спасовіч чураўся нестрыманасці ў палеміцы і заўсёды выбіраў правільны тон прамовы. Тых, хто слухаў яго прамовы, яны ўраджвалі моццу выразнага слова, глыбіной думкі, багаццем мовы, умелым выкарыстаннем параўнанняў. А. Ф. Коні пісаў: "В числе многих и многие годы я восхищался его оригинальным, непокорным словом, которое он вбивал, как гвозди, в точно соответствующие им понятия, любовался его горячими жестами и чудесной архитектурой речи, неотразимая логика которых соперничала с глубокой их психологией и указаниями долгого, основанного на опыте житейского раздумья" [4, с.229].

Несумненнай вартасцю судовых прамоў Спасовіча была іх ўдалая планіроўка і загадзя прадуманы паслядоўны аналіз доказаў па справе, кожнае з якіх ён умела ставіў на сваё месца. Надаючы значны час падрыхтоўцы да судовых пасяджэнняў, ён свае прамовы будаваў у строгай лагічнай паслядоўнасці, аналізаваў доказы ў дробязных дэталях. Многія пазначалі, што Спасовіч асабліва вызначаўся тонкім аналізам абставін справы і асобы абвінавачанага, майстэрскай распрацоўкай доказаў. Яму былі характэрны неаспрэчная логіка і аргументацыя сваёй пазіцыі. Не змяншаючы ступень злачыннасці дзеяння, Спасовіч больш звяртаў увагу на фактычныя абставіны справы, вызначаў слабых месцы абвінавачвання, дакапываўся да сутнасці рэчаў. Пры гэтым прысутныя на судовых працэсах падкрэслівалі, што Спасовіч аднолькава быў моцны ў справах, дзе падсудны адмаўляў свой удзел у злачынстве, так і ў тых справах, у якіх кваліфікацыя злачынстваў была спрэчнай, або аспрэчвалася само здзяйсненне злачынства. Так, у адной з лепшых яго прамоў па справе аб забойстве Ніны Андрэяўскай, Спасовіч, правільна размеркаваўшы значны даказальны матэрыял, умела аперыраваў ім, асабліва гэта тычылася ускосных доказаў. Пры гэтым ён нароўні з судовымі экспертамі ўступаў у палеміку па медыцынскіх пытаннях.

Апазіцыйна накіраваны да самадзяржаўна-памешчыцкіх парадкаў у Расіі, Спасовіч асабліва ахвотна выступаў абаронцам па палітычных справах. Ён прымаў удзел амаль ва ўсіх буйнейшых палітычных працэсах свайго часу (у справе "нячаеўцаў", "193-х", 50-ці, Чорналу пераезде і інш.). Падлічана, што агульная колькасць прамоў Спасовіча па палітычных справах было рэкордным сярод адвакатаў – 17 [3, с.13]. Часта ўмелая і актыўная абарона адвакатамі падсудных прыводзіла да апраўдання апошніх. Так, па справе "нячаеўцаў", з 78 падсудных было апраўдана больш паловы. На той час значэнне палітычных працэсаў у грамадска-палітычным развіцці Расіі было вельмі значным, а смелая абарона па палітычных справах, якая, як правіла, ажыццяўлялася бясплатна, здабывала павагу да інстытута авакатуры.

Сам Спасовіч адносна адвакацкай працы у сваіх публікацыях падкрэсліваў яе грамадскае значэнне і пазначаў, што яна прызначана служыць шырокім інтарэсам правасуддзя. Важнай задачай судовага абаронцы ён лічыў дапамогу суддзям заглянуць ва ўсе тайны і вуглы душы падсуднага. Абаронца абавязаны сказаць на карысць падсуднага ўсё тое, чаго той сам не ўмее, або не можа ці не жадае сказаць, не закрываючы пры гэтым вочы на ісціну і не ўказваючы галаслоўна на ўплыў і ўздзеянне асяроддзя, асоб або абставін справы без іх дакладнага вывучэння і праверкі. Закранаючы этычныя праблемы дзейнасці адваката ў крымінальным працэсе, Спасовіч пазначаў, што самым галоўным у адвакацкіх прамовах з'яўляюцца маральныя пачаткі. Ён падкрэсліваў, што адвакацкая дзейнасць з'яўляецца такой жа службай, як вайсковая, і выконваць яе можна дваяка: фармальна як казёншчыну, або шчыра і рупліва, укладывая ўсю душу ў справу. Пры гэтым ён звяртаў увагу на выбар сродкаў абароны, якія, на яго думку, павінны быць добрасумленнымі і свабоднымі аб выбару кліента. Спасовіч сцвярджаў, што у сродках абароны не павінна быць месца сумніўным доказам, якія прадаставіў кліент. На яго думку, такі від абароны, як абарона па згодзе з падсудным, менш свабодна для адваката, чым абарона па прызначэнню суда. У першым выпадку адвакату прыходзіцца прытрымлівацца сістэмы абароны падсуднага. Аднак і пры гэтым абаронца не можа быць сляпой прыладай, а павінен мець адвагу свайго звання і называць рэчы сваімі імёнамі [3, с.6].

Неаднойчы закранаючы ў сваіх судовых прамовах і навуковых працах праблему правоў і свабод чалавека, Спасовіч сцвярджаў, што заканадаўца павінен клапаціцца аб умацаванні пачуцця ўласнай годнасці людзей, а таксама – павагі ў адносінах чужых думак і перакананняў. Пры гэтым ён, як і шматлікія папярэднія беларускія мысліцелі (А.Волан, Л.Сапега і інш.) занадта ўзвышаў усялякую свабоду – свабоду асобы, сумлення, слова, думкі і інш. Аднак акцэнтаваў увагу на тым, што свабода волі накладвае на чалавека адказнасць за свае справы і ўчынкi, а дар свабоднага слова адвакату дадзены дзеля палегкі лёсу падсуднага і ім нельга карыстацца для пашырэння злачынных ці антыграмадскіх ідэй. Ён пазначаў, што “вопрос об ответственности стоит прочно даже и при отрицании свободы воли” [3, с.42].

Даючы ацэнку зместу судовых прамоў Спасовіча, А.Ф.Коні пазначаў, што Спасовіч быў не толькі быў абаронцам, але і мысліцелем, для якога прыватны выпадак службы падставай для ўзняцця агульных пытанняў і іх ацэнкі з пункту гледжання палітыка, мараліста і публіцыста. Таксама вядомы публіцыст Г. Джаншыяў, вельмі трапна ацаніўшы адвакацкую дзейнасць Спасовіча, у адным са сваіх артыкулаў пісаў: “Спасович своею многолетней адвокатской практикой принес громадную пользу и новому суду, и молодой адвокатской корпорации” [5, с.811].

Патрэбна адзначыць, што многія навуковыя напрацоўкі Спасовіча грунтаваліся на аналізе гістарычнай эвалюцыі разглядаемых ім прававых нормаў і інстытутаў. Усе юрыдычныя пытанні ён разглядаў праз прызму гістарычнай пераемнасці права. Асаблівую ўвагу Спасовіч надаваў гісторыі права Вялікага Княства Літоўскага і Польшчы. Так, у кнізе “Об отношениях супругов по древнему польскому праву” (СПб., 1857) ён прааналізаваў сямейна-маёмасныя адносіны ў старажытны перыяд і выказаў іх уласнае разуменне. Важным было тое, што Спасовіч прымаў непасрэдны ўдзел у падрыхтоўцы выдання Статута 1588 года, Валюміны легум і іншых нарматыўных актаў Вялікага Княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай. Увогуле ён з вялікай павагай ставіўся да прававой спадчыны гэтых дзяржаў, бо, як адзначаюць навукоўцы: “его судьба, как и судьбы большинства выходцев из Северо-Западного края, были неразрывно связаны с русским и польским языками и, соответственно, с обеими культурными традициями. Более того, интеллектуалы, воспитывавшиеся на бело-русских землях, выбирали в себя также потенциал белорусской, еврейской и даже татарской народных культур [6, с.27]. Менавіта таму на судовых пасяджэннях, як адзначаў А.Ф.Коні, свае прамовы Спасовіч часта гаварыў “отстранено, как чужой”.

Мастак слова, аратар высокай эрудыцыі, знаўца гісторыі, літаратуры, медыцыны і псіхалогіі, Спасовіч быў вельмі патрабавальны да сябе як адносна адвакацкай, так і навуковай дзейнасці. Навуковая прыныповасць і энцыклапедычныя веды дазволілі яму выказаць і абгрунтаваць важныя палажэнні не толькі ў сферы развіцця прававой навукі, але адносна эвалюцыі ўсяго грамадства і культуры. Даследчыкі яго дзейнасці пісалі, што палітычныя погляды Спасовіча былі вельмі ліберальнымі і даволі кансерватыўнымі. Сам жа Спасовіч пазначаў пра сябе, што ён “антыцаркоўнік, антынацыяналіст і антыдзяржаўнік”, хоць у рэчасінасьці актыўна выступаў за неабходнасць дзяржаўнага рэфармавання і развіцця грамадства ў дэмакратычным накірунку. Крытыкуючы тагачасныя расійскія парадкі і пазначаючы, што ў свой час хто б не быў сацыялістам, ён пісаў: “Мы находимся ныне, в конце XIX века, в полном процессе демократизации общества и даже на скате его по наклонной плоскости к социализму” [3, с.181]. Пры гэтым ён, выказваючыся за ўсялякі прагрэс у грамадскім развіцці, катэгарычна адмаўляў усялякае насілле ў якасці вырашэння сацыяльных праблем, у тым ліку рэвалюцыйны шлях, які, на яго думку, можа адкінуць Расію на 100 гадоў назад. Ён выступаў за ўстанаўленне новых парадкаў без кровапраліцця і забойстваў, а па згодзе ўсіх грамадскіх арганізацый і партый на арэне парламента.

Увогуле як у навуковай, так і адвакацкай дзейнасці Спасовіч быў высокамаральным і прыныповым чалавекам. Усё яго жыццё супра-

ваджаў стан палітычнай неблаганадзейнасці. Аднак ён не звяртаў увагу на жыццевыя абставіны і грамадскае меркаванне ў адносінах на яго асобы. Усё сваё жыццё знакаміты юрыст і мысліцель прысвяціў аднаму – сумленнаму служэнню правасуддзю.

Список использованных источников

1. Доўнар Т. І. Спасовіч Уладзімір Данілавіч / Мысліцелі і асветнікі Беларусі: Энцыкл. даведнік / Беларус. Энцыкл. – Мінск: БелЭн, 1995. – С. 553-555.
2. Спасович В. Д. Сочинения : в 10 т. / В. Д. Спасович. – СПб. : Книж. магазин братьев Рымович, 1889-1902.
3. Спасович В. Д. Избранные труды / В. Д. Спасович. – Минск : ЮрСпектр, 2019. – 320 с.
4. Кони А. Ф. Отцы и дети судебной реформы / А. Ф. Кони, М.: Издание Т-ва И. Д. Сытина, 1914. – 530 с.
5. Джанишиев Г. В. Эпоха великих реформ : Исторические справки / Г. В. Джанишиев 9-е изд. СПб.: Типо-лит. Б. М. Вольфа. 1907. – 859 с.
6. Грахоцкий А.П. Спасович о проблеме национальной самоидентификации // В служении Фемиде и обществу: страницы жизни и деятельности В.Д. Спасовича : сборник научных статей / А.П. Грахоцкий. / редкол.: И. И. Эсмантович (гл. ред.) [и др.] ; М-во образования Республики Беларусь, Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. — Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2016. — С. 21–30.

А.У. ЕРАШЕВИЧ

ФИНАНСИРОВАНИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СУДЕБНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ БЕЛАРУСИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX в.

А.У. ЕРАШЭВІЧ

ФІНАНСАВАННЕ ўТРЫМАННЯ СУДОВЫХ УСТАНОВАЎ БЕЛАРУСІ ў ПЕРШАЙ ТРЭЦІ XIX ст.

A.U. YERASHEVICH

FINANCING THE MAINTENANCE OF JUDICIAL INSTITUTIONS IN BELARUS IN THE FIRST THIRD OF THE XIX-th Cent.

В статье рассматриваются изменения организационно-штатного состава, источников, структуры и уровня денежного обеспечения провинциальных, уездных и городских судебных учреждений провинций Беларуси в первой трети XIX в. Исследование основано на анализе как опубликованных законодательных источников из Полного сборника законов Российской империи, так и использования значительного числа неопубликованных архивных документов и материалов.

У артыкуле разглядаюцца змены ў арганізацыйна-штатнай структуры, крыніцах, структуры і ўзроўні грашовага ўтрымання губернскіх, уездных і гарадскіх судовых устаноў губерняў Беларусі ў першай трэці XIX ст. Даследаванне заснавана на аналізе як апублікаваных заканадаўчых крыніц з Поўнага збору законаў Расійскай імперыі, так і на выкарыстанні значнай колькасці неапублікаваных архіўных дакументаў і матэрыялаў.

Summary. The article discusses changes in the organizational-regular structure, sources, structure and level of the monetary maintenance the provincial, district and city judicial institutions in the Belarus provinces in the first third of the XIX century. The study is based on the analysis published legislative sources selected from the Complete Legal Code of the Russian Empire and the use of a significant amount of the unpublished archival documents and materials.

Ключевые слова: белорусские губернии; судебные установления; Верховный суд; нижний земский суд; межевые суды; земские поветовые суды; городской суд; государственное финансирование; денежное содержание.

Ключавыя словы: беларускія губерні; судовыя ўстановы; Галоўны суд; ніжні земскі суд; межавыя суды; земскі павятовы суд; гродскі суд; дзяржаўнае фінансаванне; грашовае ўтрыманне.

Keywords: the Belarus provinces; judicial institutions; the Main court; lower zemsky court; boundary courts; zemsky district court; grodsky court; government funding; the monetary maintenance.

З пачаткам панавання імператара Аляксандра I на тэрыторыі Беларусі працягвалі функцыянаваць большасць губернскіх, уездных і гарадскіх судовых устаноў, створаных яшчэ ў часы праўлення імператара Паўла I.

У сувязі з адміністрацыйна-тэрытарыяльнай рэарганізацыяй, скасаваннем Літоўскай губерні і адпаведна Літоўскага надворнага суда ў зноў створаных літоўскіх губернях (Віленскай і Гродзенскай) паводле ўказа імператара Аляксандра I ад 31.12.1801 г. былі адчынены Галоўныя суды, арганізаваныя таксама і пасля падзелу Беларускай губерні на Віцебскую і Магілёўскую [12, т. 26. № 20096. С. 874–875]. Мінскі Галоўны суд быў адкрыты яшчэ 12.03.1797 г. [1, арк. 1; 5, арк. 31]. Штатны склад Галоўных судаў беларускіх губерняў вызначаў сенацкі ўказ ад 12.07.1802 г. [10, арк. 153, 157]. З прычыны намяжэння значнай колькасці нявырашаных спраў у Галоўных судах узніклі дадатковыя часовыя дэпартаменты.

У пачатку царавання імператара Аляксандра I у склад Віцебскага, Магілёўскага і Мінскага Галоўных судаў уваходзілі 2 старшыні дэпартаменту 5-га класа з утрыманнем у 1680 руб. у год, 2 саветніка 6-га класа з штогодным жалаваннем у 1200 руб., 4 дваранскія засядацелі 7-га класа без жалавання. У адрозненне ад гэтых губерняў, у якіх служачым Галоўных судаў выдаткоўвалася 2880 руб. штогоднага ўтрымання, у Віленскі і Гродзенскі Галоўныя суды службоўцам выдзялялася амаль у 1,5 разы больш грашовага ўтрымання (4200 руб.), у тым ліку 2 старшым дэпартаменту – 2700 руб., 2 саветнікам – 1500 руб. (8 дваранскіх засядацеляў, уведзеныя адпаведна сенацкага ўказа ад 10.10.1802 г. па 4 чал. у кожны з дэпартаменту, акладнага ўтрымання не мелі) [12, т. 27. № 20454. С. 304–305; т. 44-2. Отд. 4. С. 226]. Утрыманне чыноўнікам у Віцебскай і Магілёўскай губернях выплочвалі асігнацыямі, а ў Мінскай, Гродзенскай і Віленскай – серабром.

Дэклараваныя імператарамі Паўлам I і Аляксандрам I літоўскім губерням ранейшыя правы і прывілеі прывялі да з'яўлення ў Галоўных судах гэтых губерняў для паспяховага вырашэння спраў, адпаведна імяннага ўказа ад 21.12.1803 г., акрамя штатных сакратароў, яшчэ і рэгенту на грамадскім утрыманні [12, т. 27. № 21094. С. 1079]. Сенацкім указам ад 15.02.1806 г. судаводства ў Галоўных судах у “далучаных ад Польшчы губернях” прадпісвалася весці на польскай і рускай мове

[12, т. 29. № 22027. С. 45–47], але наплыў польскамоўных іскавых дакументаў, асабліва па справах немаёмных людзей, прымусіў улады ўжо ў лютым 1807 г. дадаць у кожны з дэпартаментаў Галоўных судаў па аднаму перакладчыку з польскай на рускую мову з штатным казённым жалаваннем у 180 руб. у год [12, т. 29. № 22468. С. 1025–1026]. 30.12.1819 г. імператар Аляксандр I зацвердзіў палажэнне Камітэта міністраў аб абранні ў кожны з дэпартаментаў Віцебскага Галоўнага суда 4 дваранскіх засядацеляў ці дэпутатаў без казённага жалавання [12, т. 36. № 28063. С. 528], а 7.01.1822 г. прыняў рашэнне аб дадатку 2 дваранскіх засядацеляў у кожны з дэпартаментаў Магілёўскага Галоўнага суда таксама без дзяржаўнага ўтрымання [12, т. 38. № 28862. С. 4–5].

Значнае павелічэнне памераў акладнога жалавання чыноўнікаў губернскіх судовых установаў адбылося згодна імяннага ўказа імператара Аляксандра I Сенату ад 13.03.1825 г. У кожным з Галоўных судаў у Віцебскай, Магілёўскай і Мінскай губернях з гэтага часу 2 саветніка павінны былі атрымоўваць не 1200, а 3000 руб., 2 сакратара – не 700, а 1600 руб. У кожным з Галоўных судаў літоўскіх (Віленскай і Гродзенскай) губерняў 2 саветнікам мусілі плаціць замест ранейшых 1500 ужо 3000 руб., 2 сакратарам – узамен 750 ужо 1600 руб. штогод [12, т. 44-2. Отд. 4. К № 30291. С. 200; 11, спр. 2506].

У Віцебскай і Магілёўскай губернях Галоўныя суды былі скасаваны 1.01.1831 г., а ў Віленскай, Гродзенскай і Мінскай – 30.10.1831 г. Першыя дэпартаменты Галоўных судаў былі пераўтвораны ў Палату крымінальнага суда, а другія – у Палату грамадзянскага суда.

Галоўнымі калегіяльнымі выбарнымі адміністрацыйна-паліцэйскімі органамі ва ўездах (паветах) сталі створаныя ў 1778 г. адпаведна “Устанаўлення для кіравання губерняў Усерасійскай імперыі” 1775 г. ніжнія земскія суды ў складзе земскага спраўніка і выбіраемых на 3 гады 2 дваранскіх засядацеляў. Акрамя кантрольна-наглядных функцый, ніжні земскі суд праводзіў папярэдняе следства па асобных катэгорыях крымінальных злачынстваў, здзяйсняў выкананне рашэнняў па прыговарам судаў. Колькасць дваранскіх засядацеляў у ніжніх земскіх судах у асобных губернях Беларусі зменьвалася. Так, 31.05.1804 г. было абвешчана аб дадатку ў ніжнія земскія суды Мінскай губерні па аднаму дваранскаму засядацелю з утрыманнем за кошт сумы, збіраемай з дваранскіх маёнткаў [12, т. 28. № 21319. С. 359–360]. 21.02.1805 г. імператар Аляксандр I канфірмаваў даклад Сената аб памнажэнні ў ніжніх земскіх судах Віцебскай і Магілёўскай губерняў дваранскіх засядацеляў: да 2-х штатных яшчэ дадаваліся па 2 чал. з жалаваннем таксама з сумы, накладзенай у 1799 г. на дваранскія маёнткі [12, т. 28. № 21629. С. 839–840]. У 1816 г. пацвярджалася правіла аб вызначэнні ў губерні, “далучаныя ад Польшчы”, земскіх спраўнікаў і засядацеляў земскіх судаў па выбару дваранства і наступнага зацвярджэння кандыдатаў губернатарамі

[12, т. 33. № 26132. С. 490–491]. У гэтым жа годзе ў ніжніх земскіх судах Віленскай, Гродзенскай, Мінскай губерняў і Беластоцкай вобласці скасоўваліся дадатковыя каронныя засядацелі, уведзеныя пасля абвяшчэння ваеннага становішча ў 1812 г. [12, т. 33. № 26178. С. 538]. Палажэнне Камітэта міністраў ад 26.11.1817 г. замацавала даданых у час дваранскіх выбараў 1809 г. у Віленскай губерні засядацеляў: па аднаму звышштатнаму засядацелю ў кожны ніжні земскі суд без утрымання [12, т. 34. № 27164. С. 893], а таксама прыбавіла па аднаму выбарнаму дваранскаму засядацелю без жалавання ў кожны з ніжніх земскіх судаў Мінскай губерні [12, т. 34. № 27165. С. 893]. Паводле імяннага ўказа ад 7.11.1821 г. у 9 ніжніх земскіх судах Мінскай губерні зноў дадалі па аднаму дваранскаму засядацелю, а ў Бабруйскай – двух без казённага жалавання [12, т. 37. № 28803. С. 906–907].

3 1802 г. на ўтрыманне ніжняга земскага суда ў Віцебскай, Магілёўскай, Мінскай губернях штогод выдаткоўвалася сума ў 1208 руб. (земскі спраўнік атрымываў 250 руб., 2 дваранскіх засядацеля – 400 руб., 2 засядацеля ад паясян – 120 руб., сакратар – 200 руб., на канцылярскіх служыцеляў і расход адпускалася 238 руб.). У Віленскай і Гродзенскай губернях на ніжні земскі суд выдзялялася большая сума ў 1600 руб. (земскаму спраўніку – 375 руб., 2 дваранскім засядацелям – 600 руб., сакратару – 250 руб., канцылярскім служыцелям і на выдаткі – 375 руб.) [12, т. 44-2. Отд. 4. С. 223].

Значнае прымнажэнне спраў ва ўездных судах Магілёўскай губерні прымусіла ўлады ініцыяваць адкрыццё часовых земскіх судаў, для ўтрымання канцылярый якіх была неабходна штогодная казённая сума ў 6000 руб., экстраардынарная, ці на кошыце вінаватых [6, спр. 4332, арк. 58–62 адв., 73 адв., 83 адв.]. Для забеспячэння ўтрымання канцылярый часовага ніжняга земскага суда рагачоўскае дваранства пагадзілася ахвяраваць з кожнай рэвізскай душы па 6 кап. [6, спр. 4332, арк. 75]. У 1829 г. у час правядзення дваранскіх выбараў дваранства Аршанскага, Чавускага, Мсціслаўскага, Быхаўскага, Магілёўскага, Бабінавіцкага, Клімавіцкага, Чэрыкаўскага, Сенненскага, Копыскага паветаў склала акты, у якіх адзначылі цяганіну судаводства і для дапамогі засядацелям і канцылярскім служыцелям добраахвотна пагадзіліся штогод збіраць на працягу 3 год з кожнай душы памешчыцкіх сялян мужчынскага полу па 6 кап. Землеўладальнікі Беліцкага і Рагачоўскага паветаў абавязваліся ўносіць штогод на працягу 3 год з памешчыцкіх маёнткаў па 1 тыс. руб. для ўтрымання Беліцкага ніжняга земскага суда з уласных даходаў адпаведна колькасці рэвізскіх душ па ўраўняльнай раскладке. Разам з тым дваранства падкрэслівала абцяжаранасць маёнткаў дзяржаўнымі даўгамі, і таму не мела магчымасці рабіць добраахвотныя ахвяраванні [6, спр. 4465, арк. 1 адв., 9–20, 5–26]. Таму справа забеспячэння ўтрымання канцылярый часовых ніжніх земскіх судаў была ўскладзена на

дзяржаўнае казначэйства. Сенацкі ўказ ад 1.09.1830 г. абвяшчаў зацверджанае імператарам Мікалаем I 2.07.1830 г. палажэнне Камітэта міністраў, паводле якога ў распараджэнне генерал-губернатора М. М. Хаванскага для ўтрымання заснаваных у Магілёўскай губерні часовых земскіх судаў, неабходных для хутчэйшага разгляду ўсіх нявырашаных спраў, з 15.03.1829 г. на працягу 2 год штогод выдзялялася па 6000 руб. з мясцовай казённой палаты на кошт казны [6, спр. 4332, арк. 89–89 адв.; 13, т. 5-1. № 3771. С. 689–690].

Імператарскі маніфест ад 6.10.1810 г. абвяшчаў аб утварэнні ў Віленскай губерні асобных судаў для разбору межавых спраў. У разасланым Сенатам 30.11.1810 г. палажэнні аб размежаванні Віленскай губерні гаварылася аб паўнамоцтвах, складзе, парадку камплектавання і ўтрымання павятовых межавых судаў, кожны з якіх павінен быў уключаць, у залежнасці ад колькасці насельніцтва і прасторы павета, ад 15 да 21 суддзяў, зацвярджаемых на дваранскіх выбарах праз кожныя 3 гады. Павятовыя межавыя суды складаліся з 2 частак: часовага суда 1-й інстанцыі і пастаяннага апеляцыйнага з не менш чым 5 суддзяў у цэнтры павета. У межавыя суды 1-й інстанцыі ўваходзілі межавыя суддзі, арбітры цяжэбных бакоў, выбіраемыя рэгенты ці сакратары і прызначаемыя каморнікі. Межавыя суддзі атрымлівалі з кожнай перанесенай на план валокі спрэчнай зямлі па 1 руб. серабром, а апеляцыйныя – па 3 руб. серабром. Рэгент ці сакратар абодвух судаў з абмеру валокі спрэчнай зямлі зарабляў 4 злотых, землемер за размежаванне кожнай ўвалочки меў 4 злотых, за вугольны курган – 2 злотых, спенны курган – 1 злоты, за межавыя знакі – 0,5 злотых [12, т. 31. № 24370. С. 378, 379, 384]. Такім чынам, судовыя чыны павятовых межавых судаў існавалі выключна за кошт грашовых сродкаў суцяжнікаў. Суддзі, сакратары і землемеры павятовых межавых судаў 1-й інстанцыі не атрымлівалі казённага жалавання, але мелі права спагнання асобных збораў з цяжэбнікаў [12, т. 38. № 29431. С. 936]. Сенацкія ўказы ад 29.05.1811 г. і 22.02.1812 г. распаўсюджвалі палажэнне аб размежаванні зямель Віленскай губерні на Гродзенскую і Мінскую губерні з стварэннем у апошніх таксама асобных судаў для размежавання зямель [12, т. 31. № 24655. С. 667–668; т. 32. № 25005. С. 198–200]. Агульныя межавыя суды першай інстанцыі дзейнічалі ў 1810–1815 гг. Іх члены разглядалі межавыя спрэчкі на месцы з удзелам абодвух бакоў і выезджалі для агляду граніц земляў. Колькасць суддзяў у павятовых межавых судах не была аднолькавай. Так, Мінскае губернскае праўленне 5.10.1829 дакладвала, што ў Мінскім павеце было выбрана 13 межавых суддзяў, у Дзісенскім – 14, Барысаўскім – 9, Мазырскім – 7, Слуцкім – 14, Бабруйскім – 4, Рэчыцкім – 3 [2, спр. 277, арк. 699 адв. – 700].

Пасля хадайніцтва гродзенскага губернскага маршала і дваранскіх дэпутатаў да трону, згодна імператарскага ўказа ад 19.11.1815 г., у Грод-

не засноўваўся губернска апеляцыйны нармальны (межавы) суд як вышэйшая апеляцыйная інстанцыя па межавых справах, у які ўваходзілі па аднаму з павятовых межавых суддзяў з жалаваннем за кошт сумаў земскіх павіннасцяў [12, т. 33. № 26001. С. 380–381; 11, спр. 880]. Пазней дадзенае палажэнне было распаўсюджана на Мінскую (імяны ўказ ад 21.01.1816 г.) [12, т. 33. № 26087. С. 445–446] і Віленскую (палажэнне Камітэта міністраў 6.09.1816 г.) губерні [12, т. 33. № 26428. С. 1018]. Мінскі губернска апеляцыйны межавы суд пачаў сваю працу восенню 1816 г. [4, арк. 343]. У 1824 г. у Мінскай губерні налічвалася разам 379 непамешчыцкіх маёнткаў, у тым ліку 93 казённых, 29 ленных, 36 паезуіцкіх, да 221 духоўных. У межавых павятовых судах Мінскай губерні, акрамя межавага губернскага, разглядаліся справы 92 маёнткаў (24,3 % з усёй колькасці), у тым ліку 63 казённых, 5 ленных, 2 паезуіцкіх, 22 духоўных [3, арк. 79]. 18.10.1817 г. Сенат у якасці вышэйшай апеляцыйнай інстанцыі узаконіў падану апеляцый з павятовых апеляцыйных у губернска апеляцыйныя межавыя суды [12, т. 34. № 27102. С. 812].

Што тычылася межавых справаў адносна размежавання дзяржаўных земляў з прыватнаўласніцкімі і духоўнымі і аб адчужэнні казённай нерухомай маёмасці, то ўрад, ахоўваючы інтарэсы нерушнасці дзяржаўных уладанняў і фінансавата дабрабыту казны, узяў іх пад абавязковае рэгуляванне і кантроль: 15.02.1825 г. імператар Аляксандр I зацвердзіў меркаванне Дзяржаўнага Савета, паводле якога спыніліся дзеянні межавых судаў у адносінах да казённай маёмасці, а ўсе рашэнні губерnskіх межавых судаў і апеляцыі паступалі на рэвізію і канчатковае зацвярджэнне ў Сенат [12, т. 40. № 30228. С. 67].

Такім чынам, для размежавання земляў у Віленскай, Гродзенскай, Мінскай губернях існавалі 3 інстанцыі судаў: губерnskія межавыя, павяковыя апеляцыйныя 2-й інстанцыі (уклучалі ад 15 да 21 членаў), межавыя 1-й інстанцыі (складаліся з аднаго з членаў і 2 арбітраў). Межавыя спрэчкі паміж дзяржаўнымі, духоўнымі і прыватнымі ўладаннямі разбіраліся пад наглядом члена губерnskага праўлення, казённай палаты і страпчага. Шматлікія межавыя суды спалучалі і судовую, і выканаўча-распарадчую ўлады. Іскі прыватных уласнікаў да казённай маёмасці паступалі ў казённыя палаты, якая прызначала камісараў і землямераў для межавага суда 1-й інстанцыі [9, спр. 256, арк. 582–584].

Сенацкі указ ад 18.04.1823 г. замацоўваў штаты для губерnskіх межавых апеляцыйных судаў Віленскай і Гродзенскай губерняў і абвясчаў аб знішчэнні канцылярскіх акцыдэнцый [12, т. 38. № 29431. С. 935–937]. Па ўзору казённай палаты для губерnskіх межавых апеляцыйных судаў у Віленскай і Гродзенскай губернях прызначалася для 20 асобаў і на канцылярскія прыпасы сума ў 6000 руб. серабром [7, спр. 430, арк. 166–167]. Для Мінскага губерnskага апеляцыйнага межавага суда выд-

зялялася сума ў 1550 руб. серабром і 9000 руб. асігнацыямі [12, т. 38. № 29431. С. 936].

У губернях Беларусі, акрамя агульнарасійскіх губернскіх (Галоўныя суды) і ўездных (ніжнія земскія суды) судовых устаноў адпаведна “Устанаўленні аб губернях” 1775 г., спецыяльных межавых судов па размежаванні дзяржаўных, царкоўных і прыватных зямельных уладанняў, працягвалі дзейнічаць на аснове нормаў Статута Вялікага княства Літоўскага 1588 г. ранейшыя судовыя інстанцыі часоў Рэчы Паспалітай: як ўмоўна пастаянныя (земскія павятовыя, гродскія суды), так і часовыя (падкаморскія, кампрамісарскія, эксдывізарска-таксатарскія суды).

Земскія павятовыя суды першай інстанцыі па грамадзянскіх і крымінальных справах у складзе земскага суддзі (7 класа), 2 падсудкаў (8 класа), якіх выбіралі на дваранскіх сходах праз кожныя 3 гады з ліку дваран, уладальнікаў нерухомай маёмасці ў павеце, пісара (10 клас), 4 возных (14 клас) працавалі сесіямі па 2–3 тыдні 3 разы ў год (у кадэнцыі св. Караля з 7.01. да 20.02., св. Сёмухі (Троицы) з 1.06. да 16.07., з 1.10. па 16.11.) [14, с. 11]. У павеата Беларускай губерні земскія павятовыя суды былі адноўлены з мая-чэрвеня 1797 г. [10, арк. 153, 157], у Мінскай – з вясны 1797 г. (указ Мінскага губернскага праўлення ад 10.03.1797 г.) [5, арк. 1–2 адв.]. Абвешчаны 9.06.1802 г. імператарскі ўказ скасоўваў пажыццёвае заняцце пасадаў, уведзіў агульнарасійскі парадак замяшчэння пасадаў і замацоўваў змену выбарнага дваранскага чыноўніцкага апарата ў судовых установах заходніх губерняў праз кожныя 3 гады [12, т. 27. № 20273. С. 146–147].

Гродскія суды, якія разглядалі крымінальныя справы па асобных катэгорыях злачынстваў (забойствы, разбоі, крадзяжы і інш.) у выпадку затрымання злачынцаў на месцы злачынства, а таксама і цывільныя справы, сведчылі здзелкі, абавязацельствы, копіі дакументаў, працягвалі дзейнічаць толькі ў паветах Віленскай і Гродзенскай губерняў. Пасяджэнні гродскага суда адбываліся кожны месяц па 2 тыдні, альбо 4 кадэнцыямі па месяцам у сакавіку, маі, верасні і да 23 снежня [14, с. 11]. У склад гродскага суда ўваходзіў прэзідэнт (суддзя), падсудак, тры засядацеля і пісар, якія зацвярджаліся губернатарам. Усе гэтыя выбарныя службоўцы, як і члены земскага павятовага суда, не атрымлівалі пастаяннага дзяржаўнага ўтрымання і жылі за кошт судовых збораў. Суддзя з Навагрудку ва ўспамінах нават прыгадаў таксы некаторых судовых збораў: за напісанне іску на гербавай ці штэмпляванай паперы, альбо замест гербавай на простае паперы бралі пошліну, з кожнай пазвы і з выданай копіі дакументаў плацілі па 52,5 кап., з кожнага актараатавага ўпісання пры пачатку справы – па 6 руб. З кожнага акта пажыццёвай пасесіі, нерухомай маёмасці, здаваемай у заставу (заклад) ці арэнду, з кантрактаў, тэстаментаў і іншых дакументаў па спадчын-

ным правам спаганялі пошліны па 10 руб. і асобна сумы за права продажу ўласнасці. За запіс ў тэстаменты нерухомай уласнасці не прамым, а бліжэйшым спадчыннікам, далейшым ці пабочным па ступені сваяцтва, збіралі па 4 % ад цэлай сумы ацэнкі маёмасці. Кожны месяц члены гродскага суда маглі назапасіць па некалькі, а часам і па 10 тыс. руб., асабліва ў час навагрудскіх кантрактаў ці з'ездаў, пасля прыезду штогод у сакавіку памешчыкаў да павятовага казначэйства [14, s. 12]. Гродзенскі губернскі маршал граф Грабоўскі для паспяховага судаводства следчых і крымінальных спраў прапанаваў Дзяржаўнаму Савету да выдання губернскіх штатаў выдзяляць штогод з 1823 г. на ўтрыманне канцылярый гродскіх і земскіх павятовых судаў у “далучаных ад Польшчы губернях” па 1000 руб. асігнацыямі з сум земскіх павіннасцяў [7, спр. 430, арк. 125]. Яго меркаванне было ўхвалена сенацкім указам ад 26.03.1823 г. [8, арк. 202; 9, спр. 254, арк. 203; 12, т. 38. № 29383. С. 865–866]. Тым не менш, сенацкі указ ад 17.07.1825 г. не забараняў канцылярыям гродскіх і земскіх павятовых судаў заходніх губерняў карыстацца, звыш вызначанай урадам штатнай сумы ўтрымання, даходамі ад рэгістрацыі і разгляду грамадзянскіх спраў, паводле ранейшых “польскіх” правоў і сеймавых канстытуцый [12, т. 40. № 30424. С. 376]. Для паспяховага разгляду крымінальных, следчых і іншых спраў на рускай мове ў 1828 г. у павятовыя суды Віцебскай і Магілёўскай губерняў і іншых губерняў “далучаных ад Польшчы” прызначаліся, замест існуючай канцылярый, каронныя канцылярскія служыцелі: па сакратару, па 2 павытчыка ці канцылярыста, падканцылярыста, капііста з утрыманнем з сумаў, збіраемых на земскія павіннасці адпаведна вышэйша зацверджанага ў 1823 г. меркавання Дзяржаўнага Савета. У кожны з гарадвых магістратаў вызначаўся сакратар пасля зацвярджэння губернскага праўлення з жалаваннем за кошт купецтва і мяшчанства [2, спр. 250, арк. 179; 13, т. 2. № 1633. С. 1091]. Новае штатнае дзяржаўнае ўтрыманне земскіх і гродскіх павятовых судаў, узгаданае ва ўказе ад 21.12.1827 (апублікаваны 13.01.1828 г.) выклікала непаразуменні з боку Гродзенскага губернскага праўлення: ці абодвум судам плаціць асігнананні з казны сумы? У дадзеным вышэйшымі ўладамі ў студзені 1831 г. тлумачэнні гаварылася, што паколькі следчыя і крымінальныя справы ў Віленскай і Гродзенскай губернях ажыццяўляліся ў гродскіх судах, то для іх паспяховага вырашэння належыла дадаць у іх сакратароў, канцылярскіх служыцеляў і асігнаваць прызначаныя па ўказу 26.03.1823 г. грошы менавіта гродскім судам. У іншых губернях гродскіх судаў не існавала, а следчыя і крымінальныя справы разглядаліся ў земскіх павятовых судах, якім і выдаткоўваліся дзяржаўныя фінансавыя сродкі ўтрымання [13, т. 6-1. № 4263. С. 40–41].

Судовыя функцыі ў гарадах выконвалі гарадскія магістраты ў складзе 2 бургамістраў і 4 ратманаў, якія не мелі дзяржаўнага ўтрымання. З

1778 г. гарадавыя магістраты дзейнічалі як саслоўныя суды 1-й інстанцыі для купецтва і мяшчан. З 1802 г. пры гарадавых магістратах ствараліся сіроцкія суды, які ўзначальваў гарадскі галава, у якасці апякунскай ўстановы для малалетніх сірат і ўдоваў купцоў, мяшчан, цэхавых рамеснікаў, разначынцаў, з 1818 г. – і асабістых дваран. Славесныя гандлёвыя суды, у якія ўваходзілі гарадавыя старасты і выбарныя засядацелі з ліку мяшчан і купцоў, працавалі без канцылярыі і не валодалі выканаўчай уладай. Судовыя ўстановы пры некаторых гарадскіх магістратах былі ўтвораны ў Віцебскай і Магілёўскай губернях. З мэтай прымірэння бакоў і вырашэння грамадзяскіх справаў па прапанове віцебскага генерал-губернатора ў 1826 г. быў створаны ўсесаслоўны Магілёўскі сумленны суд, які камплектаваўся шляхам выбараў старшыні (сумленнага суддзі) з ліку дваран на кожныя 3 гады, па 2 засядацеляў ад дваран, купцоў і пасялян [7, спр. 608, арк. 1–3]. У Гродзенскай губерні ў першай трэці XIX ст. адсутнічалі гарадскія думы і адпаведна сумленныя, сіроцкія, славесныя суды.

Усе тыпы судоў, якія існавалі пры магістратах, фінансаваліся за кошт гарадскіх даходаў, але часам цяжка вызначыць “чыстыя сумы”, паколькі найчасцей у афіцыйных дакументах адзначаліся фінансавыя сродкі, якія выдзяляліся цалкам на магістрат. Паводле сметных выдаткаў па прысутным установам Магілёва на 1830 г., на сіроцкі суд асінгавалася сума ў 325 руб. (пісьмаводцы – 150 руб., вартавому – 80 руб., на канцылярскія выдаткі – 95 руб.), а на славесны суд – 266,1 руб. (пісьмаводцы – 80 руб., 2 вартавым – 120 руб., на гаспадарчыя расходы – 66,1 руб.) [6, спр. 4373, арк. 45–45 адв.].

Такім чынам, працэс рэарганізацыі арганізацыйна-штатнай структуры, пераўтварэння крыніц, структуры і памераў грашовага ўтрымання губерnskіх, уездных і гарадскіх судовых устаноў губерняў Беларусі ў першай трэці XIX ст. быў абумоўлены неабходнасцю вырашэння ўзрослай колькасці разнапланавых судовых справаў у ходзе рацыяналізацыі і бюракратызацыі дзяржаўнага апарата кіравання. У сувязі з падаўленнем паўстання 1830–1831 гг. і адменай дзеяння нормаў Статута Вялікага княства Літоўскага 1588 г. у губернях Беларусі амаль ўсе існаваўшыя дагэтуль суды былі альбо пераўтвораны (Галоўныя суды), заменены судовымі ўстановамі па вялікарасійскім узору (уездныя суды), ці былі ліквідаваны (гродскія, земскія павятовыя, межавыя суды).

Список использованных источников

- Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ) г. Мінск. – Ф. 76. Воп. 1. Спр. 11.
НГАБ г. Мінск. – Ф. 295. Воп. 1. Спр. 250, 277.
НГАБ г. Мінск. – Ф. 299. Воп. 1. Спр. 111.
НГАБ г. Мінск. – Ф. 333. Воп. 1. Спр. 795.
НГАБ г. Мінск. – Ф. 588. Воп. 1. Спр. 1.

НГАБ г. Мінск. – Ф. 1297. Воп. 1. Спр. 4332, 4373, 4465.

НГАБ г. Мінск. – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 430, 608.

НГАБ г. Мінск. – Ф. 1722. Воп. 1. Спр. 374.

НГАБ г. Мінск. – Ф. 1767. Воп. 1. Спр. 254, 256.

НГАБ г. Мінск. – Ф. 3219. Воп. 1. Спр. 1.

НГАБ г. Гродна. – Ф. 1. Воп. 1. Спр. 880, 2506.

Полное собрание законов Российской империи: собрание 1-е с 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 45 т. – СПб. : Типография 2-го отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830.

Полное собрание законов Российской империи : собрание 2-е с 1825 по 1881 г. : в 55 т. – СПб. : Типография 2-го отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830–1862.

[Krakowski K.]. Urywki ze wspomnień nowogródzkiego szlachcica / oprac. Kajetan Kraszewski. – Kraków : Druk Wł. L. Anczyca i Spółki, 1893. – 34 s.

С.Б. ЖИХАРЕВ

ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ СУДЕБНО-ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ В 1860-е гг. (НА МАТЕРИАЛАХ РАБОТЫ Г.А. ДЖАНШИЕВА «ОСНОВЫ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ»)

S.B. ZHIKHAREV

PROBLEMS OF MODERNIZATION OF THE JUDICIAL-LEGAL SYSTEM OF RUSSIA IN THE 1860 (ON THE MATERIALS OF THE WORK OF G.A. DZHANSHEV "BASIS OF JUDICIAL REFORM")

В статье представлен процесс движения России по пути совершенствования таких существенных сторон судебно-правовой системы, как установление справедливого и объективного суда, отделение судебной власти от административной и учреждение независимых от администрации судебных учреждений. Отмечается, что в результате серьезной разработки, множества споров и противоречий в 1864 г. в России появился самый прогрессивный суд за всю ее историю. Однако, как убедительно показано в работе известного исследователя судебной реформы Г.А. Джаншиева, в условиях самодержавной монархии он не мог проявить себя в полной мере и уже после вступления в силу Судебных Уставов имели место препятствия их правильному действию.

The article presents the process of Russia moving along the path of improving such essential aspects of the judicial system as establishing a fair and objective court, separating the judiciary from the administrative and establishing judicial institutions independent of the administration. It is noted that as a result of serious development, many disputes and contradictions in 1864, the most progressive court in its history appeared in Russia. However, as convincingly shown in the work of the famous researcher of judicial reform G.A. Dzhanshiev, under the conditions of the autocratic monarchy, he could not prove himself fully and already after the entry into force of the Judicial Charter, there were obstacles to their correct operation.

Ключевые слова: судебная реформа, судопроизводство, судостроительство, судебные уставы, суд присяжных.

Key words: judicial reform, legal proceedings, judicial system, judicial statutes, jury trial.

Проблема установления справедливого и объективного суда, отделение судебной власти от административной и учреждение независимых от администрации судебных учреждений (требование рационального судопроизводства), выборность суда была всегда актуальна для России. Так, еще в XVII в. при отсутствии строгой системы в деятельности центральных государственных учреждений в приказах происходило смешение судебной власти с административной. Если в Москве близость верховной власти несколько сдерживала злоупотребления приказов, то направлявшиеся в провинцию воеводы, в компетенцию которых входили не только все стороны местного управления, но и судебные функции, зачастую не успевали разрешать местные споры и частные дела, нанося тем самым урон престижу верховной власти.

Петр I стремясь разделить судебную и административную власти, запретил воеводам вторгаться в судебные дела. После смерти Петра I Верховный тайный совет своим указом от 24 февраля 1727 г. вверил право суда во всем государстве воеводам и губернаторам так как «при новом устройстве (т.е. установленном Петром Великим) люди не знают, куда обращаться по делам своим...» Принятое 7 ноября 1775 г. при Екатерине II «Учреждение о губерниях» формально отделило судебные учреждения от губернских правлений. Однако судьи подвергались сильному воздействию со стороны властей: администрация проводила вызов сторон, контролировала исполнение решений, наместник утверждал судей в их звании, мог их принуждать, подвергать наказанию и останавливать исполнение решений.

К числу мер первой половины XIX в., направленных на освобождение судебной власти из-под административной опеки, относится учреждение в 1802 г. министерств, а также освобождение в 1837 г. губернаторов от просмотра приговоров по уголовным делам.

Много внимания противодействию т.н. «смешению судебной власти с административной» и защите принципа разделения властей уделял гр. Д.Н. Блудов. Принадлежа к числу выдающихся юристов николаевского времени, Блудов заведовал судебной реформой до января 1862 г. В 1860 г. наряду с проектом устава нового судопроизводства им была подана в Государственный Совет объяснительная записка об укреплении в российском законодательстве принципа разделения властей. «Такое смешение судебной власти с административною, – говорил он, – было и тем более неудобно, что в случае упущений и неправомерностей в делах судебных оно поставляло и верховную власть в особое затруднение: ибо хороший во всех отношениях администратор мог иногда оказываться несведущим, а потому и дурным судьей» [1, с. 64]. Дальновидный и опытный администратор в деле подготовки судебной реформы Д.Н. Блудов также соглашался с необходимостью организации мировых судов, с упразднением судов сословных, с унич-

тожением канцелярской тайны и введением «устности» и гласности.

Идею о существовании издревле в России выборной системы судоустройства и целесообразности ее реализации в Судебных Уставах последовательно отстаивал крупный деятель судебной реформы Н.А. Буцковский [1, с. 70]. В одной из своих записок он усматривает присутствие выборного начала на суде со времен Древней Руси. Еще во время действия «Русской Правды» в удельных княжествах судья судил в присутствии выборных судных мужей. В период действия судебных Ивана III и Ивана IV в суде наместников и волостелей всегда участвовали выборные от общин – старосты и целовальники. Разбор важнейших уголовных дел при Иване Грозном был предоставлен выборным людям, губным старостам и целовальникам. Даже в 1684 г. города выбирали губных старост, которые были упразднены в 1702 г. указом Петра I. Отныне вместо губных старост стали выбирать городских дворян, отправлявших суд вместе с воеводами. В 1699 г. посадскому населению было предоставлено право выбирать бурмистров в земские избы в том числе и для судебных функций, а впоследствии были учреждены ратуши с 12 выборными бурмистрами. В 1720 г. возникли магистраты, состоявшие также из бурмистров и ратманов. В 1761 г. однодворцам предоставлялась возможность разбираться на мирском сходе, состоявшем из выборных старост и «лучших людей».

Выборная система в суде, – как подчеркивал Н.А. Буцковский, – была реализована Екатериной II в положении о губерниях 1775 г., а также в жалованных грамотах дворянскому и городскому сословиям. В этих документах провозглашалось, что дворяне и городские обыватели судятся только «равными себе», избранными из их среды. Правда, гражданские и уголовные палаты состояли тогда из назначаемых коронной властью лиц (председатель, два советника и два ассессора). Выборы допускались только в средней и низшей инстанциях [1, с. 71]. Пришедший к власти император Александр I в манифестах от 2 апреля 1801 г. подтвердил дарованные Екатериной II дворянскому и городскому сословиям права и привилегии, в том числе и право избрания судей.

Качественно новый этап в развитии принципа выборности в судоустройстве, по мнению Н.А. Буцковского наметился в 1830-е гг. Так, с 1831 г. в судебных палатах, состоявших из председателя и одного советника, назначаемых правительством, а также избираемых заседателей от дворянства и купечества, произошли существенные изменения: все должности стали выборными. В учрежденных в следующем году коммерческих судах (рассматривали иски до 3000 рублей) весь судебский персонал, включая председателя, товарища председателя и членов, выбирался купеческим сословием. Выборными оставались в николаевскую эпоху уездные суды, состоявшие из судьи, двух заседателей избираемых от дворян и двух заседателей от крестьян. Избирались ку-

печеством также шесть членов магистрата (два бургомистра и четыре ратмана). Выборное начало преобладало и в уголовной палате. В этой окончательной для большинства уголовных дел в России инстанции от дворянства избирался председатель и два заседателя, а от купечества – два заседателя. Исключением был назначаемый правительством товарищ председателя палаты [1, с. 72].

Таким образом, в российской традиции правосудия можно увидеть немало примеров пусть не всегда успешных, но настойчивых попыток преодоления «смещения властей» из-за которого, по словам работавшего, одновременно в нескольких комиссиях по подготовке реформ либерально настроенного юриста С.И. Зарудного «суд получает дело, испорченное полицией, отсюда, бесконечные споры, трата денег и времени» [2, с. 7].

Истоки судебной реформы 1864 г. находятся в начале 1840-х гг. В 1832 г. М.М. Сперанский окончил работу по систематизации всего старого и действующего российского законодательства. Итогом этой работы стало издание Полного собрания законов и Свода законов Российской империи. Вслед за этим возникла мысль об усовершенствовании уголовного права и уголовного процесса. В результате в 1845 г. появилось «Уложение о наказаниях», составленное под руководством гр. Д.Н. Блудова. Одновременно на основе выявленных практикой недостатков действующего судебного законодательства были начаты подготовительные работы по улучшению гражданского процесса. Проекты этой комиссии будут впоследствии использованы в ходе разработки судебных уставов 20 ноября 1864 г.

Особую остроту вопрос о продолжении судебной реформы в России приобрел после отмены крепостного права, когда страна вышла на качественно новый уровень развития. К началу царствования у Александра II сложилась убежденность в необходимости судебной реформы и имелись, пусть и самые общие, представления о ее целях. Виднейший разработчик судебных уставов С.И. Зарудный отмечал: «Если бы в 1861 году не состоялось, по воле Самодержца Всероссийского освобождение крестьян с землею, то ни в каком случае не были бы утверждены 20 ноября 1864 г. Судебные Уставы. При крепостном праве, в сущности не было надобности в справедливом суде. Настоящими судьями были тогда только помещики <...>. В их руках сосредоточилась власть над большинством народонаселения. Крестьяне расправлялись с помещиками судом Линча. После 19 февраля и высшие наши сановники сознали, что появилась безотлагательная необходимость в суде скором и справедливом» [1, с. 53]. Практически в унисон с Зарудным в 1862 г. звучало мнение Государственного совета. «Помещичьи крестьяне, составлявшие около половины всего нашего народонаселения и лишенные гражданских прав, имели в лице своего владельца хозяина, судью и исполнителя своих решений...», а сословность суда и

многочисленность инстанций, истекавшие из прежнего (крепостного) устройства общества представляли важнейшие недостатки, – которые по заключению Госсовета, – «...должны быть полностью устранены с уничтожением причины, оправдывавшей прежний порядок» [1, с. 54].

В апреле-июле 1862 г. «Основные положения преобразования судебной части в России» были рассмотрены соединенными департаментами Государственного Совета. Документ был подготовлен работавшей при Государственной Канцелярии комиссией В.П. Буткова, куда входили выдающиеся юристы (А.М. Плавский, Н.А. Буцковский, Н.И. Стояновский, Д.П. Шубин, С.И. Зарудный, П.Н. Даневский, К.П. Победоносцев, Д.А. Ровинский, А.П. Вилинбахов). Суд присяжных и важнейшие институты нового судебного права прошли единогласно. 29 сентября 1862 г. последовало Высочайшее утверждение «основных начал». Александр II подписал их 29 сентября 1862 г., сразу после возвращения из Новгорода, где состоялись торжества по случаю тысячелетия России [2, с. 8].

Первым этапом работы над проектами новых Уставов стало опубликование Основных начал или положений в «Собрании узаконений и распоряжений правительства». Затем приступили к всестороннему обсуждению предстоящей судебной реформы. Со всей России, включая захолустные уезды Сибири и Закавказья, поступило 446 разных замечаний [1, с. 8]. Для составления проектов Судебных Уставов была образована комиссия при Государственной Канцелярии, к работе которой привлекались лучшие юридические силы, начиная от сенаторов и профессоров, кончая присяжными стряпчими и следственными приставами.

Официально председателем комиссии был назначен Д.Н. Блудов, но в действительности всеми делами руководил С.И. Зарудный. Комиссия разделилась на три секции: гражданскую (под руководством С.И. Зарудного); уголовную (под руководством Н.А. Буцковского); отделение судопроизводства (под руководством А.М. Плавского).

В течение 11 месяцев были составлены проекты Учреждения судебных установлений, Уставы гражданского и уголовного судопроизводства. Все проекты сопровождались подробными объяснительными записками. Осенью 1863 г. комиссия окончила свою работу и проекты поступили на заключение Второго отделения и министра юстиции Д.Н. Замятина, который не только сам сделал ценные замечания, но и потребовал замечаний от сенаторов и обер-прокуроров.

В декабре 1863 г. проекты вместе с замечаниями были переданы на обсуждение Государственного Совета. Доклад на Государственном Совете делал В.П. Бутков при участии С.И. Зарудного, Н.А. Буцковского и А.М. Плавского. С небольшими поправками и частичными изменениями проекты прошли как в соединенных департаментах, так и в обеих

собраниях Государственного Совета. 2 октября было окончено рассмотрение Судебных Уставов в общем собрании, 2 ноября были рассмотрены штаты и оклады судебных чинов, и уже 20 ноября того же года последовали в Царском Селе Высочайшая санкция и Указ Правительствующему Сенату от того же числа, повелевший опубликовать Судебные Уставы для всеобщего сведения. Перед обнародованием Судебных уставов в указе Сенату Александр II провозгласил: «Рассмотрев сии проекты находим, что они вполне соответствуют желанию Нашему водворить в России суд скорый, правый, милостивый, равный для всех подданных наших; возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить в народе то уважение к закону, без коего невозможно общественно благосостояние и которое должно быть постоянным руководителем всех и каждой от высшего до низшего» [2, с. 9].

С принятием Уставов 1864 г. реформировалась одновременно вся система судоустройства и судопроизводства. Судебные Уставы ввели стройную систему судебных органов со строго очерченной компетенцией. Параллельно действовали система мировых судов (для рассмотрения малозначительных категорий уголовных и гражданских дел) и система общих судебных установлений. Высшей судебной инстанцией, объединявшей мировые и общие суды, был Сенат.

В гражданском судопроизводстве вводились правила: полицейская власть отделялась от судебной, гражданские дела подлежали рассмотрению не более чем в двух инстанциях, вместо следственного процесса был учрежден процесс состязательный, сторонам предоставлялось право на получение квалифицированной юридической помощи, предусматривалось участие в гражданском процессе прокурора как представителя государства и т.д.

Уголовное судопроизводство имело характер публичного. В уголовный процесс вводились такие принципы, как гласность, состязательность, право на защиту, а также понятие презумпции невиновности. Изменялось право обжалования приговоров, вступивших в законную силу, и т.д. Но основным достижением Судебных Уставов следует признать введение суда присяжных заседателей. Преимущества суда присяжных исторически определились как большая коллегиальность, меньший риск злоупотреблений и судебных ошибок, наличие взгляда, не отягощенного функциональной позицией, привнесение в атмосферу казенной юстиции житейского здравого смысла и народного правосознания, наличие более активной состязательности в процессе и др.

Суд присяжных стал одним из главных устоев судебной реформы, хотя введение его произошло не без колебаний и борьбы. Насторожено и с определенной долей скепсиса к деятельности народа в качестве присяжного заседателя относились самые разные представители юри-

дического цеха того времени, начиная от гр. Д.Н. Блудова и заканчивая В.Д. Спасовичем. Официальное предложение в феврале 1862 г. о введении суда присяжных выразил тогда прикомандированный к комиссии юрист Д.А. Ровинский, бывший тогда Московским губернским прокурором [3, с. 260].

Весьма ценной для определения масштабов произошедших изменений, а также оценки результатов проведенного усовершенствования системы судопроизводства в России является работа Г.А. Джаншиева «Основы судебной реформы» [1] в которой скрупулезно изучены предпосылки судебной реформы, деятельность суда присяжных заседателей, а также целый ряд процессов и явлений, последовавших в пореформенную эпоху. Будучи последовательным сторонником суда присяжных Г.А. Джаншиев прослеживает историю создания этого института в различных странах и в России, анализирует деятельность суда присяжных, дает характеристику выступлениям противников этого нововведения.

Автор заключает, что в России история русского права и старый суд не представляли готовых форм для суда присяжных. В подтверждение он приводит замечание А.Ф. Кони о том, что «Суд присяжных в России похож на дорогое и полезное растение. Опытный и знающий садовод, в лице составителей Судебных Уставов, перенес его из чужих краев на нашу почву, вполне для него пригодную, и затем уступил другим возвращение этого растения» [1, с. 11].

Подробно анализируя деятельность суда присяжных, Г.А. Джаншиев останавливается на вопросах критики суда присяжных его врагами, почти повсеместно нападавшими на его деятельность, резко критиковавшими и сомневавшимися в его целесообразности и даже разумности. Главным аргументом против суда присяжных была, как писал Г.А. Джаншиев, «неразвитость «вчерашнего раба», неразвитость народа, которого до освобождения крестьян не существовало» [1, с. 57].

Составителям Судебных Уставов ставились в вину, кроме преследования чисто политических целей, легкомысленность, а не «приличная законодателям осмотрительность» и то обстоятельство, что все свои выводы и доводы они строили на личных заключениях, а не на положениях науки и практики. Опровергая эти обвинения, Г.А. Джаншиев, изучив историю судебной реформы и проанализировав материалы, составленные в ходе подготовки Судебных Уставов, говорит о поразительном невежестве и тенденциозном искажении истины защитников старого суда. «Давно уже замечено, что реакционные органы нашей печати страдают своеобразным недугом – особым рода дальтонизмом, благодаря которому им представляются в розовом свете все наши до-реформенные порядки, и, наоборот, в необыкновенно мрачной окраске видят они порядки, созданные теми реформами 60-х гг. Сила это-

го психического дефекта с особенной силой сказывается тогда, когда заходит речь о суде общественной совести, или, как привыкли выражаться эти органы печати, «о суде улицы»» [1, с. 16].

Критика суда присяжных обычно сводилась к критике способности «народного элемента» к правосудию. При этом игнорируется важнейшее обстоятельство, что суд присяжных – это не «народное правосудие», а особая конструкция процесса с участием народного элемента, с разделением компетенции между профессиональными и непрофессиональными судьями, которые участвуют, по терминологии, приводимой Г.А. Джаншиевым, в совокупной деятельности по отправлению правосудия и являются элементами определенной целостности. Специфика суда присяжных состоит именно в конструкции этой самой целостности.

«Одно из величайших преимуществ суда присяжных», – писал Г.А. Джаншиев, – обусловливаемое именно его свежестью, восприимчивостью и отсутствием в нем предвзятых предубеждений против подсудимых, состоит в том, что он дал впервые и дает доселе действительную силу благодетельному правилу о толковании в пользу подсудимого всякого сомнения». Именно отсутствие «юридических навыков» или «ремесленной сноровки» ограждает присяжных от «односторонности и узости взглядов» [1, с. 21].

Джаншиев также опровергал заявление оппонентов относительно бессмысленности и случайности приговоров присяжных, приводя статистику: так, в среднем число осуждений в суде присяжных составляет 62%, оправданий – 38%. Тогда как в коронном суде число оправдательных приговоров колеблется от 20% до 50%, с разницей в 30%, что свидетельствует о меньшем постоянстве коронного суда [1, с. 22].

Джаншиев говорит о том, что значительная доля нареканий, вызванных практикой суда присяжных, должна быть отнесена к несовершенству Уложения о наказаниях, а причиной, вызывавшей не вполне понятные вердикты присяжных, являлась неудачная постановка вопросов. В конечном итоге, – подытоживал Г.А. Джаншиев, – «суд присяжных вполне доказал свою состоятельность, и через четверть века его существования, ни при каких условиях не пришлось бы краснеть за новый суд, который ставит внутреннюю правду выше формальной и содержание выше формы».

Таким образом, в результате серьезной разработки, множества споров и противоречий в 1864 г. в России появился самый прогрессивный суд за всю ее историю. Однако в условиях самодержавной монархии он не мог проявить себя в полной мере и уже после введения в действие Судебных Уставов имели место препятствия их правильному действию.

Список использованных источников

1. Джанишиев, Г.А. Основы судебной реформы: Сборник статей / Г.А. Джанишиев. – М.: «Статут»; РАП, 2004. – 316 с.
2. Горская, Н.И. Правовое государство и цели судебной реформы 1864 г. / Н.И. Горская // Вопросы истории. – 2014. – №6. – С. 3–17.
3. Чубинский, М.П. Судебная реформа / М.П. Чубинский // История России в XIX веке: сборник статей. – Т. 3. Отдел 1-й. Эпоха реформ. – СПб.: Изд. Т.-ва Бр. А. и И. Гранат и К°, «Русская Скоропечатня», 1903. – 321 с.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Е.М. КАРАВАЕВА

Е.И. УСОВА

НРАВСТВЕННЫЕ НАЧАЛА В ОБЛАСТИ УГОЛОВНОГО
СУДОПРОИЗВОДСТВА В ВОЗЗРЕНИЯХ В.Д. СПАСОВИЧА

E.M. KARAVAEVA

E.I. USOVA

MORAL PRINCIPLES IN THE FIELD OF CRIMINAL
PROCEEDINGS IN THE VIEWS OF V.D. SPASOVICH

Статья посвящена анализу воззрений Спасовича В. Д. на формирование нравственных начал в области уголовного судопроизводства и вклад в становление и развитие наук уголовного права, уголовного процесса.

The article is devoted to the analysis of the views of Spasovich V.D. on the formation of moral principles in the field of criminal justice and contribution to the formation and development of the sciences of criminal law, criminal procedure.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, нравственные нормы, воззрения, гуманизм, судебная этика, правосудие, мораль, общество, процессуальные нормы, закон.

Keywords: criminal proceedings, moral standards, views, humanism, judicial ethics, justice, morality, society, procedural rules, law.

Гуманизация права, повышение интереса к человеческой личности, признание ее высшей ценностью общества и государства в Республике Беларусь предполагают осуществление уголовного судопроизводства с ориентацией на требования нравственности.

Как отмечают современные ученые, нравственно-правовые критерии уголовно-процессуальной деятельности — это нравственные нормы, на основании которых дается оценка процессуальным нормам и деятельности участников уголовного судопроизводства с точки зрения их соответствия справедливости и гуманизму, добру, свободе и ответственности, совести, чести и человеческому достоинству [1].

В настоящее время состязательное уголовное судопроизводство предполагает в качестве главной составляющей нравственного ориен-

тирования уголовного процесса соотношение справедливости, воплощаемой в идее публичной социальной необходимости обеспечения ценностей общественного блага, и гуманизма как морального принципа, охраняющего личность от произвола власти.

Отметим, что проблеме развития нравственных начал уголовного судопроизводства уделяли внимание еще ученые-процессуалисты конца XIX - начала XX столетия, так как вопрос о нравственных качествах участников уголовного процесса, или о судебной этике впервые в истории юридического развития России был поставлен на повестку дня с особой актуальностью в первые годы после судебной реформы 1864 года. В числе таковых можно назвать В. Д. Спасовича — правоведа, адвоката, оратора, чьи опубликованные прежде работы берутся и в наше время на вооружение процессуалистами, занимающимися проблемами как уголовного процесса, так и судебной этики.

В. Д. Спасович, так же, как и другие прогрессивные ученые-правоведы того времени полагал, что деятельность судьи и его ближайших помощников — прокурора и защитника, должна опираться на прочный нравственный фундамент этических правил, посвятил этому вопросу значительное место в своих трудах.

В организации судопроизводства для В. Д. Спасовича приоритетным был именно нравственный аспект осуществления профессиональной деятельности как представителями судейского корпуса, так и представителями сторон обвинения и защиты.

В. Д. Спасович считал, что нравственные начала должны быть присущи всем стадиям уголовного процесса и деятельности всех его участников, однако особое значение, по его мнению, они приобретают в деятельности судьи - ведущей фигуры уголовного правосудия. Он также считал, что нравственные начала должны непременно присутствовать и в деятельности прокурора, который наряду с защитником является необходимым помощником судьи в исследовании истины. В. Д. Спасович считал, что решение той важной задачи, которая выпадает в судебном состязании на долю прокурора, будет обеспечено, если в деятельность обвинителя будет внесена строгая нравственная дисциплина, при которой и интересы общества и достоинство подсудимого будут защищаться с одинаковой чуткостью и усердием [2].

Таким образом, Владимир Данилович четко формулирует свои представления по деятельности прокурора и адвоката. Прокурор не должен выступать как «орган государственной инквизиции, глаз правительства, надзирающий за правильностью решению судов», ему следует быть истцом по делам государства и общества. «Другого лучшего стража закона не может быть как судья... только судья может быть представителем и органом закона. Обставьте выбор судьи самыми

строгими условиями, потребуйте от него, чтобы он судил открыто, гласно, но не ставьте его под влияние государственной власти...» [3].

О роли адвокатов он говорил: «Без адвокатов нет никакого равновесия между обвинением и защитой; не одинаковы шансы состязания между прокурором, снабженным могущественными средствами розыска, и подсудимым, который изолирован в обществе уже по самому падающему на него подозрению, который часто лишен свободы, которому неизвестен ход проводимого о нем следствия, который большей частью не знает и закона и, когда виноват, не умеет привести для смягчения уголовной ответственности уменьшающих его вину обстоятельств. В случае бедности подсудимого необходимо обеспечить его даровым защитником» [3].

Дар свободного слова, говорил Спасович, предоставлен адвокату для облегчения участи подсудимого, и им не следует пользоваться для распространения преступных или противообщественных идей.

В.Д. Спасович отмечал: «Правосудие дело столько же ума, сколько и совести, и даже, может быть, больше совести, нежели ума, а совесть не у одного только судьи. Пойду дальше, я утверждаю, что судья по своему положению не может быть хорошим представителем совести народной. Он применитель закона к жизни, он может и знать превосходно закон, но жизнь от него ускользает» [3, с. 267].

Отстаивая идею справедливости при осуществлении правосудия, русские адвокаты, в том числе и В. Д. Спасович, исходили из здравого понимания того факта, что незаконное решение суда в принципе нельзя признавать справедливым [4, с. 39].

В. Д. Спасович неоднократно в своих выступлениях, научных работах подчеркивал, что судебное решение только тогда справедливо, если оно принимается на основе действующего законодательства. Подменять законы чувствами, эмоциями, целесообразностью – это путь к разрушению правовых основ любого государства [5, с. 118].

Значимым представляется то, что именно В.Д. Спасович впервые в России ввел в уголовное право наряду с правовыми и нравственные характеристики лиц, совершивших преступления и стремился подчеркнуть нравственные достоинства своих подзащитных. При этом ему несколько не приходилось грешить против истины. Он говорил, что необходимо смотреть на подсудимых не только как на нарушителей закона, но и со стороны нравственной – «конечно, не с точки зрения нравственности департамента государственной полиции, а нравственности общечеловеческой» [6, с. 34].

Таким образом, В. Д. Спасович придерживался позиции милосердия по отношению к своим подзащитным. Описывая душевное состояние и те муки, которые предшествовали совершению преступления, адвокат ставил вопрос о прощении вины подсудимому. Призывая

быть милосердным к человеку, нередко глубоко несчастному, адвокат исполнял свою высокую обязанность в духе афоризма: «Кто только справедлив – тот жесток».

Отметим, что В. Д. Спасович был первым правоведом в России, который дал нравственную оценку сути новых течений в науке уголовного права в юридической литературе. Он считал, что, при определении субъекта преступления, уголовное право должно оценивать людей не формально-юридически, а рассматривать их как частицы социальной организации, исходить из того, что сущность человеческой личности отражает общественные отношения, в сочетании с присущими человеку индивидуальными особенностями. Подход к человеку, совершившему преступление, как личности, в силу тех или иных социальных обстоятельств выбитой из нормальных устоев человеческого общежития, В. Д. Спасович считал единственно возможным [7, с.114].

Его воззрения о нравственных началах в области уголовного судопроизводства нашли отражение в «Учебнике уголовного права» (СПб., 1863), а также в ряде других произведений. В. Д. Спасович доказал, что борьба с преступностью несовместима с пренебрежением к человеческой личности, указывая тем самым на социально-нравственный характер науки уголовного права.

В своих трудах Спасович В. Д. отмечал, что преступник, в большей части случаев, – больной, расшатанный человек, часто психопат, часто страдающий от недостаточного прилива крови к мозгу. Бедность, нищета – вот неразлагаемый осадок преступного типа. Прибавим к этому невежество, и небиологический атавизм, и тот общеизвестный исторический факт, что разные слои одного и того же общества в одно и то же время по своим идеям и нравам живут в разных веках истории: передовые классы – в XIX, а арьергард, темные массы, может быть, в XI или X столетиях [7, с. 106].

Излагая учение об уголовном законе, В.Д. Спасович подчеркивал, что он должен быть тесно связан не только с социальными условиями, но и с моралью, является отражением нравственных воззрений общества. Он должен отвечать как материальным потребностям жизни народа, так и его нравственным идеалам.

Впервые в России В. Д. Спасович не только доказал несостоятельность и антигуманный характер современных ему теорий наказания, но и дал его нравственное обоснование. Он показал, что целью наказания является не устрашение преступника жестокостью, а безопасность общества. Анализируя отношения, которые возникают между преступником и властным, карающим его органом правосудия, В. Д. Спасович подчеркивал, что всякое преступление есть выражение личности, и что карая, государство причиняет страдание не абстракции, а живому организму, конкретному человеку, и что без всесторонней

оценки преступника немыслима никакая разумная теория наказуемости. Он доказывает, что борьба с преступностью не совместима с пренебрежением к человеческой личности [2].

Особенно решительно выступал В. Д. Спасович против смертной казни, которая всегда применялась исключительно по политическим преступлениям, а также пожизненного лишения свободы. «Жизнь человека, – пишет он, – есть столь же приращенное ему, и столь же священное, неприкосновенное право, как и свобода. Отрицание смертной казни приведет непременно, по закону логической последовательности, и к отрицанию тюремного заключения и всех вообще мер насильственных, принудительных, одним словом, к отрицанию самого уголовного права» [8, с. 184].

Однако, будучи противником смертной казни, но, тем не менее, дитя своего времени В. Д. Спасович считал необходимой для государства сильную карательную систему, которая в России, с его точки зрения, была ослаблена. «В борьбе за существование между обществом и злодеями корень системы – искоренение; а если по состоянию нравов общества, нельзя, к сожалению, практиковать в надлежащей мере смертную казнь, то возможно оградить себя и без нея посредством эквивалентов» [9, с. 19].

В. Д. Спасович продолжает: «Так как смертная казнь невозможна по состоянию нравов, то лучше упразднить ее, но завести для неисправимых заключенных навсегда, со ссылкой куда-нибудь подальше, с употреблением на полевые работы в болотах и местах, где свирепствует малярия, с прибавкою для строптивых телесного наказания, приспособленного к нашему веку, не в виде розог, но в виде обливания холодной водой или электрических разрядов, причиняющих боль, но без следов» [9, с. 23].

В. Д. Спасович считал, что уголовный закон должен отвечать нравственным воззрениям общества, что в основу сто формирования должен быть положен принцип гуманности. Конечной целью уголовного закона является исправление лиц, совершивших преступление, поэтому он не должен быть жестоким.

Идея гуманизма в правозащите неразрывно связана с идеей справедливости при осуществлении правосудия. И гуманизм, и справедливость являются нравственно-юридическими категориями. Само понятие «юстиция» по-латыни означает справедливость (justitia), поэтому справедливость можно считать синонимом правосудия.

Таким образом, как отмечает В.В.Шалькевич, выдающимся научным достижением Спасовича В.В., явилось его учение о справедливости, которое объединяло науки уголовно-правового цикла и нравственность. В.Д. Спасович считал, что категория справедливости теснейшим образом связана с правосудием и является как объектив-

ным критериесоотношения преступлением и наказанием, так и неотъемлимым свойством, обязательным для всех решений в уголовном процессе. Все процессуальные отношения, складывающиеся в ходе установления истины в суде, должны оцениваться с точки зрения справедливости. Каждое действие следователя, прокурора, судьи, адвоката должно свидетельствовать о том, что для них превыше всего справедливость [10, с.70].

Список использованных источников

1. Антонов, И. А. Нравственно-правовые начала уголовно-процессуальной деятельности: Теоретические идеи и правоприменительная практика : автореферат дис....доктора юридических наук : 12.00.09 / И. А. Антонов // Электронная библиотека диссертаций. – Режим доступа: <ps://www.dissercat.com/content/filosofskie-idei-russkikh-myslitlei-sudebnoi-zashchity-ii-poloviny-xix-veka-af-koni-vd-spas>. – Дата доступа: 10.11.2019.
2. Шалькевич, В.В. Этико-правовые воззрения В.Д.Спасовича в сфере уголовного судопроизводства: автореферат дис.... канд. юрид. наук : 12.00.09 [Электронный ресурс] / В.В.Шалькевич // Электронная библиотека диссертаций и авторефератов диссертаций Национальной библиотеки Беларуси. – Режим доступа: <http://dep.nlb.by/jspui/handle/nlb/26894>. – Дата доступа: 10.11.2019.
3. Спасович В.Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством // В.Д. Спасович. Сочинения: в 10 т. -Т.3. – СПб., 1890. – 544 с.
4. Яшин, А. Н. Философские идеи русских мыслителей судебной защиты II половины XIX века : А. Ф. Кони, В. Д. Спасович, Ф. Н. Плевако, К. К. Арсеньев, С. А. Андреевский: автореферат дис.... канд. философских наук : 09.00.03 / А. Н. Яшин // Электронная библиотека диссертаций. – Режим доступа: <ps://www.dissercat.com/content/filosofskie-idei-russkikh-myslitlei-sudebnoi-zashchity-ii-poloviny-xix-veka-af-koni-vd-spas>. – Дата доступа: 10.11.2019.
5. Кони, А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе / А. Ф. Кони. – М. : Юридическая литература, 1967. – 537 с.
6. Кони А. Ф. На жизненном пути // СПб., Изд-во Д. Е. Жуковского. – 1912. – 217 с.
7. Спасович В. Д. Избранные труды и речи. – Тула. – 2000. – С.101-160.
8. Спасович, В. Д. Учебник уголовного права / В. Д. Спасович. – СПб., 1863. – 428 с.
9. Спасович, В. Д. Новые направления в науке уголовного права / В. Д. Спасович. – Москва: Типография Н. Д. Сытина, 1898. – 139с.
10. Шалькевич, В. В. Владимир Данилович Спасович (к 180 – летию со дня рождения) / В.В.Шалькевич // Законность и правопорядок. – 2009. – № 1 (9). – С. 69 – 72.

А.Г. КАРАТКЕВИЧ

**ПРОБЛЕМА МОДЕРНИЗАЦИИ В ТРАНСФОРМИРУЮЩИХСЯ
ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВАХ В КОНТЕКСТЕ
ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ XIX СТОЛЕТИЯ**

A.G. KARATKEVICH

**THE PROBLEM OF MODERNIZATION IN TRANSFORMING
POST-SOVIET STATES IN THE CONTEXT OF POLITICAL AND
LEGAL THOUGHT XIX CENTURY**

В статье анализируются подходы к механизмам осуществления модернизации в постсоветском регионе. Заостряется внимание на русской политико-правовой мысли XIX в., которая оказала значительное влияние на трансформационные изменения в конце двадцатого, начале двадцать первого века не только в России, но и в других постсоветских государствах. Анализируются различные понятия (переходность, трансформация, модернизация), автором дается их собственная трактовка. Наряду с устоявшимся в политической науке подходом - выделение двух типов модернизации («спонтанная», «вторичная» или «отраженная»), автором дается характеристика третьему типу – «объективная» или «эффективная модернизация». Анализируются ошибочные заблуждения тормозящие прогрессивные изменения в трансформирующихся постсоветских государствах, дается собственная позиция автора по решению данной проблемы.

The article analyzes approaches to the mechanisms of modernization in the post-Soviet region. Attention is focused on the Russian political and legal thought of the 19th century, which had a significant impact on transformational changes in the late twentieth and early twenty-first centuries, not only in Russia but also in other post-Soviet states. Various concepts are analyzed (transition, transformation, modernization), the author gives their own interpretation. Along with the separation of two types of modernization that has been established in political science ("spontaneous", "secondary" or "reflected"), the third type is characterized as "objective" or "effective modernization". Erroneous errors that inhibit progressive changes in the transforming post-Soviet states are analyzed, the author's own position is given on the solution of this problem.

Ключевые слова: трансформация, модернизация: «спонтанная», «вторичная» или «отраженная», «объективная» или «эффективная», гражданское общество, государство.

Keywords: transformation, modernization: “spontaneous”, “secondary” or “reflected”, “objective” or “effective”, civil society, state.

Русская общественно-правовая мысль, как оригинальный образец мировой политической науки в своем развитии прошла несколько периодов.

Первый – XI-XVII вв. – киевский митрополит Илларион, «Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве». Дальнейшее развитие политическая мысль получила в летописях: Лаврентьевской, Новгородской и др. Главная идея – «Москва – третий Рим».

Второй период – кон. XVII-XVIII вв. – связан с именем Петра I.

Оставим политико-правовые концепции этих периодов историкам и обратимся к третьему периоду (вторая четверть XIX в. – октябрь 1917 г.), начало которому положило восстание декабристов. Зададимся вопросом – какие общественно-политические идеи преобладали в этот период и как они влияют на современную общественно-политическую ситуацию в постсоветских государствах.

Развитие политико-правовой мысли в этот период было выражено в ряде направлений. В каждом из них отражались реальные процессы того времени с определенной идеологией: либерализм (верховенство прав и свобод личности над интересами государства); славяно-фильство и западничество (представители которых с разных позиций рассматривали взаимодействие со странами Западной Европы), политический радикализм (включал в себя установку на революционное переустройство общества) – А.Н. Радищев, декабристы (П.И. Пестель, Н.М. Муравьев), демократы (В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов), народники (П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский), анархисты (М.А. Бакунин, П.А. Кропоткин).

Четвертый период (советский). В это время общественно-политическая мысль развивалась только в одном направлении: в рамках теории марксизма-ленинизма.

Современный период развития общественно – политической мысли характеризуется появлением массы публикаций от радикализма и либерализма до коммунитаризма и мультикультурализма. Возникшие в конце двадцатого века структурно содержательные изменения в идеологическом комплексе радикализма связаны с новой геополитической ситуацией – крушением Советского Союза и биполярного мира, стремлением Запада и прежде всего Америки установить новый мировой порядок.

В это в это время в ведущих кругах научных и исследовательских центров становится популярной идея неолиберализма. Следует отметить, что определенную роль в распространении неолиберализма сыграли американские научные структуры, т.к. на их базе готовились

зарубежные специалисты которые возвращаясь в свою страну активно внедряли либеральные теории на практике. Не является в этом плане исключением и Россия, да и другие постсоветские государства. В 1990-е гг. неолиберальная идея получила свое воплощение в российской действительности.

Поэтому, эти подходы наложили свой отпечаток на механизмы осуществления преобразований в России, да и в др. трансформирующихся постсоветских обществах. Однако прежде чем обосновывать технологии и механизмы способствующие достижению политической стабильности, необходимо провести анализ сущности различных понятий и категорий, т.е. разобраться в терминологии. Отметим, что понятия «модернизация», «трансформация», «переходность» и «демократический транзит» в последнее время очень часто отождествляются. Иногда используются как синонимы и термины «политическая модернизация» и «социальная модернизация», что вносит определенную путаницу в понятия сущности этих явлений. Например, словосочетание «социальная модернизация» используется в социологии и политологии, начиная с середины XX в. Содержание этого понятия отличается от понятия «политическая модернизация», так как в рамках системного подхода социальная система включает в себя в качестве подсистемы политическую систему. Рассмотрим категории модернизации и трансформации более подробно.

Теоретико-методологической основой концепции модернизации является «социология развития», представителями которой были М. Вебер, Т. Парсонс и др. [1]. Поэтому в основу теории модернизации легли подходы к определению типов политического развития общества. В целом они представляют собой совокупность различных схем и моделей анализа, позволяющих описывать и раскрывать динамику их характера и направлений перехода от традиционного к рационально - организованному обществу.

Теории модернизации основывались на признании неравномерности общественного развития, а также на понимании необходимости преобразований – трансформации отсталых стран в индустриальные – постиндустриальные. Сформировались они в середине XX столетия в период освобождения многих стран от колониальной зависимости, поставивших в практическую плоскость вопрос о дальнейшем политическом развитии и трансформации. В то время термин «модернизация» означал одновременно и стадию (состояние) политических преобразований, и процесс перехода к современным обществам. Модернизация понималась как копирование заданных образцов и рассматривалась в качестве предварительного условия трансформации. Главным средством осуществления преобразований считалась экономическая помощь западных государств. Таким образом, основным

модернизирующим фактором признавался капитал, способный экспортировать политические технологии, западные ценности и демократические институты.

Характеризуя эти процессы, Ш. Эйзенштадт подчеркивал, что исторически модернизация – это процесс изменения в направлении тех типов социальной, экономической и политической систем, становление которых проходило в Западной Европе и Северной Америке в основном в XVII и XVIII вв. и затем распространялось на другие европейские страны, а в XIX и XX вв. – на южноамериканский, азиатский и африканский континенты [11].

Однако в тех странах, в которых модернизация осуществлялась методом копирования (вестернизации), эффект был прямо противоположным ожидавшемуся. Это подтвердил и опыт трансформации стран Восточной Европы. Успешный вариант модернизации имел место там, где в обход слепому копированию Запада учитывалась местная специфика (Китай, юго-восточные азиатские страны). Понимание того, что должна включать в себя модернизация в России, др. постсоветских обществах, включает в себя не только то, что реализовано в развитых странах, но и то, что должно определяться внутренними факторами самого трансформирующегося общества, его политическими, экономическими, социальными и духовными ресурсами.

Поэтому в конце XX в. концептуальная связь между модернизацией и трансформацией была пересмотрена. Скорректированная теория модернизации больше не рассматривает Запад в качестве эталона [5, с.17]. Сегодня трансформационные процессы стали рассматриваться как самостоятельные этапы с неоднозначными результатами. Любые позитивные изменения (политические, социальные, экономические), которые проводились независимо от западных моделей, стали признаваться формой развития этих государств.

Еще раз подчеркнем, что теория политической модернизации, выдвинутая в середине XX в., объясняет источник, характер и направления политических, экономических, культурно-духовных и др. изменений в трансформирующемся обществе. Первый тип модернизации – «спонтанная модернизация». Для нее характерно закономерное проявление внутренних процессов развития в высокоразвитых странах (Европа, США, Япония).

Второй тип – «вторичная» или «отраженная модернизация». Это процесс переходного развития в государствах Центральной и Восточной Европы и странах СНГ.

Очевидно, что отмеченный вариант «вторичной» модернизации можно было бы считать приемлемым для современной России др. постсоветских государств, но только лишь при условии такой существенной оговорки и дополнения: они должны осуществить свою мо-

дернизацию не только и не столько на основе «опыта западных стран», сколько на поиске и эффективном использовании своих путей и механизмов прогрессивного развития в современных условиях, своего исторического опыта и традиций, своих исторических перспектив, разумеется, с эффективным использованием позитивного опыта развития наиболее передовых государств.

Политическая модернизация ассоциируется с процессом демократизации, эволюцией режима, созданием новых или совершенствованием существующих институтов. Главной целью политической модернизации постсоветских государств является прервать процесс, в который они были втянуты в конце XX в. неолибералами с их курсом на так называемое рыночное реформирование.

Экономическая модернизация связана, прежде всего, с внедрением передовых технологий промышленного производства, укреплением и развитием рыночных отношений. Это – техническое перевооружение промышленности, улучшение инвестиционного климата, создание инфраструктуры для инноваций, повышение производительности и безопасности труда в целях обеспечения больших доходов граждан, больших доходов компаний, бюджетов всех уровней.

Социальная модернизация в узком смысле предусматривает решение самых острых, болезненных проблем в жизни конкретной страны – повышение зарплат, пенсий, пособий, борьбу с бедностью, модернизацию здравоохранения, образования. Социальная модернизация предполагает решение этих проблем не в отдаленном будущем, а в оптимально ближайшие сроки, насколько позволяет экономическая ситуация в стране. В широком смысле – в результате социальной модернизации происходят изменения в социальной структуре и положении населения, меняются взаимоотношения между различными классами и группами.

Почему определенные политические силы препятствуют модернизации, задаются вопросом многие исследователи. Ответ на этот вопрос дает О.Ф. Шабров: «Политическая модернизация, следствием которой является формирование правового государства с понятными и неизменными правилами игры для всех, неизбежно создаст конкурентную среду и дополнительные риски для экономической элиты. Отсюда ее естественное сопротивление модернизационному процессу, в том числе и в сфере политического права» [9].

В связи с изложенным, есть все основания выделить третий тип модернизации – «объективная» или «эффективная модернизация», акцентирующая внимание на применении эффективных технологий как политических, так и экономических преобразований в России и др. постсоветских обществах. Их реализация даст возможность политической системе адаптироваться к новым социально-экономическим,

культурно-духовным, внешнеполитическим условиям, создавать свои новые виды экономических и социальных институтов. Ее основные черты: *создание и развитие конкурирующих политических организаций, формирование эффективного политического механизма, возрастание социальной роли государства, законодательной системы, правовой технологии регулирования конфликтов и др.*

Можно проанализировать еще ряд подходов. Так, в общем виде концепция перехода для постсоветских государств в начале 1990-х гг. сформулирована И. Самсоном. Специфика его подхода заключается в сочетании двух задач: порвать с советской экономической системой, обнаружившей свою неэффективность, и осуществить это в условиях политического плюрализма, неопределенности и нестабильности государственной власти. Иными словами, в долгосрочном плане модернизация представляет не столько планомерный, сколько самоорганизующийся процесс [7, с.45].

Позже, рассматривая проблемы системной трансформации в работе «Придет Россия к рыночной экономике?» [6] И. Самсон прогнозирует три сценария российской модернизации:

Первый – модернизация российского общества осуществляется сверху. Условием реализации этого сценария является усиление государственной власти, что может быть достигнуто путем эволюции в сторону авторитарности.

Второй – ведет к формированию слабого государства, победе финансовой олигархии и огромной социальной дифференциации. Условием реализации этого сценария является способность олигархии изменить свое поведение и стать основным субъектом модернизации страны.

Третий – модернизация российского общества инициируется снизу. Условием реализации этого сценария является демократизация общественной жизни, приход к власти новых людей, способных предложить модель развития, которая найдет поддержку у граждан. Таким образом, следует констатировать, что ученый акцентирует внимание на политических механизмах осуществления реформ.

Критикуя реформы в постсоветских государствах, делая прогнозы, выдвигая гипотезы, многие отечественные и зарубежные исследователи заблуждаются в терминологии. Попытаемся разобраться, рассмотрим три подхода (а, б, в) к направлениям трансформации на примере России, заострив внимание на четвертом (г).

а) В начале 1990-х гг. считалось, что смысл преобразований в России состоит в разрушении социалистических структур и порядков, несовместимых с рыночной экономикой, и таким образом создаются условия для возникновения нового общества.

Сторонники другого направления в то время утверждали, что тот

политический строй, который существовал на постсоветском пространстве, не являлся истинным социализмом.

Третий полагали, что идея социализма имеет права на существование, если трансформировать существующую политическую и экономическую системы. Т.е. сочетание некоторых привлекательных идей социализма с рыночной организацией хозяйственной жизни [3, с.5].

б) В конце 1990-х гг. некоторые ученые так же выделяли три возможных варианта развития России в обозримой перспективе.

Первый – сохранение в течение более или менее продолжительного периода сложившейся к тому времени политической и экономической системы, противоречивой по своей сущности. С одной стороны, ей присущи важные элементы рыночных отношений и либеральной демократии. С другой – доминирующими оказываются такие черты, как определяющая роль в экономике и политике бюрократического, «номенклатурного» капитала, отсутствие в обществе развитых социально-политических структур, способных быть прочной опорой демократии.

Второй – изменение существующей политической и экономической системы в обратную сторону, реставрация прежней командно - распределительной экономики.

Третий вариант – открытое демократическое общество, основанное на социально - ориентированном рыночном хозяйстве и либеральной демократии. Основными задачами, которые необходимо решить при таком варианте, являются: разделение власти и собственности; создание конкурентной среды в экономике и развитие мелкого и среднего предпринимательства; усиление социальной направленности экономической и политической деятельности, создание сильного и эффективного механизма социальной защиты; последовательное развитие демократии в сочетании с обеспечением должной силы государства и др [2, С.39-42].

в) В ходе экономических реформ и политической трансформации в начале 2000-х гг. для значительной части российского общества сформировались фундаментальные размежевания по вопросу стратегических направлений российского политического развития. Важнейшие из них:

Первый - «Западный» путь, сводящийся на практике к имитации, копированию западных институтов и ценностей.

Второй - «Советский» путь, который в целом как реальная альтернатива остается и по сию пору востребованным в качестве идейной политической доктрины, своего рода символа протестной консолидации, т.е. в качестве эффективного инструмента политической мобилизации недовольных.

Третий - «Восточный» путь, также практически не реальный. Не-

смотря на поразительные и оцененные уже во всем мире успехи Востока, в российском обществе устойчиво сохраняется предубеждение против заимствования его опыта.

Четвертый - «Особый путь», являющий собою по большей части компромисс между целями и привычными средствами, соединяющий в себе элементы всех вышеперечисленных путей и стремление учесть при этом особенности российской действительности, интересы и ценностные приоритеты российского общества.

Однако, как считает ряд исследователей, все предъявленные альтернативы почти не затрагивают проблемы развития гражданского общества в России [4, С.56-57]. Поэтому все эти теории не были востребованы реальной действительностью не только в России, но и в других постсоветских государствах.

г) Сегодня ряд исследователей, среди них и О.Ф. Шабров, анализируют заслуживающие внимания сценарии развития России в обозримом будущем.

Первый – социальный взрыв, характеризующийся резким повышением протестной активностью.

Предпосылкой *второго* сценария – распада – может стать снижение политической активности – безразличия, что будет обусловлено нарастающим отчуждением власти от общества. В этом случае политическая власть перестает восприниматься как объединяющее начало.

Третий – демократический, предполагающий наличие среднего класса как опоры демократии, которого у нас нет. Поэтому он представляется наименее вероятным.

Четвертый – провещенный авторитаризм, который возможен при наличии лидеров, заряженных общественной идеей, и решении ключевых проблем политической модернизации: реальное «равноудаление» власти от бизнеса, отказ от коррупции; перенос на местный уровень решения всех вопросов, связанных с удовлетворением основных потребностей граждан с соответствующим ресурсным обеспечением, развитие базовой демократии; формирование эффективного правового пространства, обеспечивающего безопасность и равенство перед законом всех субъектов хозяйствования и политики [10].

Отвечая на главный вопрос: почему модернизация проходит успешно в одних трансформирующихся странах и так медленно и проблематично – в постсоветских, необходимо проанализировать наиболее распространенные ошибочные утверждения среди ряда исследователей:

1. *Успех модернизации зависит от исторических предпосылок и менталитета нации.* Опровергнуть такой подход можно тем, что среди трансформирующихся стран исторический опыт и менталитет различается ничуть не меньше, чем между развитыми и неразвитыми странами.

2. Суть цивилизационного заблуждения заключается в том, что мировая культура состоит из набора разнородных и параллельно развивающихся цивилизаций, с разным видением мира и разными целями, и не все цивилизации стремятся к модернизации. К такому подходу относят теорию столкновения цивилизаций Хантингтона, теорию протестантской этики Вебера и другие теории с религиозной основой [8]. Данный подход легко опровергается тем, что трансформирующиеся государства невозможно свести в одну цивилизацию.

3. Суть теории зависимости состоит в том, что в мире есть развитые капиталистические страны и развивающиеся государства. Север эксплуатирует Юг и не дает ему развиваться. Однако развитые страны все же заинтересованы в развитии Юга ради собственного процветания и безопасности.

На основании вышеизложенного можно выделить четвертое ошибочное утверждение, суть которого в том, что рыночная экономика, ориентированная на свободную конкуренцию и свободную торговлю, – это необходимое условие для эффективной модернизации.

В действительности успех модернизации в трансформирующихся странах зависит лишь от конкретных (социо, экономических, политических и др.) реформ. Вместе с тем, можно констатировать, что процессы институционализации этих явлений и в России, и в других постсоветских государствах еще далеко не завершены, несут в себе противоречия и сопровождаются конфликтами. Для уменьшения уровня конфликтности, и разрешения этих противоречий нужны новые концептуальные технологии и механизмы. Для современной общественно-политической ситуации стало характерным уклонение граждан от участия в политическом процессе, критическое отношение к реформам. Особенность политического поведения граждан – важнейшая проблема, имеющая прямое отношение к политической модернизации. Таким образом, отметим, что важнейшая задача государства – развитие гражданского общества, создание постоянно действующих публичных социально-политических механизмов, несущих в себе системный характер, и в силу этого способных реально управлять обществом в условиях трансформации.

Конкретные трансформационные модели не столько будут результатом предварительного политического выбора той или иной страны, сколько сложатся в зависимости от реакции общества на возникающую социально-политическую ситуацию. Таким образом, напрашивается вывод: в условиях трансформации необходимо развивать гражданские институты, которые и будут катализатором развития самой политической системы, так как привнесут сбалансированность в политические процессы всех уровней общественно-политических отношений и стабильность в трансформирующиеся постсоветские обще-

ства в целом. В конечном счете, эффективность преобразований будет зависеть от того, сумеет ли Россия и др. трансформирующиеся страны найти такую модель политического устройства – общественно идеала, которую поддержит большинство граждан.

Список использованных источников

Вебер М. Избранные произведения. М., 1991; Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1997.

Волков Ю.Е. Варианты возможного развития постсоциалистической России // Власть. 1997. № 11. С. 39-42.

Князев Ю. Десятилетие переходного периода // Власть. 2001. № 6. С.5.

Лапкин В.В. Модернизация, глобализация. Идентичность. Общие проблемы и российские особенности // Полис. 2008. № 3. С. 56-57.

Латинская Америка: испытания демократии. Вопросы политической модернизации. В 2-х частях. Часть 1. М., 2009. С. 17.

Самсон И. «Придет Россия к рыночной экономике?» URL: [http:// www.rusreforms.ru/indexpub273.htm](http://www.rusreforms.ru/indexpub273.htm).

Самсон И. Три этапа перехода постсоциалистической экономики к рынку // МЭ и МО. 1993. № 9. С. 45.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1. С. 33-48;

Вебер М. Избранные произведения. М., 1991.

Шабров О.Ф. Политическая модернизация России: точки согласия и дискуссии. URL: [http:// www.shabrov.info/Statji/modern3.htm](http://www.shabrov.info/Statji/modern3.htm)

Шабров О.Ф. Что впереди? Сценарии для России. URL: [http:// www.shabrov.info/Statji/stcenar.htm](http://www.shabrov.info/Statji/stcenar.htm).

Эйзенштадт Ш. Революция и преобразования общества. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999. 416 с.

Н.П. КОВАЛЁВА

СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПРАВА В XIX в.

N.P. KOVALEVA

FORMATION OF SOCIAL LAW IN THE XIX Cent.

В статье рассматривается история становления и развития системы социального обеспечения, названы основные аспекты пенсионного обеспечения, медицинского обслуживания, льгот и преимуществ, а также последовательно изложены ключевые этапы формирования законодательства о социальном обеспечении в XIX в.

This article discusses the history of the formation and development of the social security system, identifies the main aspects of pension provision, medical care, benefits and advantages, stages of the formation of legislation on social security in the XIX-th century are consistently set out.

Ключевые слова: пенсия, гражданская служба, медицинская помощь, пенсионное обеспечение, выслуга.

Key words: pension, civil service, medical assistance, pensions, length of service.

Понимание любой проблемы современного этапа требует изучения истории возникновения и развития той сферы, в которой данная проблема образовалась. Поэтому исследование пенсионного обеспечения следует начинать с рассмотрения его исторического аспекта.

Исследование пенсионного обеспечения на протяжении XVIII – XIX веков, позволяет сделать вывод, что право имели лишь чиновники некоторых ведомств и лица, получившие увечья вследствие исполнения обязанностей военной службы и их семьи в случае смерти вышеназванных лиц на основании специального законодательства. В 1799 г. Павел I своим указом установил, что семьям убитых в боях или умерших от полученных ранений офицеров выплачивалось жалование в полном объеме, а последующем было установлено право на пенсию военнослужащим за 20, 30 и 40 лет службы, а инвалидам и раненым пенсия назначалась за выслугу 20 лет в половинном размере [1, с 98].

Многие ученые высказывают мысль об отсутствии законодательства в области пенсионного обеспечения населения в России во второй половине XIX века. На наш взгляд законодательство о социальном

обеспечении в XIX веке было связано с отдельными фрагментальными актами. К таковым относился утвержденный 6 декабря 1827 г. Устав о пенсиях и единовременных пособиях государственным (военным и гражданским) служащим, который стал одной из первых попыток со стороны государства по регулированию пенсионного обеспечения, если не всего населения, то некоторых его категорий. Устав состоял из трех частей: «Правил для назначения пенсий и пособий», «О пенсиях и пособиях вдовам и детям классных чиновников», «О производстве пенсий и пособий», также к Уставу прилагалось «Примерное расписание окладов для определения пенсий гражданским чиновникам по их должностям», которое состояло из девяти разрядов [2, с 154]. В Уставе были закреплены три основных положения пенсионного законодательства: выплата пенсий и единовременных пособий должна производиться из государственного казначейства, размер пенсии должен был определяться по специальным пенсионным окладам, вдовам и детям гражданских чиновников должно быть гарантировано пенсионное обеспечение [2]. В таком виде Устав о пенсиях просуществовал до конца 1852 г. Соответственно с 1873 года для всех чинов гражданской и военной службы пенсионное обеспечение стало преобладающим видом социального обеспечения государственных служащих и их семей [3].

Вышеуказанные акты на наш взгляд определили три принципиальных положения пенсионного законодательства: во-первых, выплата пенсий и единовременных пособий должна была производиться из Государственного казначейства, которому для этих целей перечислялись все «пенсионные капиталы»; во-вторых, размер пенсий определялся не по окладам жалования, а по окладам пенсий гражданским чиновникам, установленным соответственно их должностям; в-третьих, вдовам и сиротам гражданских служащих гарантировалось пенсионное обеспечение.

Также в данный период существовала достаточно разветвленная система преимуществ но в большей степени в сфере гражданского права, а не права социального обеспечения (например, освобождение от крепостных обрядов, заключаемых в особом порядке договоров, предоставление облегчений «торгующим лицам» и другие). Развитие в вопросах установления льгот и привилегий продолжало развиваться, Устав о воинской повинности 1897 г. содержал положения, касающиеся предоставления льгот по воинской повинности, которые предоставлялись «для некоторых местностей и частей населения» (ст. 39), «по телесным недостаткам» (ст. 45-47), «по семейному положению» (ст. 48, 53-59), «по образованию» (ст. 61-78), «по званию и роду занятий» (ст. 79-84) [4]. Но достаточно большое количество привилегий предоставлял Свод учреждений государственных, так согласно Уставу о службе гражданской 1896 г. вводились особые изъятия для некоторых «лиц,

должностей и особых родов службы, а также в некоторых отдаленных и малонаселенных местностях, пользующихся особыми преимуществами» (ст. 8), купцы первой гильдии могли просить о преимуществах для своих детей, о принятии сыновей на гражданскую службу наравне с сыновьями дворян (ст. 27), устанавливались «особенные пособия при определении к должностям губернаторам, вице-губернаторам, градоначальникам, управляющим казенными и контрольными палатами и начальникам управления земледелия и государственных имуществ, когда они определены, переведены или перемещены в эти должности, отправляются к ним из одной губернии (или области) в другую, выдаются на подъем и обзаведение» [5, с.228].

Особыми преимуществами гражданской службы пользовались служащие в отдаленных районах (Сахалинская, Охотско-Камчатская, Николаевско-Приморская, Якутская области, уезды Петропавловский, Гижинский) и в генерал-губернаторствах (Приамурском, Иркутском, Степном, Туркестанском, в губерниях Царства Польского) [6].

Действовавшее законодательство относительно медицинской помощи рабочим исчерпывалось двумя постановлениями: Положением Совета Министров от 26 августа 1866 г., «Об устройстве при фабриках и заводах в московской губернии больничных помещений», изданным сначала в виде временной меры по случаю эпидемий и оставшееся в силе в дальнейшем, по которому фабрики с численность 1 000 рабочих должны были иметь больничное помещение на 10 кроватей (из расчета 1 койка на 100 рабочих), а свыше 1 000 - 15 мест и более и статья 107/102 Устава промышленности, и Свода законов Т. XI ч. 2. 1893 г., закрепляющем запрет на взимание с рабочих плату за врачебную помощь, понимая под этим не только фармацевтическое лечение, но и диетическое и гигиеническое обслуживание больного, уход за ним и т.д. Однако в действительности в большинстве случаев положения данных актов не соблюдались (на многих фабриках, заводах медицинская помощь существовала фиктивно) [7, с 269].

По данным медицинского департамента за 1890 г., числилось всего 702 фабричных и земских больницы, в среднем в каждой по 10-11 кроватей. Медицинский персонал состоял из 209 врачей мужчин и 9 женщин - врачей. Одна больница приходилась на 2 247 рабочих, одна кровать на 216, а один врач на 7 238 рабочих [8]. В России в конце XIX в. преобладала амбулаторная форма врачебной помощи, которую имели 42% фабрик. Бесплатная врачебная помощь рабочим предоставлялась только на 3488 фабриках, что составляло 18% от общей массы. Из 194 самых крупных заведений с числом рабочих более 1000 чел. на 185 (или 95,34%) имелись медицинские учреждения.

Далее 24 декабря 1868 г. Государственный совет издал «Положение об устройстве сельской врачебной медицины», которое применялось в

тех губерниях, где не было введено Положение о земских учреждениях, согласно последнему на каждый уезд назначались: 1 врач, 3 повивальные бабки и 7-9 фельдшеров. Обязанности медицинского персонала были определены инструкцией о порядке исполнения обязанностей сельскими врачами, ветеринарами и прочими служащими по сельской врачебной части от 1 мая 1869 г., в которой указывалось, что сельский уездный врач должен обеспечивать исполнение требований о врачебной помощи со стороны сельских жителей и выезжать по приглашению участковых фельдшеров и повивальных бабок в случаях угрозы жизни, необходимости хирургического вмешательства или эпидемии [9]. Таким образом, была учреждена известная в истории отечественного сельского здравоохранения «разъездная медицина», просуществовавшая в Белоруссии фактически до начала XX столетия. А в 1887 г. было введено обязательное строительство сельских больниц. Медицинская помощь сельскому населению основывалась на следующих положениях: бесплатный прием и лечение больных из среды местного населения, стремление приблизить к сельскому населению врачебную помощь, стационарный способ врачебной помощи, обращение расходов, связанных с организацией сельской врачебной части, на местный земский сбор с целью равномерного распределения тяжести обложения на врачебную помощь, падавшую до того времени исключительно на крестьян [10, с.16].

Более ускоренными темпами сельская медицина стала развиваться после введения в 1903 г. положения об управлении земским хозяйством в не земских губерниях, действие которого распространилось на Минскую, Могилевскую и Витебскую губернии и впервые законодательно обязывались проявлять заботу о медицинской помощи населению, улучшении санитарных условий, предупреждении и пресечении эпидемий. Нельзя сказать, что эта система была совершенна, но попытки государства охватить все слои населения, нуждающиеся в социальной защите были.

В заключение хотелось бы отметить, что в Российской империи обязательная государственная помощь некоторым категориям нетрудоспособных и престарелых лиц получила законодательное закрепление и приобрела юридическую форму пенсии. Так же в форме пенсий оказывалась помощь нетрудоспособным гражданам Российской империи из специально учрежденных в некоторых ведомствах пенсионных капиталов.

Список использованных источников

- 1 Бадя, Л. В., Демина, Л. И., Егошина, В. Н. *Исторический опыт социальной работы в России.* – М.: Гуманит. изд. центре ВЛАДОС, 1994. – 198 с.
- 2 Дегтярев, Г. П. *Пенсионные реформы в России.* – М.: Академия, 2003. – 254 с.

3 Устав о пенсиях и единовременных пособиях, 6 декабря 1827 года. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. – Т. II. – № 1592. – С. 1034 – 1043.

Устав о воинской повинности от 1 января 1874 г. // [Электронный ресурс] – 2019 – Режим доступа: <https://ru.wikisource.org>. – Дата доступа: 16.09.2019.

Устав о службе гражданской // Свод законов Российской империи. – 1857. – Кн. 1. – Т. 3: – 1416 с.

Юридическая летопись: ежемесячный журнал / Н.Ф. Дерюжинский [и др.]; под ред. Н. Сергеевский. – Г. 3. – 1892. – Т. 2. – № 10. – С. 189–197.

Канторович, Я.А. Законы о женщинах: (Сборник всех постановлений действующего законодательства, относящихся до лиц женского пола)/Изд. Я.А. Канторович. – СПб. – 1899. – С. 269.

Энциклопедический словарь. Россия / Под ред. К.К. Арсентьева и Ф.Ф. Петрушевского. – СПб. – 1898. – С. 215-218.

Агиевец, С.В. Теоретические проблемы правового регулирования медицинской помощи: монография / С.В. Агиевец. – Гродно: ГрГУ, 2002. – 168 с.

О страховании на случай болезни: Декрет ВЦИК, 22 декабря 1917 г. // Декреты Советской власти. – Т.1. – Ст.267–276.

В.Г. КОКОРЕВ

**ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ
И ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВА НА СВОБОДУ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ
ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ XIX в.**

V.G. KOKOREV

**FEATURES OF CRIMINAL LAW PROTECTION AND
RESTRICTIONS ON THE RIGHT TO FREEDOM OF RELIGION
UNDER THE LEGISLATION OF RUSSIA OF THE 19-th Cent.**

В статье рассматриваются особенности регламентации уголовно-правовой охраны и ограничения права на свободу вероисповедания по УК РФ и нормативным правовым актам XIX в. Подчеркивается, что нормы дореволюционного законодательства в отличие от содержания ст. 148 УК РФ были по технико-юридическому конструированию более совершенны, так как конкретизировали, в каких именно действиях виновного лица может выражаться совершение подобного преступления.

The article considers the peculiarities of the regulation of criminal law protection and restrictions on the right to freedom of religion under the Criminal Code of the Russian Federation and the normative legal acts of the XIX century. It is stressed that the norms of pre-revolutionary legislation, unlike the content of article 148 of the Criminal Code of the Russian Federation, were more perfect in terms of technical and legal design, as they specified in which actions of the perpetrator can be expressed.

Ключевые слова: оскорбление религиозных чувств верующих, воспрепятствование проведения богослужения, богохульство, свобода вероисповедания, святотатство, уголовная ответственность.

Key words: insult to religious feelings of believers, obstruction of worship, blasphemy, freedom of religion, sanctity, criminal responsibility.

В законодательстве Российской Федерации за последние годы обращается особое внимание на охрану и ограничение права на свободу вероисповедания, о чем могут свидетельствовать вносимые изменения в УК РФ. Однако особенности рассмотрения реализации права на свободу вероисповедания по законодательству XIX в. позволит проанализировать технико-юридическое конструирование данных норм, а также возможность заимствования подобного конструирования норм для от-

ечественного УК. Кроме того, подобный анализ позволит рассмотреть историческую правопреемственность регламентации охраны и ограничения данного права по нормам, содержащим уголовную ответственность. Следует подчеркнуть, что к подобному анализу обращаются в рамках своих тем исследования многие ученые-криминалисты [1-3].

Так, в УК РФ охрана права на свободу вероисповедания регламентируется ст. 148 «Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий», предусматривающей ответственность за оскорбление религиозных чувств верующих и незаконное воспрепятствование проведению богослужения и совершению иных религиозных действий, и ст. 282 «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства», содержащей два альтернативных деяния, как и ст. 148 УК РФ: 1) необходимость виновным лицом быть привлеченным к административной ответственности за подобное деяние в период года со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания. Тем самым законодатель установил административную преюдицию; 2) совершение действий, направленных на возбуждение ненависти либо вражды, виновным лицом: с применением насилия или с угрозой его применения; лицом с использованием своего служебного положения; организованной группой.

Ограничение права на свободу вероисповедания отражается в ст. 239 «Создание некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан», в которой указывается ответственность за создание, в частности, религиозного объединения, деятельность которого сопряжена с насилием над гражданами или иным причинением вреда их здоровью, и в ст. 282.2 «Организация деятельности экстремистской организации», т.е. организация в том числе религиозного объединения, в отношении которого судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением данной деятельности УК РФ [4].

В свою очередь, обращая внимание на особенности уголовного законодательства XIX в., необходимо отметить, что до принятия Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [5], оно регламентировалось в межотраслевых законах, так как нормы, содержащие уголовную ответственность, предусматривались в Соборном уложении 1649 г. [6] и Артикуле воинском 1715 г. [7], которые содержали нормы, относящиеся и к иным отраслям права.

Так, в Соборном Уложении 1649 г., в ст. 1 гл. 1 устанавливалась ответственность за «богохульство», под которым понималось оскорбление верующего словесными выражениями либо какими-либо действиями, а также отрицание Иисуса Христа и святых [6, с. 85].

А в ст.ст. 2-7 данной главы Уложения закреплялась ответственность за прерывание религиозных действий, выражающихся в противодей-

ствии совершению литургии, высказывание непристойных слов священнослужителю, применение насилия по отношению к прихожанам, находящимся при совершении религиозных действий [6, с. 85-86].

При этом отдельно следует подчеркнуть, что в ст. 14 гл. 21 Уложения акцентировалось внимание на святотатстве, т.е. совершении кражи виновным лицом из храма [6, с. 232], что в действующем УК РФ отсутствует, и подобное деяние, как свидетельствует мониторинг судебной практики, квалифицируется в зависимости от формы хищения, но, как правило, по ст. 158 УК РФ «Кража».

В период царствования Петра I принимается в 1715 г. «Артикул воинский», который действовал наравне с Соборным Уложением 1649 г. до принятия Уложения 1845 г. Так, в частности, Артикул отражает в арт. 186 ответственность за хищение предметов в Церкви и иных святых местах [7, с. 362], тем самым этот законодательный акт расширил по сравнению с Уложением 1649 г. перечень святых, особо почитаемых верующими мест, установив ответственность за хищение имущества, принадлежащего православной Церкви.

Следует подчеркнуть, что действия виновных лиц квалифицировались по данным нормам за хищения имущества из почитаемых верующими мест, относящихся и к иным христианским вероисповеданиям, а не только к православию.

В свою очередь, в Артикуле устанавливалась в той или иной степени ответственность за оскорбление религиозных чувств верующих, выраженных в хулильных высказываниях Иисуса Христа, богослужения, матери божией девы Марии и святых (арт. 3-6) [7, с. 329]. При этом арт. 5 содержал ответственность за то, что лицо, слышавшее богохулильные слова от преступника, не уведомило об этом посторонних лиц [7, с. 329].

В арт. 6 «Артикула воинского» содержалась дифференцированная ответственность виновного лица в зависимости от количества выявленных случаев произнесения им слов, которые не содержали в себе богохульства и были произнесены по легкомыслию. При этом за третий раз совершения подобного деяния виновное лицо приговаривалось к смертной казни [7, с. 329].

Таким образом, Артикул воинский по сравнению с Уложением 1649 г. расширил перечень деяний, направленных на оскорбление религиозных чувств верующих, предусмотрев, в том числе за неоднократное его совершение по неосторожности виновным лицом.

Кроме того, Артикул регламентировал ответственность за воспрепятствование совершению богослужения, выражающемуся в запрете совершения бесчиния в храме и за его пределами в период проведения религиозных действий, выраженных в появлении виновного лица в состоянии опьянения [7, с. 330].

При ограничении права на свободу вероисповедания следует указать, что в отличие от Уложения 1649 г. Артикул в ст. 1 регламентировал ответственность за идолопоклонничество [7, с. 328-329].

В 1845 г. принимается указанный нами ранее первый кодифицированный уголовный закон «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных», который содержал в первоначальной редакции ответственность за оскорбление христианских (православных) чувств верующих, выражавшееся в возложении хулы на Богородицу, пресно-деву Марию, либо на честный крест Иисуса Христа, либо на бесплодные силы небесные, или на святых угодников божиих и их изображения, совершенное публично, в том числе в храме, либо совершение виновным лицом действий, связанных с порицанием христианской веры, ругательством над священным писанием либо святыми таинствами [5, с. 211-213; 221-225].

Кроме того, содержалась ответственность, как и в предыдущих законах, за воспрепятствование проведения богослужения и иных религиозных обрядов. При этом законодатель указывал на совершение этого деяния с прямым умыслом или в состоянии опьянения. А также совершение в период данного действия открытия торговой лавки (за исключением торговли продовольствием и кормом для животных), совершение увеселительных мероприятий, например, игр, плясок, конных скачек и т.п. [5, с. 216; 222-226].

Поэтому можно сказать, что Уложение 1845 г. предусматривало расширенный перечень обстоятельств, могущих помешать совершению религиозных обрядов и церемоний, и устанавливало ответственность за хищение, в том числе из храмов или мест, где хранится имущество церкви, как определенных религиозных предметов, так и денег.

В свою очередь, ограничение права на свободу вероисповедания отражалось в ряде норм Уложения 1845 г., направленных на запрет перехода («сворачивание») православных в иное вероисповедание [5, с. 214-221]. Первоначально подобный уголовно-правовой запрет, содержащий ответственность за переход лиц, принадлежащих к данной вере, в басурманскую религию, имел место быть с Уложения 1649 г.

Так, ст. 190 первоначальной редакции Уложения 1845 г. содержала ответственность за совершение подобного «сворачивания» с помощью обольщения или иным способом, в результате чего лицо переходит в любую иную веру, за исключением христианской, а применение насилия признавалось в качестве квалифицированного состава данного деяния [5, с. 214].

При этом за сворачивание устанавливалась ответственность в нескольких статьях данного Уложения в зависимости от обстоятельств перехода лиц в иное вероисповедание, в том числе за воспитание детей родителями, будучи православными не по канонам православной ре-

лигии. Кроме того, устанавливалась ответственность за переход лиц и в еретические верования и ереси.

При этом Уложение 1845 г. содержало ответственность, как и предыдущие законы, за святотатство, под которым подразумевалось похищение вещей и денег из мест, относящихся к проведению различных религиозных действий, а также церковных хранилищ, находящихся в том числе за пределами помещения места, предназначенного для совершения каких-либо религиозных действий.

В связи с чем можем сказать, что Уложение 1845 г. по сравнению с Уложением 1649 г. и Артикулом 1715 г. расширило развернутое представление о действиях виновных лиц, направленных на оскорбление религиозных чувств верующих

Таким образом, можно сделать вывод, что в законодательстве XIX в., в частности содержащем ответственность за нарушение права на свободу вероисповедания, дореволюционный отечественный законодатель конкретизировал, в каких именно действиях виновного лица может выражаться совершение данного преступления.

Список использованных источников

Осокин Р. Б., Курсаев А. В. Ответственность за похищение имущества с тел умерших или мест их захоронения по уголовному законодательству зарубежных стран и проблемы совершенствования ст. 244 УК РФ «Надругательство над телами умерших и местами их захоронений» // *Международное публичное и частное право*. 2011. № 4. С. 38-41.

Волколупова В. А., Сенцов А. С. Реагментация ответственности за взыточничество в уголовном законодательстве некоторых зарубежных стран: компаративистский аспект // *Концепт*. 2016. № 15. С. 2356-2360.

Осокин Р. Б. Уголовное законодательство Австрийской Республики об ответственности за преступления против общественной нравственности // *Вестник Волгоградской академии МВД России*. 2016. № 1 (36). С. 66-71.

Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 2.08.2019): принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 июня 1996 г. // *Собр. законодательства Рос. Федерации*. - 1996. - № 25, ст. 2954; 2019. - № 31, ст. 4467.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // *Российское законодательство X-XX веков. Законодательство первой половины XIX века*. М. : Юрид. лит., 1988. Т. 6. С. 174-309

Соборное Уложение 1649 года // *Российское законодательство X-XX веков : в 9 т. Акты Земских соборов*. М. : Юрид. лит., 1985. Т. 3. С. 83-257.

Артикул воинский 1715 г. // *Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Законодательство периода становления абсолютизма*. М. : Юрид. лит., 1986. Т. 4. С. 327-365.

И.В. КОЛОДИНСКАЯ

**РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О СОВМЕЩЕНИИ
РАБОТЫ С ПОЛУЧЕНИЕМ ОБРАЗОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ
БЕЛАРУСИ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX В.**

I.V. KOLODINSKAYA

**DEVELOPMENT OF LEGISLATION ON COMBINING WORK WITH
EDUCATION IN BELARUS AS PART OF THE RUSSIAN EMPIRE
IN THE XIX Cent.**

Кратко рассматривается история развития законодательства о совмещении работы с получением образования на территории Беларуси в составе Российской империи в XIX веке. Особое внимание уделяется вопросам формирования системы профессионального образования в рассматриваемый период. Анализируются акты законодательства, регулирующие отношения в сфере совмещения работы с получением образования, включая положения, регламентирующие деятельность различных видов профессиональных учебных заведений.

The history of the development of legislation on combining work with education on the territory of Belarus as part of the Russian Empire in the XIX century is briefly considered. Special attention is paid to the formation of the system of vocational education in the period under review. The article analyzes legislative acts regulating relations in the sphere of combining work with education, including provisions regulating the activities of various types of professional educational institutions

Ключевые слова: трудовое право, фабричное законодательство, законодательство о совмещении работы с получением образования, развитие производства, развитие капитализма.

Keywords: labor law, factory legislation, legislation on combining work with education, development of production, development of capitalism.

Трудовое право как любая самостоятельная отрасль современного права имеет свою историю развития и специфическую сферу регулирования.

Как отмечает К.Л. Томашевский, на территории Беларуси до середины XIX века правовое регулирование наемного труда во многом осуществлялось законодательством Великого княжества Литовского

(Статут ВкЛ 1588 г.), а с середины XIX до начала XX веков — гражданским и фабрично-заводским законодательством Российской империи [1].

На формирование и развитие фабричного законодательства в дореволюционной России (в том числе и на белорусских землях) повлияло противоречие интересов внутри господствующих классов и специфические интересы государственной бюрократии, а также осознание со стороны властной «верхушки» недостаточности положений гражданского законодательства для регулирования отношений, основанных на наемном труде, в условиях фабрично-заводского способа производства. Появление фабричного законодательства стало не только результатом социального противостояния, но и способствовало продуктивному становлению и развитию фабричного производства, основанного на коллективном труде.

Именно отмена крепостного права в 1861 году явилась отправной точкой для развития фабрично-трудового законодательства и способствовала переходу от феодального строя к капиталистическому. Происходящие изменения позволили значительно увеличить количество и качество выпускаемой товарной продукции и предопределили необходимость в правовом регулировании новых общественных отношений.

В отличие от дореформенного периода (до реформы 1861 г.), когда законодательство, регламентирувавшее взаимоотношения фабрикантов и свободных работников, ограничивалось двумя основными актами в силу почти полного отсутствия свободного рынка труда, в период после реформы 1861 г. вплоть до Октябрьской революции 1917 г. трудовое законодательство активно развивалось [2, с. 18].

Необходимо отметить, что именно обострившаяся рыночная конкуренция и повышение рыночного спроса на промышленные товары подтолкнули владельцев мануфактур к механизации производства. Ремесло и мануфактуру постепенно вытесняла капиталистическая фабрика. Менялись внутренние условия функционирования предприятий: реструктуризация, технологические изменения, появление новых рабочих мест. В результате все знания и навыки, полученные при ремесленном ученичестве, стали не соответствовать фабрично-заводскому способу производства и терять свою актуальность.

Индустриальная эпоха начала предъявлять высокие требования к уровню квалификации работника. Достичь высшей квалификации работник мог непосредственно в процессе самого производства. Он постепенно знакомился с производством путем наблюдения, а также путем «заискивания» перед старыми рабочими, добиваясь разъяснения ими того или иного приема работы [3]. Подобным образом происходило обучение работника на предприятии и становление его как

специалиста. Подготовку дисциплинированного и грамотного работника должна была обеспечить и школа. Происходит прогрессивное развитие сети школ и школьного дела, появляется большое количество многоуровневых учебных заведений (общеобразовательных, профессиональных, национальных, женских) [4, с. 15].

Процессу развития профессионального образования в Беларуси были присущи те же черты, что и в Российской империи в целом. Если во второй половине XIX в. возникали отдельные профессиональные учебные заведения, то в конце XIX в. темпы роста профессионального образования значительно ускоряются [5, с. 16]. Вклад русских ученых и педагогов, чей опыт использовали на Западе, здесь очень значителен. Предложенный русским ученым И.А. Вышеградским «Общий нормальный план промышленного образования в России» был принят правительством как план развития. В 1888 г. утвержденные «Основные положения о промышленных училищах» впервые в России законодательно установили единую систему разрозненных прежде профессионально-технических учебных заведений. Их подразделили по типам: средние технические училища, низшие технические училища и ремесленные училища [6].

Средние технические училища готовили техникумов как ближайших помощников инженеров и других руководителей промышленного дела [6]. Данные училища преследовали цель дать учащимся общеобразовательную подготовку, достаточную для поступления в высшие специальные заведения, а также необходимые знания по определенной профессии [5, 11].

Низшие технические училища подготавливали рабочих для определенного производства. Главное отличие их учебного процесса от средних специальных учебных заведений состояло в том, что общеобразовательные предметы преподавались в объеме начальной школы [5, с. 14]. Ремесленные училища обучали конкретному ремеслу, связанному чаще всего с бытом людей [6].

Таким образом, профессиональной школе Беларуси были свойственны разнотипность и разнопрофильность [5, с. 10]. В дореволюционной Беларуси существовали 8 ремесленных училищ, 11 низших ремесленных школ, 1 школа ремесленных учеников, 1 техническое железнодорожное училище, 14 низших сельскохозяйственных учебных заведений, 3 лесные школы, 1 торговая школа, около 80 ремесленных училищ, школ, мастерских, открытых по особым уставам, а также ремесленных классов и отделений при общеобразовательных школах [5, с. 14]. Впервые в содержание профессионального образования были введены планы, определявшие основные пути подготовки квалифицированных рабочих, мастеров и техникумов [6]. На смену старым системам производственного обучения пришли новые, усовершенствованные

ные, появлению которых способствовала промышленная революция. Стала применяться операционно-поточная система производственного обучения. Она была связана с развитием поточной системы организации производства и основана на разделении технологического процесса на операции, при котором каждый ученик выполнял один вид работы, затем передавал по постоянному маршруту для последующей обработки. Данная система позволяла овладеть приемами труда в условиях многостаночной системы при высокомеханизированном производстве. Затем стала использоваться операционно-предметная система производственного обучения. Указанная система являлась усовершенствованным вариантом предыдущей системы. Она была основана на изучении трудовых операций при изготовлении изделий возрастающей сложности и была предложена в 1887 г. директором Московского ремесленного училища С.А. Владимирским. [7].

Именно развитие капитализма в промышленности Беларуси создало предпосылки для возникновения профессионально-технических учебных заведений. Как отмечает Н.А. Новик, «наиболее динамичному росту профессиональных школ как в Беларуси, так и в России в начале XX в. способствовало создание законодательной базы профессионального образования. К этому времени сложилась разветвленная структура профессионального образования» [5, с. 18]. Акты законодательства представлены различными положениями, регламентирующими деятельность тех или иных видов профессиональных учебных заведений. К ним относятся «Положение и штаты земледельческого училища» (1878 г.), «Нормальное положение о низших сельскохозяйственных школах» (1883 г.), «Основные положения о промышленных училищах» (1888 г.), «Положение о школах ремесленных учеников» (1893 г.), «Положения о коммерческих учебных заведениях» (1896 г.), «Положение о сельскохозяйственном образовании» (1904 г.) и ряд других источников данного типа, которые позволяют создать представление о системе профессионального образования и ее элементах» [5, с. 6].

Вместе с актами законодательства, регламентирующими деятельность различных видов профессиональных учебных заведений, активно развивалось и законодательство о фабрично-рабочем труде. Среди первых фабричных законов имели место законы, регулирующие отношения в сфере совмещения работы с получением образования. Это, в частности, Закон от 1 июня 1882 г. «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах», Закон от 12 июня 1884 г. «О школьном обучении малолетних, работающих на фабриках, заводах и мануфактурах, о продолжительности их работы и о фабричной инспекции» и Закон от 24 апреля 1890 г. «Об изменении постановления о работе малолетних, подростков и лиц женского пола на фабриках, заводах и мануфактурах и о распространении правил о работе и обучении мало-

летних на ремесленные заведения» [8].

Так, например, согласно первому из вышеуказанных законов, запрещалось применять труд детей в возрасте до 12 лет на фабриках, заводах и мануфактурах. Закон ограничивал продолжительность рабочего дня, запрещал работать в воскресные и праздничные дни, запрещал ночные работы, не разрешал привлекать малолетних и подростков от 15 до 17 лет к вредным и опасным работам. А также устанавливал специальные правила по охране труда для малолетних от 12 до 15 лет. Указанный закон обязывал фабрикантов предоставлять малолетним рабочим, не имевшим образования, возможность посещать народные училища. Фабриканты были обязаны регистрировать малолетних рабочих в особой книге. Согласно закону была создана специальная фабричная инспекция (20 человек), которая находилась в ведении министра финансов и была призвана наблюдать за исполнением правил и запретов, установленных в данном законе, составлять при участии полиции протоколы о нарушениях законодательных норм и передавать их в суд, поддерживать там обвинение против нарушителей. За нарушение владельцами или руководством фабрик данных правил была установлена ответственность (арест или штраф). Закон не применялся на казенных предприятиях, но мог быть распространен на ремесленные заведения, если такое распространение власти находили возможным и полезным [9].

Закон от 12 июня 1884 г. «О школьном обучении малолетних, работающих на фабриках, заводах и мануфактурах, о продолжительности их работы и о фабричной инспекции» рекомендовал владельцам фабрик, заводов и мануфактур открывать при своих предприятиях школы (на которые дети-рабочие имели лишь 3 часа в день), порядок посещения которых и программы преподавания должны были определяться директорами народных училищ по соглашению с фабричной инспекцией. Однако данный акт не возлагал на работодателей никаких определенных обязанностей; такие обязанности возникали лишь тогда (п. 119), когда фабрикант устраивал по своему желанию при фабрике школу высшего типа, ибо в этом случае он должен был дать возможность посещать школу и тем малолетним рабочим, которые уже окончили начальное училище. Если же при фабрике школы не имелось, то все заботы о предоставлении малолетним работникам возможности посещать школу возлагались на фабричную и учебную инспекции (п.п. 115–116) [9].

Как отмечал в начале XX в. А.Н. Быков, Закон от 12 июня 1884 г. на деле оставался мертвой буквой, и из всех прежних отчетов инспекции можно безошибочно заключить, что обучение малолетних рабочих сколько-нибудь успешно идёт на русских фабриках лишь там, где предприниматели заботятся о нём по собственному почину и жела-

нию. Положение же инспекции, на которой лежала по закону забота о школьном обучении малолетних рабочих и которая вместе с тем не имела никаких реальных средств к устройству приспособленных для них школ, бывало нередко крайне затруднительно [10].

Помимо вышеперечисленных актов фабричного законодательства, к началу 1917 г. действовали более 10 законов о труде и множество подзаконных актов, охватывавших все основные институты трудового (по российской терминологии – фабрично-заводского или фабрично-трудо-вого) законодательства: охрану труда детей и женщин (Законы 1882, 1884, 1885, 1890 гг.), рабочее время и время отдыха (Закон 1897 г.), трудовой договор, внутренний распорядок, дисциплину труда (Закон 1886 г.), заработную плату (Закон 1886 г.), возмещение работодателями вреда и т.д. [11]

Все отмеченные акты законодательства действовали (с изменениями и дополнениями) вплоть до февраля 1917 г. Важнейшие из них были включены в Устав о промышленности. В 1913 г. «фабричные» законы были выделены из Устава о промышленности в особый Устав о промышленном труде. С выпуском Устава о промышленном труде он стал главным источником фабрично-трудо-вого законодательства, и с этого момента юридическая наука и практика стали ссылаться не столько на Полное Собрание Законов Российской империи и на тексты соответствующих актов, сколько на статьи Устава о промышленном труде [8]. Таким образом, можно отметить, что законодательство о труде к началу XX в. активно развивалось. Нормативно-правовые акты, регулирующие многие аспекты трудовых отношений в этот период стали нормативной базой и прочным фундаментом для формирования трудового права высшего, европейского типа.

Кратко рассмотрев историю развития законодательства о совмещении работы с получением образования на территории Беларуси в составе Российской империи в XIX веке, можно сделать следующие основные выводы:

- реформы XIX века создали необходимые условия для развития Российской империи, включая территорию Беларуси в ее составе, по капиталистическому пути и способствовали созданию машинного производства;
- преобладание машинного производства в экономике повлияло на появление и активное развитие законодательства о труде (фабричного законодательства);
- постоянно растущие требования к уровню подготовки кадров квалифицированных рабочих способствовали становлению системы профессионального образования и появлению первых актов законодательства, регулирующих отношения в сфере совмещения работы с получением образования.

Список использованных источников

История правового регулирования трудовых отношений в Беларуси [Электронный ресурс] / К.Л. Томашевский. – Режим доступа: <https://yandex.by/turbo?text>. – Дата доступа: 30.09.2019.

Развитие института трудовых споров [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sdamzavas.net/1-49346.html>. – Дата доступа: 30.09.2019.

Скворцова, Т.К. Отечественный и зарубежный опыт обучения ручному труду в историческом аспекте / Т.К. Скворцова. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article>. – Дата доступа: 30.09.2019.

Шатюк, Т.Г. Развитие народного образования Беларуси на микрорегиональном уровне во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере уездного г. Гомеля Могилевской губернии) : автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Т.Г. Шатюк ; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2000. – 17 с.

Новик, Н.А. Профессиональное образование в Беларуси во второй половине XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Н.Е. Новик; Бел. гос. ун-т. – Минск, 1999. – 19 с.

Профессиональное образование в России – история развития [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://megaobuchalka.ru/8/31536.html>. – Дата доступа: 30.09.2019.

Производственное обучение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pedagogicheskaya>. – Дата доступа: 30.09.2019.

Левкина, Е.С. Формирование фабрично-трудового законодательства в Российской империи во второй половине XIX в. – начале XX в. [Электронный ресурс] / Е.С. Левкина. – Режим доступа: <http://pravozashitnik.net/ru/2014/4/12>. – Дата доступа: 30.09.2019.

Формирование фабрично-трудового законодательства в Российской империи во второй половине XIX в. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravozashitnik.net/ru/2014/4/12>. – Дата доступа: 30.09.2019.

Становление и развитие отношений социального партнерства в сфере труда в России XVIII – начала XX вв. (историко-правовое исследование) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://p.120-bal.ru/pravo/11399/index.html?page=8>. – Дата доступа: 30.09.2019.

Развитие трудового права в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nydocx.ru/6-3272.html>. – Дата доступа: 30.09.2019.

В.В. КОНИН

СТАТУС АДВОКАТА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

V. V. KONIN

STATUS OF A LAWYER IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Уголовно-процессуальный статус защитника образуется совокупностью его прав и обязанностей, установленных как УПК РФ, так и Федеральным законом, регулирующим адвокатскую деятельность в Российской Федерации, и имеет своей целью реализацию конституционного права граждан на квалифицированную юридическую помощь.

The criminal procedural status of a defender is formed by the totality of his rights and obligations established both by the criminal procedure code of the Russian Federation and by the Federal law regulating advocacy in the Russian Federation, and is aimed at the realization of the constitutional right of citizens to qualified legal assistance.

Ключевые слова: адвокат, адвокатская деятельность, уголовное судопроизводство, право на защиту.

Keywords: lawyer, advocacy, criminal proceedings, the right to defense.

Правовой статус адвоката представляет собой совокупность таких свойств, как правосубъектность, наличие прав и обязанностей, предусмотренных законом, и ответственности за неисполнение либо ненадлежащее исполнение возложенные в соответствии со статусом обязанностей.

Правосубъектность приобретает в момент принятия адвокатом присяги, в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 12 Федерального Закона № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Соответственно, с момента приобретения правосубъектности, на адвоката возлагаются права и обязанности, перечисленные как в Федеральном Законе № 63-ФЗ, так и в других законах, регулирующих те или иные общественные отношения, в частности УПК РФ, ГПК РФ, КоАП РФ, КАС РФ и других.

Уголовно-процессуальный статус адвоката представляет собой суть его деятельности в уголовном судопроизводстве.

В первую очередь из особенностей статуса адвоката в УПК РФ необходимо отметить то, что законодателем и научной общественностью

адвокат традиционно отнесен к стороне защиты, и отстаивая интересы подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, он выступает в роли защитника. В то же время, адвокат в уголовном судопроизводстве может представлять интересы и иных участников: потерпевшего, свидетеля, гражданского истца, гражданского ответчика. В этих случаях, адвокат выступает в качестве представителя. Как показывает практика, чаще всего адвокат-представитель в уголовном процессе представляет интересы потерпевшего (как юридического, так и физического лица), либо гражданского истца (также, как юридического, так и физического лица). Именно в этой связи адвоката-представителя и адвоката-защитника мы и будем рассматривать в настоящей статье.

Как участник уголовного судопроизводства адвокат-защитник реализует функцию защиты от возникшего подозрения в совершении преступления, либо выдвинутого обвинительного тезиса, которая определяет направление всей его деятельности на всех стадиях уголовного процесса. Адвокат-представитель в уголовном процессе реализует функцию защиты интересов потерпевшего либо гражданского истца.

По мнению Н. А. Пастернак наиболее распространенным и общепризнанным пониманием уголовно-процессуальной функции в отечественной науке является признак направления уголовно-процессуальной деятельности. [1, с. 169-171] Такой подход (понимания функции как направления уголовно-процессуальной деятельности) является достаточно распространенным и признанным для теории уголовного процесса. [2, с. 62; 3, с. 322] В связи с этим представляется логичным понимать деятельность адвоката, как действия в рамках уголовно-процессуального законодательства по отстаиванию интересов доверителя, вне зависимости от того, к стороне защиты либо к стороне обвинения относится доверитель.

Если адвокат выступает в роли доверителя, он обязан сделать все, чтобы вред, причиненный преступлением доверителю был возмещен либо заглажен в максимально полном объеме.

Если адвокат выступает в роли защитника подозреваемого либо обвиняемого, а также подсудимого, он обязан предпринять все, не запрещенные законом меры для улучшения положения доверителя.

Таким образом, действия адвоката в уголовном процессе, вне зависимости от того, чьи интересы он представляет, есть реализация функция защиты либо функции представительства. Реализация указанных функций всегда будет базироваться на статусе адвоката, и являться основной для его правильного понимания, поскольку право на квалифицированную юридическую помощь в уголовном судопроизводстве для лиц, имеющих процессуальный статус подозреваемого, обвиняемого либо подсудимого связана исключительно с адвокатом, в соответствии с правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации [7].

В то же время функция защиты и функция представительства наполнены определенными элементами, без которых реализация функции невозможна. Функция, и наполняющие ее элементы определяет содержание процессуального статуса участника процесса (защитник либо представитель), который, в свою очередь определяет процессуальное содержание деятельности во всей ее целостности и в отдельных элементах, например, в следственных и судебных действиях.

По мнению Е. В. Горбачевой «... функции первичны по отношению к элементам, которые эти функции реализуют... наличие функции обуславливает необходимость появления того или иного участникам процесса».[4, с. 58]

Очевидно, что статус адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве отличается от статуса адвоката-представителя, несмотря на имеющиеся сходства, поскольку функции, возложенные на защитника и представителя, а также задачи, реализуемые защитником и представителем, являются диаметрально противоположными.

Действующее российское уголовно-процессуальное законодательство не относит адвоката, вне зависимости от того, является он защитником либо представителем, к субъектам доказывания.

В то же время, адвокат, являясь участником уголовно-процессуальных правоотношений, выступая на стороне защиты либо стороне обвинения, фактически выступает субъектом оценки доказательств, собранных стороной обвинения.

Если адвокат-представитель, участвуя в следственных и судебных действиях, представляя доказательства, и оценивая собранные на предварительном следствии доказательства на предмет подтверждения выдвинутого в отношении лица, привлекаемого к уголовной ответственности, обвинительного тезиса (в том числе и на предмет устойчивости выдвинутого обвинительного тезиса), с тем, чтобы нарушенные преступлением права и законные интересы потерпевшего были восстановлены в максимальном объеме, что связано с его обязанностью оказывать помощь в поддержании обвинения и опровержении позиции, выбранной стороной защиты. Выявляя слабые стороны в обвинении, адвокат-представитель обязан предпринять все предусмотренные законодательством меры по воздействию на следователя с тем, чтобы устранить выявленные недостатки в позиции обвинения, в том числе и собрать новые доказательства, усиливающие позицию обвинения.

В то же время, адвокат-защитник также оценивает сформированную следствием доказательственную базу на предмет подтверждения выдвинутого обвинительного тезиса в отношении подзащитного, устойчивость обвинительного тезиса (наличие доказательств, их соответствие предъявляемым требованиям). Выявляя слабые стороны в позиции обвинения, адвокат-защитник обязан предпринять все не-

обходимые меры по улучшению положения подзащитного: перекалфикация его действий на менее тяжкое преступление, либо прекращение уголовного преследования.

В существующей на современном этапе доктрине уголовного судопроизводства ученые-процессуалисты, следуя концепции уголовно-процессуального закона, не упоминают защитника в числе тех участников, которые имеют право оценивать доказательства.[5, с. 50-53] Причиной этого является тип уголовного процесса, использованный законодателем при разработке УПК РФ 2001 г. Так, К. Б. Калинин отмечает, что «действующее отечественное законодательство закрепляет публично-состязательный тип процесса».[6, с. 59] Влияние публичного начала и публичного интереса на уголовное судопроизводство, даже при условии его ориентации на состязательность, закрепленную в ст. 123 Конституции Российской Федерации и ст. 15 УПК РФ, налагает обязанность по доказыванию виновности лица исключительно на органы предварительного расследования, и, в то же время, не ограничивает деятельность адвоката-защитника и адвоката-представителя по сбору и предоставлению доказательств в обоснование своей позиции. При этом необходимо отметить, что деятельность адвоката в уголовном процессе, вне зависимости, является ли он представителем либо защитником, всегда базируется исключительно на частном интересе, в то время как деятельность следователя, прокурора и суда преследует защиту публичного интереса.

Список использованных источников

1. Пастернак Н. А. Реализация функции защиты в уголовном судопроизводстве по действующему Уголовно-процессуальному законодательству // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 3
2. Таричко И. Ю. Теория уголовно-процессуальных функций: ретроспектива и реалии // Вестник ОГУ. 2008. № 3
3. Ефремова О. М. Функция юстиции и функция уголовного преследования как процессуальные альтернативы // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 4
4. Горбачева Е. В. Функции защиты как необходимый элемент состязательного процесса // Сибирский юридический вестник. 2003. № 4.
5. Юферова Е. О. Свобода оценки доказательств в уголовном судопроизводстве России // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2009. №4 (51)
6. Калинин К. Б. Основные виды уголовного судопроизводства. СПб., 2002.
7. Определение Конституционного Суда РФ от 05.12.2003 N 446-О «По жалобам граждан Л.Д. Вальдмана, С.М. Григорьева и региональной общественной организации "Объединение вкладчиков "МММ" на нарушение конституционных прав и свобод рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и Федерального закона "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации" // СПС Консультант Плюс.

Н.В. КОПЫТКОВА

ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ СУПРУГОВ
ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XIX в.

N.V. KOPYTKOVA

PROPERTY RELATIONS OF SPOUGES ON THE LEGISLATION
OF THE RUSSIAN EMPIRE OF THE XIX Cent.

В статье исследуются вопросы правового регулирования имущественных отношений супругов в XIX веке. Анализируется законодательство и взгляды ученых-цивилистов на имущественные отношения супругов; проводится сравнительно-правовой анализ сложившегося законодательства; обосновывается вывод о влиянии экономических и культурно-нравственных факторов на формирование брачно-семейного законодательства XIX века.

The article examines the issues of legal regulation of property relations of spouses in the XIX century. The legislation and the views of civil scientists on the property relations of spouses are analyzed; a comparative legal analysis of the existing legislation is carried out; the conclusion is substantiated on the influence of economic, cultural and moral factors on the formation of marriage and family legislation of the 19th century.

Ключевые слова: право, законодательство, брак, супруги, имущественные отношения, сделки, содержание.

Keywords: law, legislation, marriage, spouses, property relations, transactions, content.

*«Мы вопрошаем и допрашиваем
прошедшее, чтобы оно объяснило
нам настоящее и намекнуло
о нашем будущем.»*

Белинский В.Г.

Вопросы правового регулирования имущественных отношений супругов были объектом исследования многих известных цивилистов XIX века.

Габриэль Феликсович Шершеневич (1863 – 1912 гг.) — русский юрист, цивилист, профессор Казанского и Московского университе-

тов, депутат I Государственной Думы. В 1888 г. он опубликовал научную работу «О праве замужних женщин на право торговли», в которой дал комментарии и разъяснения по применению норм гражданского уложения о свободе жены в вопросах ведения торговли.

Александр Иванович Загоровский (1850 — после 1910 г.) — русский юрист, профессор Харьковского и Новороссийского университетов. В 1884 г. он защитил докторскую диссертацию «О разводе по русскому праву», которая стала первым научным исследованием в российском брачно-семейном праве того времени. Одна из наиболее известных его работ «Курс семейного права», изданный в 1909 г. Кроме того, Загоровский является автором ряда статей по семейному праву, одна из которых «Отношения между родителями и детьми» (1902 г.).

Известны своими трудами в области гражданских и семейных правоотношений также выходцы из белорусской земли, такие ученые как Дмитрий Иванович Азаревич (1848—1912 гг. (или 1920 г.) и Владимир Данилович Спасович (1829 – 1906 гг.). Азаревич Д. И. российский юрист, историк римского и византийского права, профессор Новороссийского и Варшавского университетов. Родился в Могилёвской губернии в семье профессора законовещения Горыгорецкого земледельческого института (ныне Белорусская государственная сельскохозяйственная академия). В 1879 г. издал историко-юридическое исследование «Брачные элементы и их значение», а в 1883 г. опубликовал научную работу «Семейные имущественные отношения по русскому праву».

Спасович В.Д. — русский юрист-правовед, выдающийся адвокат, польский публицист, критик и историк польской литературы, общественный деятель, профессор Петербургского университета, почетный доктор Ягеллонского университета в Кракове. В 1857 г. в свет вышла монография Спасовича В.Д. «Об отношениях супругов по имуществу по древнему польскому праву», в которой был дан исторический очерк имущественных отношений супругов по законам Речи Посполитой. В своей работе Спасович В.Д. анализировал писаное право по вопросам семейных отношений начиная с XII века, а также дал сравнительный анализ норм Статутов Великого Княжества Литовского (далее – ВКЛ).

Статутом ВКЛ 1588 г. весьма обстоятельно регулировались личные и имущественные отношения, возникающие на основе брака. Большое внимание уделялось вопросу имущественного обеспечения содержания жены; подробно излагался порядок оформления веновой записи, нормативно закреплялся размер вена.

В брачном законодательств ВКЛ действовал принцип раздельности имущества мужа и жены, которая вступала в брак с приданым. Браки между бедными людьми, имущественные отношения которых были урегулированы ст. 21 раздела 5 Статута, были основаны на власти мужа

в семье и на общности имущества супругов. На случай своей смерти муж мог распорядиться всем имуществом, нажитым в браке [1, с. 406].

Главным источником права на Беларуси и во всем Великом Княжестве Литовском в составе Речи Поспалитой оставался Статут Великого Княжества Литовского 1588 г. При разделе Речи Поспалитой в 1772 г. к России отошли восточные земли Беларуси, а в 1795 г. в состав Российской империи вошла и западная Беларусь. Но вплоть до 1840 года на территории Беларуси основным источником права оставался Статут [2, с. 304]. Как замечает польский историк Юлиуш Бардах: «положение женщины на Литовской Руси – хоть и далеко от положения мужчины – оставалось относительно хорошим. Это находило отражение в имущественных правах женщины-шляхтянки, которые принадлежали ей по Статутам Литовским, что весьма отличало ее положение от бесправного статуса на Московской Руси» [3, с. 230].

В начале XIX века были систематизированы все вступившие в законную силу акты, относительно брачно-семейных правоотношений. В 1826 г. началась разработка Свода законов Российской империи, в котором нашли закрепление и получили развитие положения о раздельности имущества супругов. Согласно ст. 109 Гражданского уложения «Браком не составляется общего владения в имуществе супругов; каждый из них может иметь и вновь приобретать отдельную свою собственность».

Супруги имели право независимо друг от друга вступать в обязательства и заключать сделки с третьими лицами. Исключением было запрещение жене вступать в договор личного найма и обязываться по векселю без согласия мужа. В ст. 109 Законов гражданских говорится о том, что браком не создается общего владения в имуществе супругов, каждый из них может иметь и вновь приобретать отдельную собственность. Ст. 112 разрешала супругам заключать между собой любые сделки. Ст. 106 обязывала мужа содержать жену, однако наличие у нее имущества, обеспечивающего ей такое же существование, которое мог бы обеспечить ей муж, устраняет возможность требования содержания. По всей видимости предполагалось, что муж всегда должен быть способен приобретать средства и поэтому законодательно не закреплялось право мужа требовать содержания от жены, даже если она обладала значительным имуществом. Размер содержания определялся потребностями жены и средствами мужа: «муж обязан доставлять жене пропитание и содержание по состоянию и возможности своей». Потребности определялись исходя из общественного положения супругов [4, с.458].

Законы гражданские предусматривали так называемую «рядную запись», что собственно весьма схоже с веновой записью, предусмотренной Статутом ВКЛ и нынешним брачным договором. Рядная за-

пись представляла собой подробное описание приданого невесты с зачетом будущего ее наследства после смерти родителей. Составлялась запись либо до бракосочетания родителями жениха и невесты с участием поверенных, духовенства, либо не позднее 6 месяцев после свадьбы. Относительно территорий Царства Польского статьями 207 и 203 Гражданского уложения устанавливалось правило, согласно которому «договоры, коими устанавливаются имущественные отношения между супругами, могут быть заключены не иначе, как до вступления в брак, и притом посредством акта, совершенного у нотариуса; эти договоры будут недействительны, если о них не будет упомянуто в акте о бракосочетании» [5]. Приданое жены должно быть обеспечено недвижимым имуществом супруга. Такой договор служил основанием для возврата приданого бывшей жене в случае прекращения брака или её наследникам в случае смерти.

Наличие такого договора не прекращало права индивидуальной собственности жены на её приданое, но это имущество состояло в общем владении и пользовании супругов. При этом жена во время брака не могла без согласия мужа распоряжаться таким имуществом, дабы не ограничить права мужа на общее с нею пользование ее приданым.

Недвижимое имущество мужа, которым обеспечено приданое жены, не могло ни отчуждаться, ни обременяться долгами без ее согласия. Однако пока такое имущество служило обеспечением приданого жены, оно оставалось неотъемлемой собственностью мужа и его наследников.

Супругам разрешалось заключать между собой сделки относительно их личных имений путем продажи, дарения, а также завещать друг другу на общих законных основаниях.

Ответственность одного из супругов за долги другого супруга определялась в Уставе Судопроизводства Торгового (изд. 1893 г., ст. 554, 555, 556 и прим., 557, 558, 624, прим.) и в Положении о взысканиях гражданских (изд. 1892 г., ст. 413-421). Так, если один из супругов совершил в отношении другого дарение своего имения в последние 10 лет перед объявлением несостоятельным первого, то такой договор признавался недействительным, на случай, когда остальное имущество несостоятельного супруга окажется недостаточным для покрытия его долгов (Уст. суд. торг., ст. 554, п. 1). Однако, если подаренное имение продано одаренным супругом третьему лицу, то такое отчуждение оставалось в силе, и только полученная за имение сумма причиталась в качестве долга [6].

Профессор Г.Ф. Шершеневич в своем труде «О праве замужних женщин на право торговли» так пишет о свободе супруги в торговых делах: «Замужняя женщина для производства торговли не нуждается в предварительном разрешении на это ее мужа, и муж не имеет пра-

ва наложить свое veto на торговлю жены, производимую ею от своего имени. Правда, муж на основании 103 ст. Законов гражданских, обязующей супругов к совместному жительству, может, избрав другой город для постоянного местожительства, заставить жену оставить заведение и ехать за ним, но это не мешает жене назначить торгового доверенного и продолжать ведение торговли через него от своего имени» [7].

Российское законодательство XIX в. содержит достаточно много правовых норм, регулирующих право супругов на получения взаимного содержания. Справедливости ради, нужно отметить, что в основном это нормы касались обязанностей мужа содержать жену и доставлять ей пропитание. Закон того времени исходил из прямой зависимости размера содержания от сословного состояния и материальных возможностей мужа. Это означает, что муж обязан предоставлять содержание по мере своих возможностей. А если дело доходило до судебного разбирательства, то размер содержания определялся исходя из того имущественного состояния мужа, которое он лично имел на момент рассмотрения дела. При этом размер содержания мог быть пересмотрен судом в зависимости от изменения его материального положения.

Подобная регламентация обязательств по обеспечению супругов нашла свое закрепление и в современном законодательстве многих стран, в частности ст. 31 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС) гласит: «Размер средств, взыскиваемых на содержание супруга, определяется судом исходя из материального и семейного положения обоих супругов...». Статья 89 Семейного Кодекса Российской Федерации также устанавливает право супруга требовать предоставления алиментов в судебном порядке от другого супруга, обладающего необходимыми для этого средствами.

Однако брачно-семейное законодательство XIX в. право на получение женой содержания от мужа не было безусловным и ставилось в зависимость от места проживания супруги. Это означает, что для реализации своего права требовать содержания от мужа, жена должна была жить вместе с ним. Совместно проживать с мужем – это обязанность жены, поэтому если она проживает отдельно, то она не выполняет своих обязанностей, а следовательно не вправе требовать выполнения обязанностей со стороны мужа. Однако, как указывает А.И. Загоровский, «если жена ведет раздельную жизнь не по своей вине (например, вследствие нахождения ее в больнице на излечении), если она по закону имеет право жить раздельно или если она вынуждена оставить мужнюю квартиру, то в таком случае нет основания отказывать ей в содержании». Кроме того, суды того времени учитывали невозможность проживания жены с мужем по вине последнего, в силу отказа принять её или в силу жестокого обращения. Загоровский А.И. указывал, что «русский закон определяет обязанность

только мужа содержать жену и никак не регламентирует порядок и размер содержания». В тоже время. Загоровский делает вывод о наличии и у жены обязанности «давать содержание мужу, исходя из обязанности обоих родителей давать содержание своим несовершеннолетним детям» [8].

Профессор Азаревич Д.И. высказывал иную точку зрения и отмечал, что только на муже лежит обязанность содержать жену, а не наоборот, так как «законодатель учел то обстоятельство, что единственным работником на всю семью бывает только муж» [9].

Гражданское законодательство России XIX и начала XX в. определяло взаимное попечение и помощь друг другу как личные права и обязанности супругов, а не имущественные, что вытекает из ст. 230 Гражданского уложения. Этой норме созвучно положение современного брачно-семейного законодательства Беларуси. Так, ст. 201 КоБС «Супруги обязаны строить свои отношения в семье на основе взаимоуважения и взаимопомощи, справедливого распределения семейных обязанностей...» и ст. 29 – «Супруги обязаны материально поддерживать друг друга».

Среди личных прав и обязанностей по законодательству XIX в. находится обязанность жены предоставлять содержание мужу при определенных обстоятельствах. Надо сказать, что эта обязанность также не является безусловной, а возникает только при определенных обстоятельствах. Так в ст. 237 Гражданского уложения говорится: «Жена обязана доставлять мужу содержание лишь в том случае, когда муж находится в нужде и не имеет возможности содержать себя своим трудом; содержание должно быть доставляемо мужу соответственно его общественному положению и средствам жены, но если супруги живут раздельно по вине мужа, то жена обязана доставлять мужу лишь насущное содержание» [10].

Таким образом следует констатировать, что правовая регламентация имущественных отношений супругов в России второй половины XIX в. в большой степени определялась экономическими и культурно-нравственными факторами.

Правовое положение супругов и регулирование отношений между ними основывалось на принципе раздельности их имущества, было неразрывно связано с их сословной принадлежностью и имущественным положением каждого.

На протяжении длительного исторического периода на территории Беларуси в отношениях супругов господствовал принцип раздельности имущества. И только в 1927 г. имущество, нажитое в браке, законодательно признается общим имуществом [11, с. 52].

Список использованных источников

Юхо, А.Я. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі: Вучэбн. дапам.- У 2 ч. Мінск.: РИВШ БГУ. - ч.1. - 2000. - 352 с.

Хвыц Генрих. Заключение брака в польском законодательстве // Юстиция Беларуси. - 2002. - № 6. - С.34-36.

Бардах, Ю. Штудыі з гісторыі Вялікага Княства Літоўскага / Пер. М. Раманоўскага і А. Істоміна; Прадм. Г. Сагановіча. - Мінск, 2002. - 459 с.

Шершеневич, Г.Ф. Учебник русского гражданского права: (по изданию 1907). - М.: Спарк, 1995. - 556 с.

Тютрюмов, И.М. Законы гражданские с разъяснениями Правительства и комментариями русских юристов. Книга первая. [Электронный ресурс]. - 2013, - Режим доступа [http:// http://civil.consultant.ru/elib/books/33/page_15.html](http://civil.consultant.ru/elib/books/33/page_15.html):- Дата доступа: 15. 10. 2019.

Тютрюмов, И.М. Законы гражданские с разъяснениями Правительства и комментариями русских юристов. Книга первая. [Электронный ресурс]. - 2013, - Режим доступа [http:// http://civil.consultant.ru/elib/books/33/page_15.html](http://civil.consultant.ru/elib/books/33/page_15.html):- Дата доступа: 17. 10. 2019.

Шершеневич, Г.Ф. О праве замужних женщин на право торговли // Журнал гражданского и уголовного права, 1888 г., кн. 7, стр. 107-110. [Электронный ресурс]. - 2013, - Режим доступа [http:// http://corprf.ru/otd-ii-o-pravah-na-imushhestv/](http://corprf.ru/otd-ii-o-pravah-na-imushhestv/):- Дата доступа: 15. 10. 2019.

Загоровский, А.И. - Курс семейного права, 1909 г., с. 207.

Азаревич, Д.И. - Семейные имущественные отношения по русскому праву // Журнал гражданского и уголовного права, 1883 г., кн. 4, 106 с.

Гражданское уложение. Книга вторая «Семейственное право». Глава VIII Личные права и обязанности супругов [Электронный ресурс]. - 2013, - Режим доступа [http:// http://lib1.usla.ru/texts2/280.pdf](http://lib1.usla.ru/texts2/280.pdf):- Дата доступа: 30. 10. 2019

Копыткова, Н.В. История имущественных правоотношений супругов // Юстиция Беларуси. - 2002. - № 5. - С. 51-52.

Е.В. КОРЕНЬ

**ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ И МОРАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ
В МЕНТАЛИТЕТЕ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.**

E.V. KOREN

**POLITICAL, LEGAL AND MORAL VALUES IN MENTALITY
RUSSIAN INTELLIGENTSIA IN THE FIRST QUARTER
OF THE 19TH CENTURY**

В статье рассматриваются во взаимосвязи политико-правовые и моральные ценности в менталитете русской интеллигенции первой четверти XIX в. Много ценной информации по данной проблеме содержат материалы движения декабристов, создавших ряд конституционных проектов, политико-правовых трактатов, открыто выступивших против самодержавно-крепостнических порядков, оказавших влияние на политические умонастроения, правосознание и судьбы передовой интеллигенции. Относительная новизна статьи состоит в освещении связи политико-правового и морального аспекта менталитета интеллигенции. Тема актуальна в свете современных поисков ценностных оснований общества и развития его политико-правовой культуры. Материалы могут быть полезны для подготовки статей, лекций и семинаров по социально-гуманитарным курсам.

The article considers the interrelation of political, legal and moral values in the mentality of the Russian intelligentsia of the first quarter of the XIX century. A lot of valuable information on this issue contains the materials of the Decembrist movement, which created a number of constitutional projects, political and legal treatises, openly opposed the autocratic and serf orders, which influenced the political mentality, legal consciousness and the fate of the advanced intelligentsia. The relative novelty of the article is to highlight the relationship of political, legal and moral aspects of the mentality of the intelligentsia. The topic is relevant in the light of modern searches for the value foundations of society and the development of its political and legal culture. The materials can be useful for the preparation of articles, lectures and seminars on social and humanitarian courses.

Ключевые слова: интеллигенция, декабристы, менталитет, политика, право, моральные ценности.

Key words: intelligentsia, Decembrists, mentality, politics, law, moral values.

Интеллигенция в России изначально выступала как политически активная общественная группа, определявшая общественные ценности нормы и традиции [1, с. 65]. Принадлежность к интеллигенции в России с XIX в. определялась приверженностью к идее «общественного блага», духовным ценностям. Первым в России широким движением за политические и гражданские права народа явились декабристские общества. Декабристы – это дворяне, «вольно отрeksiшиеся от своих сословных ценностей», говоря словами Н.А. Бердяева [2, с. 70]. Они открыто и последовательно выступили в декабре 1825 г. во имя общенациональных интересов, уничтожения крепостного права, самодержавного произвола, положили тем самым начало освободительного движения интеллигенции.

Первая четверть XIX в. была отмечена всплеском реформаторских настроений в обществе, попытками либеральных реформ, решения крестьянского вопроса (пересмотра крепостнических порядков) правительством Александра I, патриотическим и национально-культурным подъемом после Отечественной войны 1812 г. В этот период в образованных кругах общества особенно интенсивно происходил процесс переосмысления ценностных приоритетов, прежде всего – понятий о справедливости, достоинстве и правах человека, о свободе личной и политической. Идеи о достижении социальной справедливости, поиски средств и путей улучшения положения народа, преодолевшего наполеоновское завоевание, перенесшего тяготы войны и её экономические последствия, но испытывавшего крепостнический гнёт, ужасы «военных поселений» и другие несправедливости, занимали многие умы. Это явилось одним из веских оснований декабристского заговора. Декабрист Н.В. Басаргин вспоминал, что «в России, несмотря на приобретенную ею военную славу счастливым исходом борьбы с Наполеоном, внутренняя ее организация, общественное и нравственное ее положение, ее правительственные формы и, наконец, ее малое развитие в отношении умственного образования явно бросались в глаза каждому просвещенному и благомыслящему человеку и невольно внушали ему желание изменить или, по крайней мере, исправить по возможности этот порядок» [3, с. 56]. Н.И. Тургенев, находившийся за границей в период междуцарствия и выступлений декабристов в 1825 г., но заочно привлечённый к следствию, писал в своём «оправдании», переданном на имя императора А.И. Тургеневым в мае 1826 г., что главная мысль, привлекавшая его в круги тайных обществ состояла в «уничтожении крепостного состояния в России» [4, т. 15, с. 275]. М.А. Фонвизина возмущало «рабство огромного [бесправного] большинства русских, жестокое обращение начальников с подчиненными, всякого рода злоупотребления власти, повсюду царствующий произвол...» [5, т. 1, с. 371].

В.О. Ключевский, характеризуя впоследствии выступление декабристов, справедливо видел в нем «нравственно общественный симптом, вскрывший обществу недуги, которых оно само в себе не замечало» и «целое настроение, охватившее широкие круги» [6, т. 5, с. 428]. Властный произвол, крепостнические порядки, несправедливость судов, казнокрадство и т.п. зло российской действительности осуждали и искали пути и способы искоренить многие представители интеллигенции – и либералы, и консерваторы. Среди них – Н.М. Карамзин, П.А. Вяземский, А.С. Пушкин, А.С. Грибоедов и др. Грибоедов вложил в уста героя «Горя от ума» Чацкого гневную речь против общественных пороков: «Где, укажите нам, отечества отцы, // Которых мы должны принять за образцы? // Не эти ли, грабительством богаты? // Защиту от суда в друзьях нашли, в родстве, // Великолепные соорудя палаты, // Где разливаются в пирах и мотовстве?» [7, с. 65]. Духовно близкий декабристам поэт и общественный деятель П.А. Вяземский, принимавший активное участие в разработке «Уставной грамоты» в александровское царствование, был последовательным противником крепостного права и самодержавной формы правления [8, с. 34–38]. Для Вяземского 14 декабря было «страшным судом для дел и мнений и помышлений настоящих и давно прошедших». Казнь и наказания декабристов он считал «несоразмерными преступлениям, из коих большая часть состояла в одном только умысле» [9, с. 81]. Вяземский считал «рабство» единственной «революционной стихией» в России [8, с. 220–221].

Сознание необходимости для страны общественно политических преобразований во многом определило и государственную политику правительства Александра I (открытие лицеев, институтов и т.д. для подготовки просвещенных кадров), и потребность молодых дворян, офицеров, изучать политические и экономические науки. И.Д. Якушкин и С.П. Трубецкой вспоминали, что офицеры после войны 1812 г. усиленно изучали науки, имеющие целью «усовершенствование гражданского быта государства» [10, с. 382–383], [11, т. 1, с. 86–87]. По меткому замечанию Ю.М. Лотмана, декабристы «скорее напоминали молодых ученых, чем армейскую вольницу» [12, с. 194]. В.И. Штейнгель писал об учениках Лицея, что «свободомыслие, внушенное в высочайшей степени, поставило их в совершенную противоположность со всем тем, что они должны были встретить в отечестве своем при вступлении в свет» [4, т. 14, с. 188]. Действительно, выпускники учебного заведения, в котором они слушали «Право естественное» профессора А.П. Куницына, должны были взирать на торговлю людьми и произвол властей отрицательно. Будущие участники и идеологи движения декабристов изучали отечественные законодательные акты и проекты («Наказ» Екатерины II, «Рассуждение о неперемennых государственных законах» Д.И. Фонвизина, текст «Уставной Грамоты» Александра I 1820

г. и др.), достижения западной политико-правовой мысли, конституции Франции, США и др. стран, что определило их вклад в развитие политико-правовой культуры и правосознания русского общества [13, с.107–108].

Нравственная атмосфера учебных заведений способствовала возникновению в московском Училище колонновожатых юношеского «собратства» (организованного будущим государственным и военным деятелем Н.Н. Муравьевым-Карским). Члены кружка мечтали создать на диком острове республику, образовав из его жителей граждан, для которых Н.Н. Муравьев написал «законы» в духе «Общественного договора» Ж.-Ж. Руссо [14, с. 78–79]. Такая мысль, как справедливо заметила М.В. Нечкина, могла возникнуть только у того, кто «недоволен окружающей его жизнью и строем» [15, т. 1, с. 104]. Эти утопические мечтания и «юные забавы» стали своеобразным прологом для последующей политической борьбы за преобразование общественно-политического строя в России.

В менталитете передовой интеллигенции первой четверти выразительно прослеживается взаимосвязь духовно-моральных, социальных, политико-правовых ценностных приоритетов. Так, декабрист Д.И. Завалишин подчёркивал, что «признавал только одну честность», «считал нечестным делом не только одно присвоение денег, но и всякую несправедливость для личной цели». Он поражался, что «можно быть честным в одном деле и нечестным в другом, платить карточный долг равному себе и не платить мастеровому, говорить об улучшении быта народного и в то же время распутствовать, развращая народ и соблазняя его собственным примером и тем отравляя нравственность в самом жизненном источнике ее, упрекать народ в пьянстве и самому участвовать в оргиях» [16, с. 13]. Декабристы видели зло крепостного права в том, что оно унижает человеческое достоинство русских людей. И.Д. Якушкин среди главных «язв» тогдашнего общества выделял: «закоснелость народа, крепостное состояние, жестокое обращение с солдатами, которых служба в течение 25 лет почти была каторга; повсеместное лихоимство, грабительство и, наконец, явное неуважение к человеку вообще» [10, с. 383].

Борьба за политическую свободу, уничтожение крепостничества и т.п. проявлений несправедливости рассматривалась декабристами как дело чести. А.Н. Радищев в своё время, напоминая о Пугачеве в «Путешествии из Петербурга в Москву», вопрошал собратий по сословию: «неужели не будем мы толико мужественны в побеждении наших предрассуждений, в попрании нашего корыстолюбия и не освободим братию нашу из оков рабства и не восстановим природное всех равенство?» [17, с. 196]. Декабрист В.Ф. Раевский в рассуждении «О рабстве крестьян», конкретно протестуя против крепостного права, возмущался: «кто дал человеку право называть человека моим и

собственным? По какому праву тело и имущество и даже душа одного может принадлежать другому? Откуда взят этот закон торговать, менять, проигрывать, дарить и тиранить подобных себе человекoв? Не из источника ли грубого, неистового невежества, злодейского, скотских страстей и бесчеловечья?» [18, с. 190]. «Союз благоденствия» обязывал своих членoв «заниматься распространением во всех сословиях народа истинных правил добродетели... бороться против пороков... подлости, удовлетворения гнусных страстей, лихоимства и жестокости с подвластными» [19, т. 1, с. 21–23]. Бывший член «Союза благоденствия», П.Я. Чаадаев позже в «Философическом письме» назвал крепостничество позором и главной причиной отсталости России: «сколько ужасов заключает в себе одно слово: раб! Вот заколдованный круг, в нем все мы гибнем, бессильные выйти из него, вот что превращает у нас в ничто самые благородные усилия, самые великодушные порывы. Вот что парализует волю всех нас, вот что пятнает все наши добродетели», – писал он [20, с. 60–61].

В момент междоусобицы 1825 г. декабристов толкало на открытое выступление, кроме политических мотивов, и гражданское чувство чести. И.И. Пущин в письме А.С. Пушкину писал, что «ежели мы ничего не предпримем, то заслуживаем во всей силе имя подлецов» [21, с. 84]. Гражданские чувства и бунтарские настроения подогревал факт обхождения правящей династии с престолом Российской империи как с семейной собственностью. Присяга Константину Павловичу сменилась присягой Николаю Павловичу в считанные дни. Понятия «честь» и «долга» обретали у декабристов морально-политический смысл. Если же долг перед отечеством не совпадал с требованием присяги императору, декабристы выбирали то, что им велела честь. Это блестяще выразил арестованный по делу декабристов А.Н. Раевский: «Государь! честь дороже присяги, нарушив первую, человек не может существовать, тогда как без второй он может обойтись еще» [22, с. 54].

Если бы не ситуация междоусобицы, возможно деятельность декабристов сосредоточивалась бы преимущественно на просветительских, общественно-культурных начинаниях. Неспособность правительства к реформам заставила реформаторов превратиться в революционеров [8, с. 197, 312]. Конституционные проекты были созданы Н.М. Муравьевым и П.И. Пестелем только в начале 1820-х гг. До этого были в основном «Уставы» и программы деятельности тайных обществ, члены которых долго жили надеждами на реформаторскую инициативу верховной власти. Споры о путях и средствах преобразований продолжались до декабря 1825 г. Одни (М.Н. Муравьев) предполагали насильственное преобразование самодержавной монархии в конституционную, а другие (П.И. Пестель) склонялись к ликвидации монархического правления вообще. Причем второй вариант вызывал

сильные сомнения и у самого автора [4, т. 7, с. 85–87]. Н.М. Муравьев перешел от идеи республики к идее конституционной монархии, прожив в 1821 – 1822 гг. в провинции и оценив монархические настроения низших слоев общества. Оказали влияние на эту эволюцию и возмущение Семеновского полка, и европейские революции [23, с. 97–100], [24, с. 102–104]. П.И. Пестель – армейский полковник, который имел возможность наблюдать народ, и, очевидно, знал, что вера в царя у крестьян очень глубока, а отношение к дворянам негативно. Это таило в себе опасность и для дворян-заговорщиков, и для страны в случае неудачного разворачивания событий предполагаемого переворота. Характерно, что шестую главу своей «Русской правды» («О государственной власти») П.И. Пестель так и не написал, колеблясь между двумя вариантами решения вопроса о форме правления: республиканским и монархическим [4, т. 4, с. 87, 125; т. 7, с. 342–346]. В монархическом варианте полномочия монарха должны были соответствовать президентским. Даже на Петербургском совещании декабристов в 1824 г. П.И. Пестель по существу отстаивал не столько республику, сколько свой аграрный проект и идею сильной централизованной власти [25, с. 92–93]. Он был убежден, что освобождение крестьян без земли и ослабление центральной власти неизбежно приведёт к социальной катастрофе. Надо отметить, что декабристы – дети современников французской революции и русской пугачевщины – хорошо понимали, что переворот может иметь и нежелательные последствия. П.И. Пестель, например, отрицал необходимость пропаганды среди солдат, считая, что их лучше использовать как орудие в организованном перевороте, который должен совершиться без кровопролития и беспорядков [4, т. 4, с. 103–104, 390; т. 9, с. 226–227]. Н.И. Лорер вспоминал, как однажды Пестель, разочарованный деятельностью тайных обществ, между прочим, сказал: «Получая все чаще и чаще неблагоприятные сведения от управ, убеждаясь, что члены общества все более и более охлаждаются к нашему делу... что государь извещен о существовании тайного общества и ждет благовидного предложения, чтоб нас всех схватить, – я решился дожидаться 1826 г., отправиться в Таганрог и принести государю свою повинную голову с тем намерением, чтобы он внял настоятельной необходимости разрушить общество, предупредив его развитие дарованием России тех уложений и прав, коих мы добиваемся» [26, с. 349–350].

М.Н. Покровский прав, что декабристов «победил призрак пугачевщины» [27, кн. 3, с. 154], но боялись они за судьбу страны. У декабристов не было беспринципности удачливых организаторов дворцовых переворотов и равнодушия к перспективе больших жертв и моральных издержек революции, которое появилось у последующих поколений революционеров. Позже декабрист М.А. Фонвизин в своём «Обзоре

нии проявлений политической жизни в России» писал, что участники заговора 1801 г., в отличие от декабристов, стремились к перевороту из страха перед тиранством Павла I и из желания «возвратиться к своему вольному и безнравственному образу жизни времен Екатерины» [28, т. 2, с. 146–147]. А в статье «О коммунизме и социализме» М.А. Фонвизин критиковал средства и способы борьбы новых революционеров, говоря, что «самые попытки осуществить подобные меры угрожают обществу разрушением, возвращением его в состояние дикости и окончатся властью диктатурой одного лица, как необходимым последствием анархии» [28, с. 281–282]. Организаторы декабрьских выступлений 1825 г. стремились, прежде всего, исполнить свой гражданский долг, как они его понимали. Идя на открытый протест против самовластия, они жертвовали собой для блага отечества и народа. Как утверждал М.С. Лунин, декабристы больше всего хотели «водворить в отечестве владычество законов, дабы навсегда отстранить необходимость прибегать к средству, противному и справедливости и разуму» [29, с. 71]. Для него восстание 1825 г. «как факт мало значительно, но как принцип – в высшей степени важно» [29, с. 137].

Многие декабристы искренне верили намерению Николая I провести в стране необходимые реформы. Эта вера заставляла их (А.А. Бестужева, Н.И. Штейнгеля и др.) писать письма с рекомендациями и проектами государственных, социально-экономических, культурных преобразований на имя императора и крупных государственных чиновников. Так, Штейнгель призывал царя «водворить правосудие... преобразовать города введением гражданских прав...» и т.д. [30, с. 224]. На основании декабристских наблюдений и предложений был подготовлен правителем дел следственной комиссии по делу декабристов А.Д. Боровковым «Свод показаний членов злоумышленного общества о внутреннем состоянии государства», к которому впоследствии нередко обращался император Николай I.

Итак, русская интеллигенция первой четверти XIX в. культивировала социально-политические и духовно-моральные ценности, идеи политической свободы, естественных прав, человеческого достоинства, социальной справедливости, что наиболее ярко это выразилось в политическом движении декабристов. Система принятых декабристами морально-ценностных установок определила их исторически ответственное поведение. В борьбе с общественной несправедливостью они видели главную цель. Декабристская революционность возникла на почве патриотизма, была во многом вынужденной, стимулировалась не только либеральными идеалами, навеянными духом времени, но и непоследовательностью политики верховной власти. События междоусобицы подтолкнули членов тайных обществ к активным действиям, которые по преимуществу носили характер вооруженной

демонстрации с требованием конституционных преобразований. Декабристская система политических, гражданских, морально-правовых ценностей обусловила культурно-политическое и нравственное значение декабризма. Декабристы утвердили в умах своих современников и людей последующих поколений отвращение к крепостничеству и произволу властей. Они явились родоначальниками новой политической культуры, способствовали развитию общественно-политической мысли в различных просветительских, либеральных, демократических направлениях. Декабризм оказал несомненное влияние на развитие и характер освободительной идеологии. Подавление движения декабристов способствовало радикализации политической оппозиции, усилению противостояния верховной власти и передовой интеллигенции. Декабристы повлияли на развитие нравственных принципов интеллигенции, в основе которых лежало противоборство общественному злу.

Список использованных источников

Кондаков, И.В. К феноменологии русской интеллигенции // *Русская интеллигенция. История и судьба* / И.В. Кондаков. – М.: Наука, 1999. – С.63–90.

Бердяев, Н.А. Духовный кризис интеллигенции / Н.А. Бердяев. – М.: Канон, 1998. – 400 с.

Басаргин, Н.В. Воспоминания, рассказы, статьи / Н.В. Басаргин. – Иркутск: Вост.-Сибирское книж. изд., 1988. – 543 с.

Восстание декабристов. Материалы и документы следствия. – В 18 т. – М.: Гос. Полит. изд., 1925–1984. – 1927. – Т. 4. – XII + 486 [2] с.; 1958 – Т. 7. – 692 с.; Т. 4. – XII + 486 [2] с.; 1958. – Т. 7. – 692 с.; 1950. – Т. 9. – 308 с.; 1976. – Т. 14. – 508 с.; 1979. – Т. 15. – 350 с.; 1980. – Т. 17. – 295 с.

Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. – В 3 т. – М.: Государственное изд. полит. литературы, 1951. – Т. 1. – 731 с.

Ключевский, В.О. Курс русской истории / В.О. Ключевский. Соч. – В 9 т. – М.: Мысль, 1989. – Т. 5. – 476 с.

Грибоедов, А.С. Соч. / А.С. Грибоедов. – М.: Худ. литература, 1988. – 751 с.

Ланда, С.С. Дух революционных преобразований... : Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов, 1816–1825. / С.С. Ланда – М.: Мысль, 1975. – 381 с.

Вяземский, П.А. Записные книжки. – М.: Русская книга, 1992. – 381 с.

Якушкин, И.Д. Записки // Декабристы. Избр. соч. – В 2 т. / И.Д. Якушкин. – Т. 2. – М.: Правда, 1987. – С. 380–507.

Трубецкой, С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности. – В 2 т. – Иркутск: Восточно-Сибирское книж. изд., 1983 – Т. 1. – 409 с.; 1987. – Т. 2. – 604 с.

Лотман, Ю.М. Декабрист в повседневной жизни // Лотман Ю.М. В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. – М.: Просвещение, 1988. – С. 158 – 205.

Рубаник, С.А. Никита Михайлович Муравьев: формирование государственно-правовых взглядов // *Вектор науки ТГУ. № 5(8). 2009*. С. 106–110.

Муравьев, Н.Н. Записки // *Русские мемуары. Избранные страницы. 1800 –*

1825 гг. / Н.Н. Муравьев – М.: Правда, 1989. – С. 57 – 157.

Нечкина, М.В. Движение декабристов. – М.: Наука, 1955 / М.В. Нечкина. – Т. 1. – 483 с.

Записки декабриста Д.И. Завалишина / Д.И. Завалишин. – Спб.: Сириус, 1906. – 464 с.

Радищев, А.Н. Избранное / А.Н. Радищев. – М.: Правда, 1988. – 443 с.

Раевский, В.Ф. О рабстве крестьян // Избр. социально-полит. и философ. произведения декабристов / общ. Ред. и вступ. Ст. И. Я. Щипанова; подгот. текста и примеч. С. Я. Штрайха.: В 3 т. – Т. 2. – М.: Гос. изд-во полит. Лит., 1951. – С. 363–369.

Декабристы. Избр. соч. – В 2 т. / Сост. и прим. А.С. Немзера и О.А. Проскурина. – М.: Правда, 1987. – Т. 1. – 544 с.; Т. 2. – 560 с.

Чаадаев, П.Я. Статьи и письма / П.Я. Чаадаев. – М.: Современник, 1989. – 623 с.

Пушкин, И.И. Записки о Пушкине. Письма / И.И. Пушкин. – М.: Худ. Лит., 1988. – 559 с.

Лебедев, А.А. Честь. Духовная судьба и жизненная участь И.Д. Якушкина / А.А. Лебедев. – М.: Изд. полит. литературы, 1989. – 399 с.

Букчин, С.В. К мечам рванулись наши руки... / С.В. Букчин. – Мн.: Юнацтва, 1985. – 304 с.

Дружинин Н.М. Избранные труды. Революционное движение в России в XIX в. / Н.М. Дружинин. – М.: Наука, 1985. – 485 с.

Захаров, Н.С. Петербургское совещание декабристов в 1824 г. // Очерки из истории движения декабристов / Н.С. Захаров – М. Гос. изд. полит. литературы, 1954. – С. 84 – 120.

Лорер, Н.И. Записки моего времени // Мемуары декабристов / Н.И. Лорер. – М.: Правда, 1988. – С. 313–545.

Покровский, М.Н. Русская история с древнейших времен // Покровский М.Н. Избр. Произведения / М.Н. Покровский. – Кн. 3. – 671 с.

Фонвизин, М.А. Сочинения и письма. – В 2 т. / М.А. Фонвизин. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд., 1979. – Т. 1 – 480 с.

Лунин, М.С. Письма из Сибири. – М.: Наука, 1987. – 495 с.

Штейгель, В.И. Сочинения и письма В 2 т. – Записки и письма / В.И. Штейнгель. – Иркутск: Вост.-Сибирское книж. изд., 1985. – Т. 1. – 608 с.

А.В.КУРСАЕВ

**РАЗВИТИЕ НОРМ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА НЕСОБЛЮЖДЕНИЕ БЕЗОПАСНЫХ УСЛОВИЙ ТРУДА
В ФАБРИЧНО-ТРУДОВОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

A.V.KURSAEV

**DEVELOPMENT OF NORMS ON CRIMINAL LIABILITY
FOR NON-COMPLIANCE WITH SAFE WORKING CONDITIONS IN
THE FACTORY AND LABOR LEGISLATION OF THE RUSSIAN
EMPIRE**

В статье рассматриваются вопросы уголовной ответственности за несоблюдение безопасных условий труда в пореформенной (60-е гг. XIX в. – 1917г.) России. Анализируется фабрично-заводское законодательство Российской империи. Автором прослеживается история развития законодательных актов Российской империи об ответственности за нарушение требований охраны труда в различных сферах. Приводятся статистические данные о состоянии охраны труда.

The article deals with the issues of criminal liability for non-compliance with safe working conditions in post-reform (60s of the XIX century-1917) Russia. The article analyzes the factory legislation of the Russian Empire. The author traces the history of development of legislative acts of the Russian Empire on responsibility for violation of labor protection requirements in various spheres. Statistical data on the state of labor protection are given.

Ключевые слова: уголовная ответственность, охрана труда, Российская империя, фабрично-трудовое законодательство, исторический метод.

Keywords: criminal liability, labor protection, Russian Empire, factory and labor legislation, historical method.

Выделение преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина в качестве самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны обычно связывают с Уголовным кодексом РСФСР 1960 г., в котором появилась новая глава IV «Преступления против политических и трудовых прав граждан».

В то же время отсутствие в предшествующих уголовных законах (как советского периода, так и Российской империи) глав о посягательствах на права граждан не означает, что законодательству не были известны соответствующие уголовно-правовые запреты в данной области.

При этом необходимо учитывать позднее развитие фабрично-трудового законодательства в Российской империи в связи с задержкой в развитии промышленного переворота (начавшийся в 1830 гг., он так и не был полностью завершён вплоть до упразднения империи).

Исходя из того тезиса, что развитое фабрично-трудовое законодательство могло появиться только вследствие массового промышленного развития, правотворчество в данной области первоначально находилось в зачаточном состоянии.

Так, только 24 мая 1835 г. Государственным советом было утверждено мнение «Об отношениях между хозяевами фабричных заведений и рабочими людьми, поступающими в оные по найму», которое хотя и распространялось только на Москву и Санкт-Петербург и прилежащие к ним местности, но могло применено быть также и другим губерниям. Однако в целом дальше таких разъяснений и каких-либо проектов фабрично-трудовое законодательство не продвинулось.

Первым по настоящему специальным законом в рассматриваемой области стал Закон от 1 июня 1882 г. «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах», которым устанавливался запрет допуска к работам детей, не достигших 12-летнего возраста, а также к вредным и изнурительным по своему характеру работам детей до 15-летнего возраста. Данным Законом также регламентировался режим служебного времени несовершеннолетних работников.

Для надзора за исполнением Закона от 1 июня 1882 г. в местностях с развитой промышленностью был учреждён специальный орган – особая фабричная инспекция.

Впоследствии законодательство развивалось в сторону дальнейшего регулирования труда в промышленности. В частности, Законом от 3 июня 1885 г. «О воспрещении ночной работы несовершеннолетним и женщинам на фабриках, заводах и мануфактурах» был упорядочен ночной труд женщин и детей, а 3 июня 1886 г. был принят первый правовой акт в области взаимоотношений в трудовой сфере – Закон «О надзоре за заведениями фабричной промышленности и взаимных отношений фабрикантов и рабочих».

Столь позднее регулирование, тем более ещё на таком первоначальном, базисном уровне отношений в сфере охраны труда не могло не сказаться на количестве несчастных случаев в промышленности.

Так, по данным И.И. Шелымагина, только в горной промышленности в 1885 – 1889 гг. погибло 1 069 чел. и получили увечья 3 106

чел. (всего 4 175 чел.), в 1890 – 1894 гг. – уже 1 545 и 32 718 чел. (всего 34 263), а в 1895 – 1899 гг. – 2 313 погибших и 62 809 изувеченных (всего 65 122) [10, с. 136]. Сведения по другим отраслям промышленности фактически отсутствовали, так как статистическая информация имела не более чем по 17% промышленных заведений.

В дальнейшем количество несчастных случаев только росло и уже к 1912 году составило только в промышленности, подчиненной надзору фабричной инспекции, 98 467 случаев (45,8 на каждую тысячу рабочих) [11, с. 66 - 67].

Однако указанные данные, характеризующиеся общим количеством травм, еще не в полной мере иллюстрируют ту тяжелую ситуацию, которая сложилась в области охраны труда. В качестве яркого примера можно привести следующие данные: количество раненых в русско-турецкой войне 1877 – 1878 гг. составило 13,5% от численности русской армии. Во франко-прусскую войну потери ранеными для обеих армий не превышали 10,8%. На российских же промышленных предприятиях количество увечий соответствовало потерям в войне: по разным подсчетам количество изувеченных составляло от 10 – 11% [11, с. 67] всего числа рабочих, занятых в отраслях промышленности, до 14% [3, с. 11]. Ежегодно умирало от трудовых увечий более 1 500 человек [6, с. 81].

В целях определения ответственности предпринимателей за увечья и смерть рабочих, количество которых постоянно расширялось, 2 июня 1903 г. был принят специальный Закон «О вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семейств, в предприятиях фабрично-заводской, горной и горно-заводской промышленности», действие которого было распространено на большую часть промышленных предприятий без каких-либо территориальных ограничений (за исключением Финляндии). Данный Закон урегулировал вопросы выплаты компенсации рабочим и членам их семей вследствие повреждения здоровья в результате увечий и профессиональных заболеваний.

31 марта 1913 г. Министерством торговли и промышленности Российской империи были утверждены также Правила о мерах безопасности работ в заведениях фабрично-заводской промышленности – первый специальный правовой акт, посвященный охране труда. Однако названные Правила распространяли свое действие лишь на вновь строившиеся и вступавшие в строй предприятия. На иные промышленные заведения Правила применялись в усеченном виде – только 56 статей из 109.

Таким образом, в Российской империи не было сформулировано общих правил не только труда, но даже и правил безопасности в промышленной сфере.

В связи с этим, как отмечает Э.Э. Крузе [1, с. 43 - 44], специальное ведомство в этой сфере государственного управления – Главное по фабричным и горнозаводским делам присутствие – в 1912 г. было вынуждено отметить, что «отсутствие общих правил по охране промышленного труда приводит к крайне неудовлетворительной постановке этой важной стороны фабрично-заводского благоустройства».

Таким образом, проблема охраны труда в фабрично-заводском законодательстве Российской империи стояла чрезвычайно остро.

В то же время урегулирование в материальном праве (фабрично-заводском законодательстве Российской империи), пусть и в таком усеченном виде, отношений между фабрикантами и рабочими позволило установить ответственность за нарушение соответствующих правил и в уголовном законодательстве. Однако некодифицированность законодательства в области охраны труда являлось препятствием для формулирования общего уголовно-правового запрета за их нарушение.

В частности, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (в редакциях 1857, 1866 и 1885 гг.) специальные нормы об ответственности за нарушение общих правил охраны труда размещались сразу в трех главах раздела VIII «О преступлениях и проступках против общественного благоустройства и благочиния» Уложения: в главе 8 «О нарушениях правил устава строительного», в главе 9 «О нарушении правил осторожности от пожаров» и в главе 10 «О нарушении правил, установленных для сохранения путей сообщения».

Так, статья 1085 в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. предусматривала, что «принадлежащие к управления железной дороги лица, виновные в заведомом совершении неправильных при эксплуатации действий, последствием которых, хотя и неожиданным, было причинение кому либо смерти или повреждения здоровья, а также виновные в умышленном неисполнении возложенных на них обязанностей, сопровождавшемся означенными последствиями, приговариваются, смотря по тому, насколько они могли и должны были предвидеть угрожавшую от их действий или бездействия опасность, причиненного им вреда и другим обстоятельствам дела... за поручение обязанностей по эксплуатации железных дорог лицам явно неспособным к исполнению их обязанностей, а также за недостаточный надзор за лицами, принадлежащими к составу эксплуатационной службы, если последствие того или другого было причинение кому либо смерти или повреждения в здоровье...».

Однако данная уголовно-правовая норма не являлась бланкетной. Н.С. Таганцев, комментируя ее, отмечал, что «то обстоятельство, нарушил ли такой служащий при этом какое-либо специальное правило, изданное министерством путей и сообщения, или же правила, изданные другим ведомством, на состав преступления влиять не может» [7, с. 560].

Помимо названных правовых норм глава 14 «О нарушении уставов фабричной, заводской и ремесленной промышленности» Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. предусматривала также ответственность за несоблюдение положений по охране труда в отношении женщин и детей.

В частности, статья 14041 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. устанавливала ответственность заведующих (владельцев и управляющих) за неисполнение установленных законом или предписанных правил относительно работы малолетних, подростков, женщин. Статья 14042 позволяла привлекать к ответственности должностных лиц за непредоставление времени для посещения малолетними народных училищ, в предусмотренное для это время. По статье 14044 привлекались к ответственности должностные лица предприятий, на которых распространялось действие Положения о страховании рабочих от несчастных случаев, виновные в несообщении в установленные сроки полицейской власти о произошедших с рабочими предприятий несчастных случаев.

В Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 г., была установлена ответственность за нарушение предписанных Уставом строительным техническим или других о постройках правил (статья 66). Наказание в виде штрафа дифференцировалась в зависимости от тяжести нарушения правил: если нарушены правила, установленные в ограждение личной безопасности, то было предусмотрено наложение денежного взыскания не свыше ста рублей. В иных случаях размер штрафа не превышал двадцати пяти рублей.

В том же время в случае, если указанный проступок привел к причинению раны или повреждений в здоровье, не приведшего к смерти, для виновного было предусмотрено наказание в виде ареста не свыше одного месяца или денежного взыскания в размере не свыше ста рублей (статья 128 Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями).

Дальнейшее развитие отечественного уголовного законодательства в области охраны труда связано с Уголовным уложением от 22 марта 1903 г., которое в целом хотя основывалась на традициях Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., однако содержало ряд принципиальных нововведений.

Во-первых, в части 2 статьи 382 главы XVIII «О нарушении постановлений о производстве строительных работ и пользовании путями сообщения и средствами сношения» Уголовного уложения была предусмотрена общая норма об ответственности за нарушение правил или предписаний при производстве работ (в строительстве, устройстве путей сообщения и т.д.) для ограждения безопасности граждан (в том числе работников).

Во-вторых, важная новелла содержалась в части 2 статьи 464 главы 22 «О лишении жизни», в которой впервые была закреплена ответственность именно за неосторожное причинение смерти, если это явилось последствием несоблюдения виновным правил, установленных законом или обязательным постановлением для его рода деятельности, которые ограждают личную безопасность.

В-третьих, в части 3 статьи 464 Уголовного уложения 1903 г. появляется такой вид наказания как запрещение виновному заниматься определенной деятельностью, осуществление которой повлекло за собой смерть потерпевшего.

В-четвертых, в Уголовное уложение 1903 г. в главу XVII «О нарушении постановлений о личном найме» перешли известные ранее действовавшему законодательству нормы об ответственности заведующего заводом, фабрикой, промыслом или ремесленным заведением за непредоставление малолетним рабочим возможности посещать школу в течение времени, установленного законом (статья 365) и об ответственности заведующего или его заместителя за неисполнение установленных законом или постановлением правил, ограждающих здоровье или безопасность малолетних, подростков и женщин (статья 366). При этом в статье 366 Уголовного уложения 1903 г. был расширен перечень субъектов преступления – по сравнению с ранее действовавшим Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. к ответственности мог привлекаться не только заведующий предприятием, но и его заместитель.

В-пятых, появляется прообраз нормы, предусмотренной в действующей в настоящее время статье 217 (Нарушение требований промышленной безопасности опасных производственных объектов) УК РФ, ранее, до Федерального закона от 23 апреля 2018 г. № 114-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», именовавшаяся как «Нарушение правил безопасности на взрывоопасных объектах». Так, по части 2 статьи 224 Уголовного уложения 1903 г. наказуемым признавалось неисполнение установленных законом или обязательным постановлением правил об устройстве заведений, используемых для изготовления взрывчатых веществ, огнестрельных или взрывчатых снарядов, или их частей, или за нарушение правил и порядка производства на данных работах.

Названные изменения, безусловно, отличались более высокой юридической техникой и степенью абстракции изложения правового материала. Однако, как отмечает Н.Н. Хилтунов, в целом Уголовное уложение 1903 г. не принесло существенных изменений в сфере охраны труда и не выработало сам термин «охрана труда» [9, с. 14].

Данное замечание является верным. Однако при этом нам пред-

ставляется, что указанные проблемы явились не следствием каких-либо ошибок или упущений при конструировании уголовно-правовых норм, а выступали следствием неразвитости, казуистичности или пробельности фабрично-трудового законодательства Российской империи. Отсутствие иерархически выстроенной цельной структуры позитивного права об охране труда не позволяло обеспечить качественного совершенствования уголовного закона в части ответственности за несоблюдение предписаний об охране труда. Результатом данной ситуации явилось допущение возможности применения уголовного закона в этой части в отрыве от фабрично-трудового законодательства и отрицание бланкетной природы уголовно-правовых запретов, что отстаивалось, как мы отмечали выше, и Н.С. Таганцевым.

Произошедшие в 1917 г. Февральская и Октябрьская революции не привели к прекращению действия уголовного законодательства Российской империи, так как пункт 5 Декрета Совета народных комиссаров РСФСР от 24 ноября 1917 г. «О суде» предписывал местным судам руководиться в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию. При этом отмененными признавались все законы, противоречащие декретам Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и Правительства, а также программам-минимум РСДРП и партии эсеров.

Таким образом, уголовное законодательство Российской империи – Уголовное уложение 1903 г., несмотря на прекращение существования империи, продолжало действовать и в дальнейшем.

Только 27 апреля 1922 г. Советом Народных Комиссаров РСФСР было принято постановление «О наказаниях за нарушение постановлений об охране труда», в котором (в пункте 1) устанавливалась уголовная ответственность за нарушение требований охраны труда. В дальнейшем уголовно-правовые нормы, содержащиеся в этом декрете, вошли в первый УК РСФСР 1922 г.

Как отмечает С.С. Остроумов, «решая актуальные проблемы современности, надо видеть изменяющийся, а не застывший мир, надо всесторонне изучать явления, в том числе и преступность, в их закономерной исторической связи» [2]. Данный тезис является абсолютно правильным, так как многие социальные проблемы «наследуются» последующими поколениями, несмотря на смену общественно-государственного уклада и социально-экономических условий. Поэтому изучение исторического развития права, его форм (источников) и отдельных институтов началось еще в Российской империи, примером чего служат, например, труды В.Д. Спасовича [5], В.И. Сергеевича [4], Г.С. Фельдштейна [8] и иных специалистов.

Проведенное с использованием исторического метода настоящее исследование показывает, что характерная и для современного периода времени сложная ситуация с охраной труда в Российской Федерации была еще более тяжелой в Российской империи. Регулятивное фабрично-трудовое законодательство значительно отставало от требований времени, а охранительное уголовное право, несмотря на прогрессирующую от последовательно сменяющих друг друга законодательных актов их юридическую технику оставалось еще достаточно казуистичным. Причины столь сложной ситуации состоят как в неэффективности государственного контроля за соблюдением законодательства об охране труда, так и в нежелании владельцев предприятий нести дополнительные издержки на обеспечение безопасных условий труда работников промышленных заведений, в том числе и в силу неквалифицированности основной массы рабочих и возможности быстрой замены получивших увечья на производстве из них новой рабочей силой.

Список использованных источников

1. Крузе Э.Э. Условия труда и быта рабочего класса в России в 1900 – 1914 гг. Л.: Наука, 1980. – 142 с.
2. Остроумов С.С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., Изд-во Моск. ун-та, 1980. – 204 с.
3. Серафимович А.С. Рабочее движение в России. М.: Тип. О.Л. Сомовой, 1917. – 39 с.
4. Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права / Под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2004. – 488 с.
5. Спасович В.Д. Учебник уголовного права. Т. 1 СПб.: Тип. И. Огризко, 1863. – 438 с.
6. Тютримов Р.А. Фабричное законодательство в России. М.: Книгоиздательство «Польза», 1908. – 119 с.
7. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. СПб.: Гос. тип., 1901. – 922 с.
8. Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / Под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2003. – 542 с.
9. Хилтунов Н.Н. Уголовная ответственность за нарушение требований охраны труда. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015. 159 с.
10. Шельмагин И.И. Фабрично-трудовое законодательство в России (2-я половина XIX века). М.: Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1947. – 188 с.
11. Шельмагин И.И. Законодательство о фабрично-заводском труде в России. 1900 – 1917. М.: Госюриздат, 1952. – 319 с.

М.А ЛЮЛЕВ, Р.М. УШАКОВ

ВЛИЯНИЕ КОНЦЕПЦИИ ПАНСЛАВИЗМА НА ОБЩЕСТВЕННУЮ ЖИЗНЬ И ВНЕШнюю ПОЛИТИКУ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

**ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.: ОТ КОНТРОВЕРЗОВ
К КОМПРОМИССАМ С РЕАЛЬНЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ**

M.A. LYULEV, R.M. USHAKOV

**THE INFLUENCE OF THE CONCEPT OF PANSLAVISM ON
THE FOREIGN POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE OF THE
SECOND HALF OF THE XIX CENTURY: FROM CONTROVERSIES
TO COMPROMISES WITH REAL POSSIBILITIES**

В статье предпринимается попытка оценить степень воздействия идеологии панславизма на общественную жизнь и внешнюю политику Российской империи второй половины XIX века. На основе анализа исторических источников авторы приходят к выводу, что объединение южных славян в рамках единого государства закономерно осталось лишь идеей, ибо на практике каждое новообразованное на Балканах славянское государство преследовало прежде всего собственные национальные интересы.

Abstract: the article attempts to assess the degree of influence of the ideology of pan-Slavism on public life and the foreign policy of the Russian Empire in the second half of the 19th century. Based on an analysis of historical sources, the authors come to the conclusion that the unification of southern Slavs within a single state naturally remained only an idea, because in practice each Slavic state newly formed in the Balkans pursued first of all its own national interests.
Key words: Pan-Slavism, Neoslavism, Russian Empire, Russia, foreign policy.

Ключевые слова: панславизм, неославизм, Российская империя, Россия, внешняя политика.

Key words: Pan-Slavism, Neoslavism, Russian Empire, Russia, foreign policy.

Исторически внешнеполитическая деятельность Российской империи была в большей степени ориентирована на выстраивание международных отношений на основах покровительства и поддержки моно-

этнических малых государств, многие из которых в поисках защиты добровольно входили в состав России (Левобережная Украина (1654 г.), Картли-Кахетинское царство (1801 г.). В дальнейшем СССР, унаследовав данные принципы, также последовательно проводил их в своей внутренней и внешней политике, органично интегрировав их с социалистическими идеями пролетарской солидарности и интернационализма. На этом курсе выстраивались отношения со странами-членами Организации Варшавского договора вплоть до распада СССР и ликвидации социалистического лагеря, в ходе которых произошел резкий разрыв и глубокий упадок социальных, экономических, культурных и политических связей между государствами, ранее его образующими. Негативные последствия указанных событий проявляются и по сей день, что является потенциальным очагом напряженности в Восточной и Южной Европе. Как показывает исторический опыт, в немалой степени наличие острых противоречий (политических, экономических, территориальных) характерно для отношений и между славянами (недавний пример — Югославские войны и события на востоке Украины), участником которых прямо или косвенно является и Россия.

В этой связи следует помнить, что реализация национальных интересов Российской Федерации в сфере международного сотрудничества в современных условиях обуславливает необходимость обращения к ее богатому историческому опыту, и прежде всего — в целях рецепции его положительных сторон.

В историко-политической мысли существует весьма дискуссионная позиция: Россия как наиболее крупное государство с высокой долей славянского населения имеет моральное право на роль миротворца в урегулировании конфликтов между славянскими народами. Данная идеология впервые получила теоретическое обоснование в форме концепции панславизма (в самом общем виде ее можно определить как идеологию, в основе которой лежат идеи о необходимости славянского национального политического объединения на основе этнической, культурной и языковой общности) и была реализована на широком (государственном) уровне именно во внешней политике Российской империи второй половины XIX в. в отношении славянского населения Балканского полуострова. Представляется, что изучение исторического опыта в рассматриваемых хронологических и территориальных рамках имеет важное практическое значение для дальнейших научных разработок проблемы сотрудничества России и славянских стран, что может быть использовано для научного прогнозирования путей наращивания ее влияния в славянском мире.

История панславизма начинается с организации Всеславянского съезда в Праге в 1848 г. (Ф. Энгельс отмечал: «Панславизм возник в июне 1848 г. не в России, а в Праге и Загребе» [1, с. 182], в работе кото-

рого участвовали представители славянских народов, проживавших в Австрийской империи (чехи, словаки, русины, хорваты) и за её рубежом (поляки, сербы, черногорцы), а также русские эмигранты, среди которых присутствовал М.А. Бакунин. В ходе конгресса славянские делегации высказывали различные позиции о желаемой форме дальнейшего пребывания в составе Австрийской империи [2, с. 29-48]. Чешская делегация придерживалась австрославистского подхода, в рамках которого предлагалось содействовать территориальной целостности Австрийской империи, а взамен выступить с петицией, согласно которой император Фердинанд V должен был предоставить автономию и равные права славянским народам. Словаки в лице Л.В. Штура считали, что первоочередным является отстаивание интересов славян в целом путем создания общеславянской федерации. Особой позиции по поводу вмешательства России в решение данного вопроса придерживался М.А. Бакунин, который предостерегал южных и западных славян от подогреваемых русскими славянофилами необоснованных надежд на помощь со стороны царского правительства. Он полагал, что поддержку в освободительной борьбе они могли ожидать только от революционной России.

Однако данный съезд не выработал единой позиции по общеславянскому вопросу и не оказал реальной поддержки славянам в их национальной борьбе. Он был по выражению М.А. Бакунина «решительно пуст и бессмысленен» [3, с. 76]. Из запутанных дебатов конгресса выяснилось только одно: все его члены сходятся в мечтах о великом едином славянском государстве и ненависти к Германии. Известный анархист, характеризую природу панславизма, отмечал, что он возник как реакция на проявления пангерманизма: «Панславизм в обратном смысле есть немцененависть, потому что немцы первые коренные и злейшие притеснители славян...» [3, с. 38]. В целом, можно утверждать, что панславизм на данном этапе развития был «окрашен» идеями национально-освободительного романтизма и пока еще не являлся продуманной политической концепцией, подкрепленной реальной силой.

Особое развитие идеи панславизма получили в Российской империи (отметим, что в первой половине XIX в. к славянскому вопросу проявлялось явное равнодушие). Импульсом к созданию отечественного панславизма и самим его прообразом стали идеи славянофильства, предполагающие особый путь русского народа, его самобытность и обособленность от Западной Европы. Специфика развития панславизма в России заключается в том, что он оформился, как справедливо отметил Ф. Энгельс, в форме идейно-политического течения, отражающего стремление к политическому объединению и духовному единению славян именно в русле российской гегемонии над славянскими народами («Панславизм, — это союз всех малых славянских наций и

национальностей Австрии, и, во вторую очередь, Турции для борьбы против австрийских немцев, мадьяр, и, возможно, против турок ... Непосредственной целью панславизма является создание славянского государства под владычеством России от Рудных до Карпатских гор до Черного, Эгейского и Адриатического моря...» [1, с. 182]).

Основными российскими теоретиками панславизма, развивавшими концепцию в вышеуказанном направлении, являются М.П. Погодин, К.С. Аксаков, А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, М.Д. Скобелев, В.А. Фадеев, Ф.И. Тютчев, В.И. Ламанский и Н.Я. Данилевский. В частности, Ф.И. Тютчев считал экспансию Российской империи абсолютно закономерным процессом, включая поглощение Россией исконно славянских земель восточной Германии, Австрии и «возвращение» Константинополя [4, с. 122]. Схожий взгляд изложил в своем проекте Н.Я. Данилевский. Так же, как и Ф.И. Тютчев, Н.Я. Данилевский отводил ведущую роль именно России в процессе интеграции славянских народов и оправдывал военный способ достижения указанной цели [5, с. 421]. К новому геополитическому объединению — Всеславянскому союзу, по его мысли, должны были присоединиться и некоторые неславянские народы: венгры, румыны, греки. В этом исследователь видел возможность получения выхода России к теплым морям, что существенно улучшило бы ее положение на международной арене [5, с. 395-397, 417]. Оба мыслителя отмечали особое значение захвата Константинополя в целях превращения его в геополитический и культурный центр общего славянского государства.

Иной взгляд изложил панславист В.И. Ламанский. Ученый считал естественные природные и этнические границы более важными, чем искусственные политические и отдавал приоритет именно культурному сближению славянских народов. Ядром этой культуры по его мысли должен был стать общеславянский язык, основанный на русском, что позволило бы в будущем создать единое этнополитическое образование [6, с. 91]. В целом о военной экспансии России ничего не упоминается, что контрастирует с милитаристскими позициями Ф.И. Тютчева и Н.Я. Данилевского. Такова «палитра» основных (крайних) взглядов на природу российского панславизма. Исходя из системного анализа данных позиций, можно сделать вывод, что теоретики отечественного панславизма имели в целом идеалистический взгляд на проблему достижения единства славян, что подтвердила практика их реализации во внешнеполитической деятельности Российской империи второй половины XIX века.

Условно следует выделить два периода в развитии форм влияния данного течения на внешнеполитический курс России. Начало идеям панславизма в стране дало поражение в Крымской войне 1853–1856 гг., после завершения которой на Балканах образуются национальные

движения, призывающие восстановить независимость славянских народов от Османской и Австрийской империй. Необходимо отметить, что российская общественная мысль поддержала освободительные устремления славян, однако существенной помощи им оказано не было. В данный период в трудах теоретиков зарождается именно военный, политический панславизм, ставивший своей целью вооружённое освобождение славянских народов и создание под эгидой Российской империи славянской федерации со столицей в Константинополе.

Своеобразным катализатором дальнейших событий явились следующие факторы. Бесправное положение балканских славян, гнет Австрийской и Османской империй, жестокое подавление апрельского восстания в Болгарии турецкими войсками предопределили начало Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Идеи панславизма набирали силу, а интерес к ним со стороны общества уже невозможно было сдерживать никакими мерами. Правительство, сначала пытавшееся довольно умеренно относиться к идеям «славянской взаимности», с приближением 1876–1877 гг. все более и более вдохновлялось теориями освобождения славян от иноземного владычества и будущего братского покровительства их со стороны России. Во многом именно сочувствие всего русского народа в целом и ближайшего окружения императора в частности привело Александра II к рискованному шагу — к войне на Балканах. Именно Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и ее ход стали кульминацией в развитии идей панславизма, влияние которых на действия царского правительства отмечает П.Н. Милюков в своих воспоминаниях: «Неосведомленность и сомнение темного национализма распространялись на всю правящую верхушку» [7, с. 382, 360, 365, 367–368]. Славянские комитеты собирали деньги на покупку оружия и снаряжения для славян, восставших против турецкого владычества, отправляли на Балканы полевые лазареты, готовили добровольцев, формировали общественную солидарность с южными славянами. Московский и петербургский славянские благотворительные комитеты пожертвовали солидную денежную сумму в размере 1,5 млн. руб., а люди явно необременённые высоким достатком жертвовали 1–2 руб. 2/3 собранных средств поступили именно от таких малых взносов [8, с. 171, 183, 217.]. Э.С. Радзинский справедливо пишет: «Война могла объединить Россию» [9, с. 312]. «Низы» и «верхи» общества слились в стремлении освободить славян, не останавливаясь перед войной.

Однако освобождение славянских народов Балкан с участием Российской империи не привело к ожидаемому результату — объединению всех славян под лидерством России. Проявились противоречия в отношениях между родственными народами, обозначилась прозападная геополитическая ориентация части славяно-балканских элит, усилилось противодействие Англии и Франции [10, с. 15]. После Бер-

линского конгресса 1878 г., перечеркнувшего планы панславистов о полном освобождении южных славян, наступил упадок интереса к вооруженному решению балканского вопроса. Именно с этого момента начинается второй период развития отечественного панславизма. В новых условиях сторонники общеславянского единства полагали вполне естественным способствовать культурному сотрудничеству всех славянских народов на паритетных началах (что позже станет одной из ключевых идей неославизма). В печати все настойчивее звучали призывы к «общему покаянию славян друг перед другом» [11, с. 131-133]. Значительное место в поддержке и развитии панславизма сыграли вышеупомянутые славянские комитеты. По словам историка С.А. Никитина, после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. они «вновь превращаются в просветительно благотворительные общества» [12, с. 8]. Славянские комитеты, благотворительные общества и отдельные их члены действовали в разных частях Российской империи: Москве (1858 г. — организация первого Славянского комитета), Санкт-Петербурге, Киеве, Одессе, Казани, Тифлисе и прочих крупных городах. Цель этих комитетов состояла в оказании помощи славянам, посылке им книг, развитии связей с образовательными учреждениями славянских стран. Петербургский славянский комитет издал этнографическую карту славянских племен [13], печатались также разнообразные книги о славянских народах с целью привлечь к славянскому вопросу русское образованное общество. Славянскими комитетами был организован славянский отдел на Всероссийской этнографической выставке и проведение Славянского съезда 1867 г., на котором обсуждались вопросы межславянского сотрудничества в культурной, экономической и политической сферах [14].

Развитие рыночных отношений в России побуждало ряд российских кругов к прагматическому подходу в отношении решения славянского вопроса — ранее в общественном дискурсе вопросу необходимости активной экономической экспансии и контроле рынков в Балканском регионе как эффективному рупору донесения российского влияния и культуры было уделено мало внимания. Так, «Новое время», отдавая обычную для нее дань критике внешней политики правительства, пишет: «Корень зла нашей ближневосточной политики заключался всегда в том, что мы, освобождая единоверные и единоплеменные народы Балканского полуострова, ... не принимали никаких мер в экономической области и отдавали тем самым освобожденных в зависимость к германскому капиталу». В итоге газета призывала «русских фабрикантов» осваивать новые рынки на Балканах [10, с. 16]. Утилитарно и одновременно не идеалистически, как его предшественники, рассмотрел данный вопрос П.Б. Струве — известный легальный марксист. Он, признавая особую значимость для российской внешней

политики исторической ориентации на Ближний Восток и Балканы, говорил о необходимости активизации экономической деятельности в этих регионах. Это, по его мнению, соответствует не только интересам развития страны и его народа, но и обеспечивает наиболее эффективно культурное лидерство. А значит, — будет продолжать и развивать национальную традицию [15, с. 143]. Тем не менее, как показала практика, немецкий капитал (в силу больших темпов развития буржуазных отношений в Германии) успешно вытеснял российский из Балкан, что тормозило распространение влияния России в регионе.

Таким образом, идеи панславизма, главной целью которых являлось объединение славян под эгидой России, существенно повлияли на общественную жизнь и внешнюю политику Российской империи второй половины XIX века. Непосредственно панславизм, как теорию, можно разделить на военный, культурный и экономический аспекты, которые, по существу, представляют собой разные способы достижения единства славян. Первые два метода показали действенность, но исчерпали свой потенциал, так как Российская империя не осуществляла должной (равносильной Германии) экономической экспансии на Балканском полуострове (по этой причине культурное влияние России в регионе значительно теряло в эффективности). Отметим, что у Российской империи ввиду успехов в проведении Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. появлялись определенные перспективы в деле вооружённого объединения южных славян, однако военная экспансия на Балканы сдерживалась другими мировыми державами (Англия, Франция). Кроме того, на практике каждое новообразованное южнославянское государство преследовало главным образом свои национальные интересы, что позднее привело к Балканским войнам начала XX века.

В настоящее время Россия стремится поддерживать со славянскими странами Балканского полуострова дружественные связи, основанные на общем историческом опыте. В октябре 2018 г. Президент Российской Федерации и Президент Сербии встретились в Москве и договорились о взаимной поддержке государств в сфере экономики, науки и культуры [16]. При этом отмечалось, что капиталовложения России в сербскую экономику стабильно растут и составляют на данный момент 4 млрд. долл., что, на наш взгляд, является верным направлением отечественной внешней политики, отражающим преемственность цивилизационным идеям панславизма.

Список использованных источников

Энгельс Ф. *Борьба в Венгрии* // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 6. 2-е изд. М., 1957. 762 с.

Рокина Г.В. *Словаки и Пражский съезд 1848 года* // Славянское движение XIX–XX веков: съезды, конгрессы, совещания, манифесты, обращения. М., 1998. С. 29–48.

- Бакунин М.А. *Исповедь и письмо Александру II*. М., 1921. 142 с.
- Тютчев Ф.И. *Россия и Запад*. М., 2011. 592 с.
- Данилевский Н.Я. *Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому*. СПб., 1895. 667 с.
- Ламанский В.И. *Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношениях*. СПб., 1865. 92 с.
- Милюков П.Н. *Воспоминания*. М., 1991. 528 с.
- Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875-1878. Документы*. / отв. ред. Никифоров К.В. М., 2008. 466 с.
- Радзинский Э.С. *Александр II. Жизнь и смерть*. М., 2007. 580 с.
- Задохин А.Г. *Русское национальное сознание и внешняя политика России* // Научно-аналитический журнал *Обозреватель - Observer*. 2012. № 8 (271). С. 15.
- Ненашева З.С. *Под лозунгом равенства. Расцвет и увядание неославизма* // Родина. 2001. № 1. С. 131-133.
- Никитин С.А. *Славянские комитеты в России в 1858-1876 гг.* М., 1960. С. 9-19.
- Этнографическая карта славянских народностей* // М.Ф. Миркович, дополнена А.Ф. Риттихом. СПб., 1875.
- Княжева Е.О. *Панславизм и его влияние на внешнюю политику России в 1860-1870-е гг.* URL: <https://sinatistis.wordpress.com/2016/10/21/paiiofpity/> (дата обращения: 21.09.2019).
- Струве П.Б. *Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества* // *Русская мысль*. 1908. Кн. 1. С. 143-157.
- Владимир Путин в Кремле принял президента Сербии Александра Вучича*. URL: https://www.1tv.ru/news/2018-10-02/353324_vladimir_putin_v_kremle_prinyal_prezidenta_serbii_aleksandra_vuchicha (дата обращения 14.09.2019).

Р.В. МАКОВИЙЧУК

АДВОКАТ И ДОВЕРИТЕЛЬ: УСТАНОВЛЕНИЕ
ПСИХОЛОГОГИЧЕСКОГО КОНТАКТА

R. V. MAKOVYICHUK

LAWYER AND PRINCIPAL: ESTABLISHING
PSYCHOLOGICAL CONTACT

Адвокат — это профессионал, деятельность которого направлена на реализацию конституционного права на защиту от возникшего подозрения либо обвинения в совершении преступления. Адвокатская деятельность всегда связана с коммуникацией, и успех всегда зависит от ее эффективности, поскольку в процессе общения адвокат и доверитель оказывают психологическое воздействие на друг друга. Для адвоката важно и нужно владеть знаниями и навыками в области психологии для достижения поставленных задач и реализации целей.

A lawyer is a professional whose activity is aimed at the implementation of the constitutional right to protection from suspicion or accusation of a crime. Advocacy is always associated with communication, and success always depends on its effectiveness, because in the process of communication, the lawyer and the principal have a psychological impact on each other. For a lawyer, it is important and necessary to possess knowledge and skills in the field of psychology to achieve the goals and objectives.

Ключевые слова: адвокат, адвокатская деятельность, интервью, коммуникация, установление контакта, доверие, защита.

Keywords: lawyer, advocacy, interview, communication, establishing contact, trust, protection.

Достижение цели подразумевает последовательное решение ряда задач, которые встают по мере продвижения к цели. Таким образом, цель задает действие, а выполняемое действие, в свою очередь, обеспечивает реализацию поставленной цели.

Как справедливо отметил В. Конин, вступление адвоката в уголовный процесс возможно лишь только в двух случаях: заключение соглашения на осуществление защиты с лицом, привлекаемым к уголовной ответственности, либо с иными лицами, действующими в интересах

лица, привлекаемого к уголовной ответственности, или по назначению органов дознания, следствия либо суда. Таким образом, при отсутствии назначения для осуществления защиты в порядке статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РФ адвокат может принимать участие в уголовном судопроизводстве лишь на основании соглашения на осуществление защиты.[1, с. 9]

При этом необходимо оговорить нюанс о том, что вступление адвокатом в уголовное дело является следствием принятия последним поручения на защиту определенного лица, вне зависимости от того, кто выступил инициатором вступления адвоката в процесс – физическое или юридическое лицо, которое заключает соглашение на защиту с адвокатом, или дознаватель, следователь или суд, вынесшие постановление о назначении адвоката для защиты конкретному подозреваемому или обвиняемому.

Момент принятия защиты отличается от формы реализации адвокатом своих полномочий. Так, в случае заключения соглашения с доверителем – момент принятия защиты реализуется в момент его заключения и как справедливо отмечено выше предшествует моменту вступления адвоката в уголовное дело. Тогда как назначение адвоката в порядке ст.51 УПК РФ и есть принятие поручения на защиту и как правило совпадает с моментом вступления в уголовное дело.

Момент вступления адвоката в уголовное дело закреплён в части 3 статьи 49 Уголовно – процессуального кодекса Российской Федерации (далее УПК РФ).

Полагаем необходимым уточнить высказанное мнение тем, что вне зависимости от места первой встречи с подзащитным, моментом вступления адвоката в уголовный процесс будет первое свидание конфиденциально, поскольку однозначно не предполагается что все подзащитные находятся в СИЗО, а привязка к месту первой встречи не носит универсального характера, поскольку она как таковая может произойти фактически где угодно. Так, например, моменты вступления адвоката в уголовное дело будут отличаться в зависимости от того находится подзащитный в под стражей и содержится в следственном изоляторе, или он находится на свободе, и в отношении него избрана мера пресечения, не связанная с лишением свободы.

Как правило первая беседа адвоката с подзащитным проводится в форме интервью как способа коммуникации с целью установления фактов, имеющих юридическое значение. Коммуникативное взаимодействие — это коммуникативный контакт, т.е. информационный процесс, основанный на обратной связи, развитие которого изменяется в зависимости от переработки, интерпретации и понимания информации и сведений его участниками. Навыки построения структуры эффективной коммуникации в том числе с помощью психологических

знаний повышают теоретическое и практическое значение в защитительной деятельности в целом.

Коммуникация адвоката в профессиональной деятельности является одним из ключевых навыков и неразрывно связана со спецификой его деятельности по оказанию квалифицированной юридической помощи. Коммуникация в сфере уголовного судопроизводства, в том числе, на досудебной стадии, т.е. статусно – ориентированное общение, которое регламентировано нормами уголовно – процессуального кодекса Российской Федерации. Как указывает Л.Д. Калинкина: «По большому счету молчащий адвокат, адвокат бездействующий – это самое опасное извращение обеспечения права на защиту. Такой издевательский способ расправы над институтом защитника в конкретном адвокатском исполнении».[2, с. 48]

В ч. 1 ст. 48 Конституции Российской Федерации закреплено, что каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи, а также предоставление такой помощи бесплатно в установленных законом случаях.

Л.А. Воскобитова отмечает, что «элементарное представление о консультации как о совете специалиста по какому – либо вопросу предполагает уяснение сущности этого вопроса. Поэтому консультирование как вид оказания юридической помощи предполагает выделение двух относительно самостоятельных этапов в работе адвоката: уяснение сущности вопроса, с которым обращается доверитель, которое в последующем будем называть интервьюирование (достаточно распространенный термин, под которым понимается собеседование с доверителем, получение у него информации, имеющей правовое значение, на основе которой адвокат дает совет, консультацию) и собственно дача консультации».[3, с. 28] Ключевая разница двух этапов заключается в особенностях задач и психологических приемах.

Так целью интервьюирования является сбор возможно полной и достоверной информации, сведений и фактов от доверителя для уяснения существа юридического вопроса, формулирование правовой проблемы, требующей разрешения. Посредством интервьюирования реализуется коммуникация «доверитель – адвокат».

Целью консультирования является попытка объяснения произошедшего события преступления в правовом поле, что включает в себя такие этапы как сбор информации; анализ и оценка собранной информации, дача разъяснений, определение вариантов развития событий в зависимости от принятия тех или иных решений, выработка оптимального варианта решения вопроса, помощь в реализации принятой стратегии в динамике. Посредством консультирования реализуется коммуникация «адвокат – доверитель».

Поскольку право и факты являются главным оружием адвока-

та, умение анализировать факты в правовом ключе предопределяют его успех как профессионала. Именно доверитель является главным источником фактов.

В свою очередь интервью целесообразно также разделить на составляющие для более полной характеристики его реализации.

Так, к первому этапу наиболее правильно отнести встречу и знакомство. Данный этап характеризуется взаимной оценкой, первичным установлением контакта между собеседниками, определением порядка взаимодействия.

Совершенно справедливо отмечает И.Л. Трунов, что «принципиальный момент в отношениях адвоката и клиента – доверие. От этого во многом зависит качество защиты на процессе».[4, с. 198] Закладка фундамента доверия происходит именно в первом этапе интервью.

Адвокату важно понимать, что многие люди испытывают дискомфорт при первом общении с незнакомым человеком, а вопрос, с которым он обращается к профессионалу может иметь сугубо личный или даже интимный характер. Для снижения дискомфорта можно начать разговор с общих фраз, взаимного представления, познание поверхностной информации о доверителе. Необходимо также понимать, что человек может находиться в разных психоэмоциональных состояниях и задачи адвоката снизить тревожность собеседника для построения дальнейшей коммуникации.

Для продуктивной коммуникации «доверитель – адвокат» до начала второго этапа интервью разумно определить его структуру, так можно предложить доверителю в форме свободного рассказа изложить проблему. Для правильного выяснения деталей адвокат может задать уточняющие вопросы. Это вносит ясность в процесс коммуникации, что способствует снижению тревожности доверителя.

Ко второму этапу интервью относится «свободный рассказ» - изложение обстоятельств, послуживших основанием за обращением за квалифицированной юридической помощью.

Из задач данного этапа коммуникации можно выделить составление психологического портрета доверителя, получение информации о нем самом, об обстоятельствах и фактах, определения круга правовых проблем, с которыми возможно придется работать адвокату, выведение предмета потенциального соглашения, в т.ч. определение конечной цели работы.

Когда доверитель говорит, что не знает с чего начать – можно предложить начать с начала. Такой фразой адвокат дает понять, что готов выслушать весь массив информации. Если при этом способе доверитель испытывает затруднения в изложении, можно предложить задавать наводящие вопросы, тем самым направить доверителя самостоятельному речевому выражению сути. На данном этапе задача адвоката

выражается в умении слушать и слышать. При этом адвокат должен мастерски управлять ходом «свободного рассказа», тонко направлять собеседника, знать и уметь применить те или иные психологические приемы для повышения результативности работы. Если невербальными средствами общения подкреплять коммуникацию – мимика, взгляд, открытые позы, жесты, например: кивать в процессе повествования каких-либо выводов рассказчика; применять визуальный контакт с собеседником, находиться в открытой позе (воспринимается как «спокойствие») чуть наклоненного корпуса к доверителю (воспринимается как «внимание»), то удастся установить комфортный психологический климат диалога, что логично приводит к зарождению доверия на подсознательном уровне.

На данном этапе целесообразно применять технику «эмпатического слушания», т.е. сопереживания чувств и повествуемых событий. Этот прием позволяет глубоко познать существо проблемного вопроса, быстро получить более емкую информацию о юридически значимых фактах, наиболее полно увидеть особенности личностных качеств доверителя.

Обоснованный вывод по описанному этапу делает Л.А. Воскобитова: «адвокату необходимо уметь слушать. Это умение с точки зрения психологии оценивается как важнейшее качество, свидетельствующее о коммуникативной компетентности». [3, с. 37]

Следующим этапом интервью можно выделить стадию углубления в детали, построение хронологии событий и вычленение из всего массива информации только той, что относится к компетенции адвоката, а также конкретизацию правовых вопросов в рамках общих задач, поставленных фактом обращения за помощью к адвокату.

Целью данного этапа является обнажение юридической проблемы от второстепенных фактов, определение норм закона, подлежащих применению и способов защиты прав и законных интересов доверителя.

Эффективность данного этапа интервью формируется навыком задавать правильные вопросы и общей компетенции адвоката в уголовном, уголовно – процессуальном законодательстве, а именно знать составы преступлений как основания для применения уголовного наказания и средства доказывания тех или иных деяний.

В данной стадии интервью применяются психологические приемы «понимающего слушателя». При использовании этого приема адвокат использует категорию уточняющих вопросов, ответы на которые целесообразно тезисно письменно фиксировать. Уточняющие вопросы лучше формулировать «перефразированием» тезиса доверителя. Это позволит правильно понимать и записывать смысловую нагрузку сообщаемой информации.

Сложность данного этапа можно обозначить для адвоката в том,

чтобы точно знать «что» спросить для правильной квалификации правового вопроса.

К четвертой стадии адвокатского интервью относят резюмирование – подведение итогов полученной информации, пересказ адвокатом правовой проблемы доверителя в хронологическом порядке с фиксацией фактов, имеющих юридическое значение. Цель данного этапа заключается в правильной квалификации событий, консеквенции взаимных ожиданий.

В качестве психологической особенности данного этапа необходимо отметить наличие обратной связи от доверителя. В процессе пересказа адвокат должен внимательно и осознанно отследить все невербальные способы передачи информации для понимания глубины установленного доверия и качества проделанной работы.

И заключительной стадией интервью является его завершение. Специалисты по психоанализу утверждают, что неудачное прощание, резкое прерывание контакта или отчуждение могут разрушить взаимопонимание, установившееся с клиентом.[5, с. 91]

Целью данной стадии завершение коммуникации «доверитель – адвокат» и переход к стадии «адвокат – доверитель», т.е. собственно наступление момента самой консультации. Адвокат принимает решение о переходе в стадию консультирования непосредственно после завершении интервью, либо о переносе во времени самой консультации для более тщательной подготовки.[6, с. 25] Таймаут между интервью и консультацией целесообразен в сложных правовых вопросах, требующих изучения дополнительного массива информации и документов, судебной практики. Однако адвокату необходимо также понимать, что в некоторых случаях принимать решение нужно здесь и сейчас и от этого решения может зависеть дальнейшее развитие сценария. Например, при объявлении о подозрении в совершении преступления и начала первого допроса в процессуальном статусе в рамках досудебного производства по уголовным делам, после конфиденциальной беседы с доверителем, защитник консультирует непосредственно после завершения интервью, а последствия избранной линии защиты при первом допросе могут как негативно так и положительно отразиться на результатах при принятии решения по делу, отражающихся в обвинительном акте на досудебной стадии и в приговоре в судебной стадии уголовного процесса.

Список использованных источников

Конин В.В. О нарушениях профессиональных обязанностей адвокатов-защитников (по материалам квалификационной комиссии Адвокатской палаты Калининградской области) // Адвокат. 2017. № 3.

Калинкина Л.Д. О содержании обязанности адвоката защищать интере-

сы подзащитного в уголовном судопроизводстве// Адвокат. 2009. № 5

Адвокат: навыки профессионального мастерства / Е.Ю. Булакова, Л.А. Воскобитова, М.Р. Воскобитова и др.; под ред. Л.А. Воскобитовой, И.Н. Лукьяновой, Л.П. Михайловой. М.: Волтерс Клувер, 2006.

Адвокатская деятельность и адвокатура в России: учебник / И.Л. Трунов, Л.К. Айвар, В.А. Вайпан и др.; под. ред. И.Л. Трунова. – М. : Юрайт, 2011.

Понасюк А.Ю. А что у него в подсознании? (12 уроков по психологии проникновения в подсознание собеседника). М., 1997.

Конин В.В. Защита несовершеннолетних: установление психологического контакта // Вопросы ювенальной юстиции. 2009. № 2.

Д.И. МИХАЙЛОВ

ЦИРКУЛЯР «О СОКРАЩЕНИИ ГИМНАЗИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ» ОТ 30 (18) ИЮНЯ 1887 г.: В АСПЕКТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

DI. MIKHAILOV

THE CIRCULAR "ON THE REDUCTION OF GYMNASIUM EDUCATION" FROM JUNE 30 (18), 1887: IN THE ASPECT OF THE REALIZATION OF THE RIGHT TO EDUCATION IN THE RUSSIAN EMPIRE

В настоящей статье рассматриваются правовые, социальные и исторические последствия разработки и применения Циркуляра «О сокращении гимназического образования» 1887 г. Значительное внимание уделено проблеме определения отраслевой принадлежности правовых норм, регулирующих общественные отношения, складывающиеся по поводу доступа к образовательным услугам. Обосновывается значимость этой проблемы в аспекте создания эффективных правовых гарантий реализации права на образование.

This article examines the legal, social and historical consequences of the development and application of the Circular «On the reduction of gymnasium education» of 1887. Considerable attention is paid to the problem of determining the sectoral affiliation of the legal norms governing public relations, emerging about access to educational services. The author substantiates the importance of this problem in the aspect of creating effective legal guarantees for the realization of the right to education.

Ключевые слова: гимназическое образование, право на образование, образовательные услуги, частно-правовой метод, публично-правовой метод, доступ к образованию

Keywords: gymnasium education, right to education, educational services, private-legal method, public-legal method, access to education

Одной из значимых ошибок правящей элиты Российской Империи стала разработка и применение Циркуляра «О сокращении гимназического образования» от 30 июня (18 июня по действовавшему еще в Российской Империи Юлианскому календарю) 1887 года. Циркуляр, вошедший в историю под названием «указ о кухаркиных детях», в дей-

ствительности имел довольно неопределенный правовой статус. Этот циркуляр нельзя отнести к нормативным правовым актам, так как по своей сути он являлся прошением, верноподданническим рекомендательным письмом, адресованным министром народного просвещения, графом И.Д. Деляновым, его Императорскому величеству Александру III, который не был им поддержан ни в качестве указа, ни в качестве акта Совета министров. Иными словами, циркуляр, содержащий положение о запрете на допуск к гимназическому образованию детей лиц из сословий ниже купцов второй гильдии, являлся своего рода проектом нормативного правового акта, но не был принят в качестве такового. Данный циркуляр (и все последующие изменения и дополнения) сложно отнести и к категории ненормативных, персонифицированных актов, так как изначально он не был адресован директорам (начальникам) конкретных гимназических учреждений. С точки зрения теории государства и права Циркуляр «О сокращении гимназического образования» можно назвать проектом нормативного акта, который начал использоваться в качестве нормативного акта без соблюдения установленных в соответствующем государстве процедур его принятия и обретения им юридической силы. При этом данный проект противоречил действующему российскому Закону от 12 августа (30 июля) 1871 г., провозглашавшему отсутствие сословных и вероисповедных цензов для обучения [1]. Указанное противоречие зависело от толкования рассматриваемого Циркуляра. Например, если исходить не из сословной, а из профессиональной принадлежности родителей учащегося, то противоречие Циркуляра нормам Закона от 12 августа (30 июля) 1871 г. усмотреть было значительно сложнее. Вероятно, именно по этой причине директорам гимназий были разосланы рекомендации воздержаться от зачисления в них детей кучеров, лакеев, поваров, прачек, мелких лавочников и тому подобных людей, детям коих, за исключением одаренных гениальными способностями, вовсе не следует стремиться к среднему и высшему образованию [2]. Например, попечитель Московского учебного округа граф П. Капнист рекомендовал начальству гимназий, одновременно с отказом в приеме, рекомендовать учебные заведения с менее продолжительным сроком обучения и более соответствующим их среде статусом [1]. Таким образом, в персонифицированных административных актах, разработанных на основании рассматриваемого Циркуляра речь шла об ограничении права на образование, не исходя из сословной, а исходя из социальной (профессиональной) принадлежности родителей учащихся. Разрабатывая рассматриваемый циркуляр, граф И.Д. Делянов и его дворяне-единомышленники рассчитывали ограничить доступ в гимназии и университеты выходцев из тех сословий, которые считали небезопасными с точки зрения революционных настроений.

Практическое значение такого нормотворчества и правоприменения было противоречивым. С одной стороны, гимназическое образование в Российской Империи являлось платным, что и в отсутствие рассматриваемого Циркуляра делало его недоступным для детей представителей низших сословий. Что касается одаренных детей, то они обладали правом на обучение за казенный счет как до, так и после применения Циркуляра. С другой стороны, наличие подобного Циркуляра порождало в Совете Министров Российской Империи отрицательную мотивацию на отмену или существенное снижение платы за обучение в гимназиях даже в отдаленной перспективе. Кроме того, результатом применения Циркуляра «О сокращении гимназического образования» стало закрытие подготовительных классов при гимназиях и увеличение платы за обучения в них [2]. Поскольку представители неблагородных слоев самостоятельно готовить детей к поступлению в гимназию, по понятным причинам, не могли, закрытие подготовительных классов действительно было серьезным ударом [2].

Таким образом, Циркуляр «О сокращении гимназического образования» 1887 г. стал фактором, замедлившим воздействие мировой тенденции к повышению доступности среднего образования в Российской империи. Первый значимый шаг к повышению уровня доступности образования был сделан в России лишь в 1899 г., то есть на рубеже XIX и XX столетий, когда Министерством образования Империи был разработан Циркуляр об изменении направленности образования в средней школе. Данный Циркуляр предусматривал ряд действенных мер, направленных на снижение себестоимости среднего образования при повышении уровня его практической направленности. В Циркуляре 1899 г. предлагалось:

- уменьшить количество академических часов, отведенных на изучение в школах древних языков, овладение которыми составляло и составляет одну из задач специализированной высшей школы, а не универсальной средней;

- разрешить школьным педсоветам переводить успевающих учеников на следующий год обучения без экзаменов [3, с. 124].

В период с 1899 по 1905 гг. Министерством народного просвещения Империи также предлагалось расширение школьных программ по естественным и иным практико-ориентированным наукам [3, с. 124 – 125].

После трагических событий 1905 г. (тяжелейшего поражения русского флота в Цусимском сражении, Кровавого воскресения и мятежа на броненосце «Князь Потемкин Таврический») министром народного просвещения И.И. Толстым был разработан план поэтапного перехода к всеобщему обязательному начальному образованию и расширению оснований для зачисления выпускников реальных (рабочих) училищ в университеты [3, с. 125]. Все перечисленные и многие другие планы,

а также их реализованные положения во многом нивелировали идею лишения доступа низших сословий к получению среднего образования. В 1894 г. число учащихся гимназического уровня составляло 224,1 тысяч человек или 1,9 ученика на 1 тысячу жителей Империи [1]. К 1897 г. среди учащихся гимназий и реальных училищ доля потомственных дворян составляла всего 25,6%, а среди студентов — 22,8% и продолжала снижаться [1]. Это позволяет констатировать, что Циркуляр «О сокращении ограничении гимназического образования» 1887 г. сыграл роль тормоза в развитии тенденции повышения доступности среднего и высшего образования. Этот «тормоз» отсрочил разработку и реализацию мер по повышению доступности среднего образования примерно на два десятилетия, то есть относительно небольшого по историческим меркам срока. Тем не менее, с учетом общего отставания Российской империи от прогрессивных экономических и правовых тенденций, даже этого небольшого опоздания оказалось достаточно для создания условий наступления роковых для России последствий.

Циркуляр «О сокращении гимназического образования» 1887 г., несмотря на недостаточно определенную правовую природу и относительно небольшое юридическое значение, стал одним из значимых факторов возникновения пагубных государственных катаклизмов, приведших к трем революциям (массовым протестам в 1905 г., а также февральской и октябрьской революциям 1917 г.). Непосредственная причина обретения рассматриваемым Циркуляром исключительного общественного и исторического значения, при относительной незначительности его правовых последствий, стало то обстоятельство, что политические оппоненты Династии Романовых получили беспрецедентный со времен становления крепостного права политический аргумент. Этот аргумент можно сформулировать так: «Ради укрепления своих позиций элита готова принести в жертву не только социальную мобильность, но и научно-технический прогресс, не говоря уже о получившей распространение в Западной Европе идее о создании системы гарантий прав человека».

Однако применение Циркуляра «О сокращении гимназического образования», в отсутствие ясно выраженной воли Императора Александра III, могло быть следствием значимого сбоя в функционировании правовой системы Российской Империи, который во многом предопределившего печальную судьбу как самой Империи, так и ее правящей династии.

Коренной причиной отсутствия ясно выраженной воли Александра III относительно запрета реализации мер, предусмотренных в Циркуляре «О сокращении гимназического образования» 1887г., явилось отсутствие в России конституционно-правовых инструментов, ограничивающих фактическую зависимость эффективной реализации ис-

ключительных полномочий Императора от степени лояльности элитного сословия (дворян). Неограниченные никаким конституционным актом полномочия Императора могли эффективно реализовываться только при наличии высочайшей степени консолидации и лояльности дворянского сословия. При отсутствии парламента, наделенного хотя бы минимальными полномочиями в сфере контроля за правоприменением, эффективность такового полностью зависела от максимального учета интересов дворянского сословия со стороны Императора. Однако комплекс причин применения рассматриваемого Циркуляра, который не являлся нормативным актом и при этом противоречил одному из Законов Империи, не следует сводить только к действию Манифеста Александра III «О незыблемости самодержавия» от 29 апреля 1881 г.

На наш взгляд, важную роль в ограниченном применении Циркуляра о существенном ограничении прав и свобод, без обретения им статуса и юридической силы нормативного правового акта, сыграл такой фактор как отсутствие эффективного отнесения (разграничения) отраслей права и их норм к сфере публичного или частного права. Исходя из Свода законов Российской Империи, сформированного преимущественно в первой половине XIX века комиссией Сперанского, существенная часть норм об образовании не была отнесена ни к одному из разделов Свода, а была издана в качестве самостоятельного сборника в 1863 г. [4, с. 261] [5, с. 41]. Дополнение Свода законов Империи Разделом IX, в котором позднее все же нашла свое отражение часть норм об образовании, не устранило публично-правовую принадлежность данных норм, так как речь шла о принадлежности данных норм к сфере компетенции Министерства народного просвещения, то есть публично-правового ведомства [5, с. 41]. С формально-юридической точки зрения, публично-правовую регламентацию отношений в сфере базового образования следует считать обоснованной. Формально гимназии являлись учреждениями, финансируемыми за счет казны. Казенное финансирование таких учреждений, на первый взгляд, предполагало возникновение естественного права государства на принятие административных решений об определении предпочтительных и непредпочтительных категорий граждан для зачисления в гимназии. Расходование финансовых ресурсов государства на любые цели, в том числе образовательные, должно регулироваться нормами финансового и административного, но никак не гражданского (частного) права. Публично-правовая регламентация предполагает обоснованность восполнения пробелов в актах соответствующего законодательства с помощью ненормативных персонафицированных актов уполномоченных государственных органов, конкретизирующих, в частности, предпочтения государства относительно категорий граждан, подлежащих зачислению в гимназии. Тем не менее, подобные рассуждения

противоречат несформулированному до наших дней, но исключительно значимому принципу формирования национальной правовой системы любого государства – принципу трансформации публичных правоотношений в частные. В гражданском законодательстве современной России данный принцип нашел свое воплощение в таких правовых институтах, субинститутах и категориях, как публичные акционерные общества (ПАО), публичный договор, публичный конкурс. Составляющие этих правовых институтов нашли отражение и в частном праве Российской Империи. Суть принципа трансформации публичных отношений в частные состоит в том, что если в основе того или иного правоотношения лежат условия доступа к материальному благу, адресованные неограниченному кругу лиц, то данное правоотношение может эффективно регламентироваться исключительно с помощью норм частного права. В основе зачисления малолетних граждан Российской Империи в гимназии лежал общественный (публичный) конкурс, направленный, в частности, на выявление одаренных детей с целью освобождения их родителей от оплаты за обучение или взимание платы. Оба названных фактора исключают обоснованность подчинения заинтересованных в образовании лиц ненормативным обязательным предписаниям государственных органов и их должностных лиц. Обусловлено это тем, что ненормативные персонифицированные предписания исключают возможность формирования единообразных условий публичного конкурса, а равно формирования тарифов на обучение. При этом, в отличие от публичного (административного) права, частное право исключает возможность восполнения правовых пробелов посредством принятия (издания) ненормативных персонифицированных актов, позволяя их восполнение исключительно посредством аналогии закона и аналогии права, что обеспечивает единообразие при формировании условий публичного конкурса и тарифов за обучение. Обоснованность и целесообразность регламентации общественных отношений, в основе которых лежит доступ неограниченного круга лиц к определенному материальному благу, создаваемому за счет финансовых ресурсов государства, можно продемонстрировать на примере правового регулирования государственных закупок в наши дни. Государственные закупки осуществляются за счет финансовых ресурсов государства, но регламентируются с помощью норм не административного или финансового, а гражданского (частного) права в силу следующих причин:

- необходимости формирования конкурентной среды с конечной целью экономии бюджетных ресурсов;
- наличие имущественно-стоимостного, а, следовательно, – взаимно-оценочного характера данных отношений [6, с. 7 - 8];
- необходимости противодействия коррупции посредством фор-

мирования единообразных условий доступа к финансовым ресурсам государства.

Все эти признаки без исключения присущи и отношениям, складывающимся по поводу доступа к образовательным услугам с той лишь разницей, что предметом взаимной оценки выступает не предлагаемое участником конкурса имущество для государственных нужд, а способности абитуриента, соискателя, учащегося [6, с. 8]. На первый взгляд, изменение отраслевой принадлежности правовых норм о доступе к образованию не дает существенных преимуществ в разрешении проблемы предотвращения дискриминационных условий зачисления в учреждения образования. При переходе от публично-правового к частно-правовому регулированию рассматриваемых общественных отношений восполнение неизбежных правовых пробелов может иметь место уже не посредством рассылки обязательных или «рекомендательных» предписаний руководителям учреждений образования, а с помощью дискриминационных положений уставов таких учреждений или аналогичных решений их руководителей. Однако в отличие от публично-правового метода частно-правовой метод юридического равенства участников правоотношений позволяет потерпевшей стороне оспаривать дискриминационные положения уставов и решения руководителей учреждений-исполнителей услуг, предоставляемых на платной (возмездной) или конкурсной основе. При этом результативность такого оспаривания зависит от реализации ряда мер правового характера. В любом случае, гражданский иск, а тем более коллективный гражданский иск, предметом которого выступает понуждение к формированию единообразных условий доступа к материальному благу для неограниченного круга лиц, является более действенным инструментом в защите права на доступ к образовательным услугам, чем требование о признании административного акта незаконным, в связи с его несоответствием общеправовым принципам, имеющим исключительно широкие диапазоны для толкования. Оспаривание законности административного акта в силу его несоответствия конкретным нормам конкретного закона во многом зависит от толкования терминов, используемых в оспариваемом административном акте и в законе, которому он предположительно противоречит. Как отмечалось выше административные акты, принятые на основании Циркуляра 1887 г., ограничивали право на образование не по сословному, а по социальному признаку, что осложняло констатацию их несоответствия Закону 1871 г., провозглашавшему отсутствие сословных и вероисповедных цензов для обучения.

Повышение эффективности частно-правового регулирования отношений, складывающихся по поводу доступа граждан к образовательным услугам, достигается посредством наделения таких отноше-

ний публичным статусом, но исключительно в рамках частного права, его метода и принципов. Публичный статус, реализуемый в рамках частно-правовой системы, позволяет вменить в обязанность учреждениям образования, применять единообразные условия доступа к образовательным услугам.

Изложенное не следует рассматривать как констатацию некоего уникального порока в правовой системе Российской Империи второй половины XIX века, который не был свойственен правовым системам других государств того времени. Проблема надлежащей отраслевой принадлежности отношений, складывающихся по поводу доступа к образовательным услугам, до настоящего времени не решена во многих государствах, в том числе и в современной России. Однако именно сочетание сословного характера правовой системы Российской Империи, нашедшего отражение в четвертом разделе Свода ее законов, с публично-правовой регламентацией отношений по поводу доступа к образовательным услугам вызвало правовой диссонанс. В соответствии с ним некий административный запрет на приобретение представителем низшего сословия в собственность или в аренду какого-либо имущества мог бы квалифицироваться как противоправное посягательство, в то время как административный запрет на доступ к образованию граждан низших сословий считался бы действием правомерным... Этот правовой диссонанс и сыграл роковую роль в судьбе Российской империи, продемонстрировавшей значительные успехи в регламентации вещных и обязательственных прав, однако не изжившей сословный характер во многих других сферах. Данный печальный, а точнее трагический опыт, не следует сбрасывать со счетов в наши дни при разрешении проблемы отраслевой принадлежности правоотношений, складывающихся по поводу доступа к образовательным услугам. Безусловно, давно ушла в прошлое проблема ограничения доступа к образовательным услугам по сословному признаку, однако это не исключает возможности установления иных административных барьеров, ограничивающих доступ к образовательным услугам по таким признакам, как их объем и качество, как размер тарифов за обучение и других. Минимизация вероятности таких неблагоприятных для общества правовых явлений может быть достигнута посредством отнесения отношений по поводу доступа к образованию к сфере частно-правового регулирования с элементами публичности.

Список использованных источников

1. Циркуляр о кухаркиных детях от 18 июня 1887 г.// 100 главных документов российской истории [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://doc.histrf.ru/19/tsirkulyar-o-kukharkinykh-detyakh>. - Дата доступа 05.11.2019
2. Полонский, И. Циркуляр о кухаркиных детях: правда и вымысел/ И. Полонский. – Военное обозрение. История/ И. Полонский [Электронный ресурс]. –

Режим доступа : <https://topwar.ru/151658-cirkuljar-o-kuharkinyh-detjah-pravda-i-vymysel.html>. - Дата доступа 05.11.2019.

3. Газгиреева, Л.Х. История педагогики и образования: государственная педагогика России. Монография. Второе издание/ Л.Х. Газгиреева. – 2-е изд. – Москва, Юрайт. – 2019. – 149 с.

4. Чистяков, О.И. Систематизация российского законодательства/О.И. Чистяков// История отечественного государства и права. Часть I: Учебник/ Под ред. О.И. Чистякова. – Москва: Издательство БЕК, 1996. – 368 с.

5. Российское законодательство об образовании XIX – начала XX века: сб. документов: в 3 т. / ред.-сост. Э. Д. Днепров; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — Москва: Дом Высшей школы экономики, 2017. – Т. I. – 832 с.

Гражданское право: учеб.: в 2 ч.– 3-е изд., перераб. и доп. / Н.Д.Егоров [и др.]; под ред. А.П.Сергеева, Ю.К.Толстого.– М.: Проспект, 1998.– Ч. 1.– 632 с.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРНИНЫ

Ю.И. МИХНОВЕЦ

**ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЛАДИМИРА ДАНИЛОВИЧА
СПАСОВИЧА В ПЕРИОД ВЕЛИКИХ РЕФОРМ В РОССИИ**

Y. MIKHNOVETS

**LIFE ACTIVITIES OF VLADIMIR DANILOVICH SPASOVICH
DURING THE PERIOD OF GREAT REFORMS IN RUSSIA**

В статье рассматриваются аспекты жизнедеятельности и формирования гражданской позиции, а так же общественной деятельности В.Д. Спасовича в контексте эпохи Великих реформ в России.

The article describes aspects of V.D. Spasovich's life activities, development of his civic position and his public work in terms of Great reforms in Russia.

Ключевые слова: общественность, прогресс, университет, реформа.

Keywords: Civil Society, Progress, University, Reform

Владимир Данилович Спасович уроженец Беларуси (годы жизни 1829-1908 гг.) - родился 16 января 1829 г. в г. Речице Минской губернии, в наше время Гомельская область. Начальное образование получил в Минской гимназии, которую окончил с золотой медалью в 1845 г. В 1849 г. окончил юридический факультет Петербургского университета.

Жизнедеятельность и гражданские позиции Спасовича В.Д. формировались в период «великих реформ» под влиянием «людей 1840-х годов», среди которых особенную роль отводил яркой личности ученого и общественного деятеля К.Д. Кавелина [1].

Непосредственно по рекомендации К.Д. Кавелина в 1857 г. В.Д. Спасович начал свою преподавательскую деятельность, а в 1860 г. после успешной защиты диссертации возглавил кафедру уголовного права в качестве профессора. Выводы его магистерской терской диссертации легли в основу международного парижского конгресса 1856 г. Парижский конгресс положил начало новому периоду европейских международных отношений, что не могло не оказать влияния на развитие международного права в целом. Наиболее важную роль в основе международного права сыграла Парижская декларация в отношении международного морского права именно в нее, и вошли основные выводы и положения магистерской диссертации В.Д. Спасовича[2].

В.Д. Спасович - оратор огромной эрудиции, большой художник,

глубокий знаток истории и литературы. Был очень требователен к себе и коллегам по работе. Речи свои отработывал в мельчайших подробностях. Они поражают силой чеканного слова, богатством языка и глубиной мысли, умелым использованием сравнений. В его речах никогда не встретишь напыщенных фраз, стиль их прост, доходчив. Свои речи строил всегда в строгом логическом порядке, широко и умело используя богатство русского языка.

Касаясь ораторского творчества Спасовича, следует отметить, что из замечательной плеяды дореволюционных адвокатов никто так умело и широко не пользовался научными знаниями, как Спасович. Глубокие, поистине энциклопедические знания были его могучим оружием в судебном поединке.

В период преподавания читал курс лекций «о теории судебно-уголовных доказательств в связи с устройством и судопроизводством».

В.Д. Спасович пользовался огромным авторитетом среди студентов. Доказательством информативности, глубины и оригинальности лекций Владимира Спасовича служат студенческие воспоминания одного из правоведов России, его младшего современника А.Ф. Кони: «Сложные понятия о преступлении и наказании развивались ярко и понятно часто художественно и всегда с той широтой, которая дает уголовному праву основание называться наукой, а не сбором теоретических положений, чуждых жизни и подчас тяжелых для совести человека» [3, с. 111].

В лекциях Владимира Спасовича прослеживался призыв – напутствие студенчеству в будущей деятельности, связанные с приближением эпохи «великих реформ».

Не ограничиваясь этим, молодой профессор вступил на путь их практической подготовки. Он вошел в состав ученого комитета при Главном управлении училищ, совместно с ведущими специалистами профессоры участвовал в подготовке университетской реформы. В.Д. Спасович последовательно отстаивал базовые принципы университетской автономии и выступал за развитие институтов самоуправления. В частности, он предлагал «отменить все статьи, за запрещающие студенческие общественные учреждения и собрания» [3, с. 147-158].

В 1861 г. в знак протеста против репрессий над участниками студенческих волнений и давления на профессию, вместе с ректором П.А. Плетневым и четырьмя профессорами Петербургского университета Владимир Спасович оставил преподавательскую деятельность. Этот акт «гражданского мужества» (Н.В. Шелгунов) нашел в обществе широкий резонанс. Впоследствии, в своих воспоминаниях Владимир Спасович отмечал, что лучшая профессия, которая ему «по душе» - это профессорство «по призванию» [3, с. 84]. Однако Владимир Спасович не являлся сторонником аудиторной системы просвещения, он стре-

мился сделать научные знания и образование достоянием широкой общественности, стоял во главе ряда профессиональных кружков и, по мнению современных специалистов, был одним из основоположников российского юридического общества. Так с 1860 г. В.Д. Спасович практиковал регулярные чтения публичных лекций, тем самым расширяя свою аудиторию путем опубликования основных материалов в периодике. Таким образом, опыт журнального варианта курса лекций «Новое направление в науке уголовного права» в октябрьском номере «Вестника Европы».

С 1850 г. В.Д. Спасович пристально следил за подготовкой судебной реформы, в 1884 г. выступал с идеями законодательного утверждения и введение в практику судопроизводства принципов независимости суда от администрации, несменяемости судей, гласного устного и соревновательного судопроизводства, а так же равенства граждан перед законом. Важную роль он отдавал нравственным качествам участников судебного процесса и самой судебной этике, вывел формулы деятельности вышеуказанных участников суда и необходимые им свойства и характеристики [4, с. 71].

Особое внимание В.Д. Спасович обращал на развитие свободной прессы, журналистики и издательского дела как инструмента и важного условия формирования гражданского общества. С 1871 г. он выступал защитником в ряде процессов, связанных с деятельностью редакций отдельных периодических изданий, поднимал вопрос о свободе литературной деятельности, авторского права и литературной собственности («Вестник Европы» июнь 1974 г.) С конца 1860 г. он входил в редакционное ядро журнала «Вестник Европы».

С 1976 г. он издавал ежемесячный журнал «Athenaeum», выходящий в Варшаве.

В.Д. Спасович известен как «первый адвокат Петербурга» ещё его называли «король российской адвокатуры», одаренный юрист, известный своими теоретическими работами в области уголовного права и уголовного процесса, гражданского и международного права, он участвовал в крупнейших политических процессах своего времени, так же был известен как прогрессивный правовед, публицист литератор, как в русской, так и в польской литературе.

В.Д. Спасович ярко проявил себя как лучший из присяжных поверенных своего времени, чье имя навсегда уже вошло в историю адвокатуры. Вступив в состав присяжных поверенных Петербургского судебного округа 31 мая 1866 г. он официально начал свою адвокатскую деятельность. Знаковой страницей в его профессиональной деятельности стало участие в политических процессах 1870-1880-х гг. На этих процессах Владимир Спасович стоял на стезе защиты прав человека. С 1866 по 1895 г. Спасович В. Д. участвовал в 13 крупных процессах,

имевших широкий общественный отклик, среди них были наиболее значительные судебные политические разбирательства пореформенной эпохи: процессы нечаевцев, долгушинцев, польской партии «Пролетариат», «дело о Германе Лопатине («дело 21-го»)», «193-х», «50-ти», «14-ти», «17-и», «22-х», «20-ти», и других [6, с. 188].

Во время участия в судебном заседании В.Д. Спасовича в зале суда разворачивалось драматическое противостояние судебной системы царизма, и молодых радикалов, которых, выстраивая продуманную и вариативную стратегию защиты, «Король адвокатуры» пытался спасти от репрессивных судебных наказаний. В ходе этих процессов он стремился последовательно привить ростки гуманизма правовых отношений на гражданскую почву обновлявшейся России, а так же преодолеть крайние политические позиции в политическом спектре современного ему конфликтного общества

Ярко и убедительно проявив себя на политических судах, лидер Российской адвокатуры приобрел большую известность и авторитет в передовых общественных кругах России.

Отдав адвокатской деятельности 40 лет своей жизни, Спасович всегда сочетал эту работу с литературной и научной деятельностью. Десять томов его собраний сочинений посвящены самым разнообразным отраслям знаний. Здесь исследования, посвященные вопросам права, крупнейшими из которых являются "О праве нейтрального флота и нейтрального груза", "Об отношениях супругов по имуществу по древне-польскому праву" и ряд работ, посвященных гражданскому праву.

Большим вкладом в науку является разработанная им теория судебно-уголовных доказательств, теория взлома, большое количество работ по вопросам уголовного права и процесса.

Следует также отметить ряд блистательные содержательные и глубоко продуманные критические, литературно-публицистические статьи о Гамлете, о предшественниках Байрона, о байронизме у Пушкина, Лермонтова и Мицкевича, статьи посвященные разбору творчества русских и западных писателей: творчеству Пушкина, Лермонтова, Мицкевича, Сенкевича, Байрона, Гёте, Шиллера, Шекспира. Критические очерки В. Д. Спасовича печатались в основном в «Вестнике Европы», и все они, как и другие его труды и главные судебные речи, вошли в состав полного собрания его «Сочинений», которому предшествовал сборник статей и речей: «За много лет» (1879).

Литературные труды В. Д. Спасовича свидетельствуют о большом таланте и многогранности его интересов. Деятельность этого замечательного юриста оставила яркий след в истории дореволюционной русской адвокатуры.

В конце жизни В.Д. Спасович так сформулировал свое гражданское

кредо: «За всякий прогресс, но легальный, за всякую эволюцию, но не революцию, за установление порядка по соглашению всех партий на арене парламента – без кровопролития и убийств». В этом отношении находился на передовом рубеже в борьбе за базовые принципы правового государства и развития гражданского общества, прав и свобод личности [7, с. 7].

Список использованных источников

1. Троцкий, Н.А. Спасович Владимир Данилович (1829-1906) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://secrethistor.ru/424-spasovich-vladimir-danilovich-1829-1906/fhtml/> - Дата доступа: 05.07.2019.
2. Владимиръ Спасовичъ. О правахъ нейтрального флага и нейтрального груза. – С.-Пб, 1851 [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://naukaiprava.ru/catalog/411/414/4062/25103?view=1>. – доступа: 05.07.2019.
3. Кони, А.Ф. Собрание сочинений в восьми томах. Том 5/ под ред. В.Г. Базанова. – М.: Юридическая литература, 1968 – 534 с.
4. Эймонтова, Р.Г. Университетский вопрос и русская общественность в 50-60-х годах XIX в. / Р.Г. Эймонтова // История СССР. – 1971. - № 6. – С. 144 – 158.
5. Спасович, В.Д. Застольные речи (1873-1901 г.) / под ред. Э.Л. Каспровича. – Лейпциг: типография Ф.А. Брокгауза, 1903. – 104 с.
7. Троцкий, Н.А. Царизм под судом прогрессивной общественности: 1866-1895 г. / Н.А. Троцкий. – М.: Мысль, 1979. – 350 с.
8. В служении Фемиде и обществу: страницы жизни и деятельности В.Д. Спасовича : сборник научных статей редкол.: И.И. Эсмонтович (гл. ред.) [и др.] ; М-во образования Республики Беларусь, Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2016. – 77 с.

Е.В.ПАРУКОВА

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНВЕСТИЦИЙ
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ С НАЧАЛА XIX В.

E.PARUKAVA

HISTORY OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF
INVESTMENTS IN THE RUSSIAN EMPIRE FROM THE BEGINNING
OF THE XIX CENTURY

В статье в историческом аспекте исследован вопрос становления и развития инвестиций в Российской империи с начала XIX в. С позиции хронологии выделены и изучены с определением основных особенностей три периода развития инвестиционной деятельности в рассматриваемый период. Проведен ретроспективный анализ, в рамках рассматриваемого периода правовых форм осуществления инвестиций. Выделены основные проблемы законодательного регулирования инвестиционной деятельности и пути их совершенствования.

In an article in historical perspective investigates the formation and development of investments in the Russian Empire since the early nineteenth century. From the standpoint of chronology selected and studied with determination of the main features of three periods of development of investment activity in the reporting period. A retrospective analysis of the legal forms of investment was carried out within the period under review. The main problems of legislative regulation of investment activity and ways of their improvement are highlighted.

Ключевые слова: исторический анализ, становление, развитие, инвестиции, инвестиционная деятельность, договор, концессия, способы осуществления инвестиций, законодательное регулирование инвестиций, проблемы правоприменения

Keywords: historical analysis, formation, development, investments, investment activity, contract, concession, methods of investment, legislative regulation of investments, problems of law enforcement

Хронологические рамки становления правового регулирования инвестиционной деятельности условны. Однако границами разделения послужили переломные моменты в развитии инвестиционной деятельности, вызванные проявлением общегосударственных, экономических, социально-политических и иных процессов в обществе. Процессы развития инвестиционной деятельности имеют циклический характер, причем каждому из периодов присущи отличающиеся социально-экономические особенности.

С позиции хронологии возможно выделить три периода развития инвестиционной деятельности:

I – дореволюционный: со II половины XVIII в. до 1917 г.;

II – советский: с 1917 г. по 1991 г.;

III – современный: с 1991 г. по настоящее время [1, с. 37].

Выделение отдельных периодов является во многом результатом суждений, которые основываются на оценке и понимании процессов, происходящих в обществе.

До второй половины XVIII столетия чрезвычайными финансовыми ресурсами для Российского правительства служили преимущественно реквизиции, принудительные займы у монастырей и частных лиц. При этом традиции инвестирования в национальную экономику поддерживались на самом высоком уровне.

В 1763 г. императрицей Екатериной II было приобретено двадцать акций только что разрешенной ею акционерной компании по торговле на Средиземном море. Следуя примеру правителей, инвестированием в национальную экономику занялись и отечественные инвесторы. С 1830-х гг. к покупке отечественных фондовых ценностей активно общались все сословия. Самыми крупными участниками дореволюционной инвестиционной деятельности являлись помещики [2, с. 55].

В дальнейшем Александр I, а также члены его семьи стали акционерами Русско-Американской компании. И с тех пор члены императорской фамилии активно стали вкладывать деньги в отечественный бизнес, подавая пример своим подданным [1, с. 37]. После реформ Александра II, которые во многом отменили архаичные пережитки феодализма, в Российской империи начался настоящий инвестиционный бум. В числе основных можно назвать комплекс преобразований в сфере собственности на землю, снятие запретов на предпринимательскую деятельность, на транспорте, в промышленности, сельском хозяйстве, строительстве, страховом и банковском деле, либерализации правил ведения внешнеэкономической деятельности негосударственными предприятиями, допущение иностранного капитала во внутреннюю экономику, введение местного самоуправления, совершенствование системы образования.

До 50-х гг. XIX в. финансовый рынок был монополизирован казенными банками. Благодаря деятельности банков свободные капиталы покидали рынок, формировали ресурсы данных кредитных учреждений и направлялись в долгосрочные ссуды дворянству и Государственному казначейству [1, с. 39].

В результате углубления и качественного развития рыночных отношений в экономике начался процесс демонополизации рынка капиталов. На нем появились новые субъекты, которые предъявляли спрос на инвестиции. Ими стали акционерные общества в разных отраслях и прежде всего в сфере транспорта, в частности Главное общество российских железных дорог.

У иностранной денежной буржуазии в то время резко снизилась заинтересованность в предоставлении кредитов под обязательства Рос-

сийского правительства, престиж которого сильно поколебался из-за поражения страны в Крымской войне. Многие иностранные предприниматели желали делать инвестиции непосредственно в экономику России, причем вкладывать капиталы в конкретные доходные акционерные общества с участием российских учредителей, внушающих им доверие.

Николай I, боявшийся проникновения с Запада демократических тенденций, отгородил Россию от внешнего мира «железным занавесом» сделав ее недоступной для иностранных инвестиций. Александр II открыл границы для иностранных капиталов, для которых в стране была создана надежная система защиты. В Российскую империю устремились западные капиталы и специалисты, товары, технологии.

Новая денежная система России, созданная в результате реформы 1895-1897 гг., отвечала интересам дальнейшего развития рынков товаров, труда и капиталов. Рыночное хозяйство страны получило устойчивую золотую валюту и бумажные денежные знаки, равнозначные золоту и свободно размениваемые на этот металл. Реформа явилась крупным прогрессивным мероприятием Российского правительства. Новая денежная система вызвала еще больший прилив иностранного капитала. Зарубежные инвесторы получили возможность извлекать прибыль на вложенный капитал в устойчивой валюте – конвертируемом рубле.

После промышленного подъема 90-х годов XIX в. в России разразился острейший денежный кризис. В связи с резко возросшим дефицитом свободных капиталов, ростом спроса на деньги сильно упал курс многих ценных бумаг, обанкротился ряд банков, значительно сократился объем кредитования [3, с. 13].

Отличительной чертой рассмотренного периода явилось широкое использование государственного кредита в производительных целях. Правительство различными способами поддерживало как отечественные, так и иностранные инвестиции. Это проявлялось в существовании системы государственных гарантий, поддержке ипотечного кредитования и т.д.

Второй – Советский – период развития инвестиционной деятельности продолжался с 1917 г. по 1991 г. С приходом к власти большевиков система частного инвестирования была полностью уничтожена, так как все решения принимались государственными органами.

В советское время, особенно до 1970-х гг., государство не допускало появления свободных денег у подавляющей массы населения. Учитывая сложившиеся обстоятельства, советское правительство выдвигало концессию как компромисс, который мог предоставить иностранному предпринимателю необходимые гарантии в форме договора на эксплуатацию конкретного промышленного предприятия, а государству – необходимые капиталы для восстановления и развития промышленности.

Первые официальные предложения концессий были сделаны 14 мая 1918 г. США и 15 мая 1918 г. – Германии. В эти же дни был рассмотрен

вопрос о концессиях и признании необходимости участия иностранного капитала в разработке отечественных ресурсов страны. С этого момента стали постепенно определяться конкретные государственно-правовые основы будущей концессионной политики.

В первые годы новой экономической политики были реальные возможности для привлечения иностранного капитала: советское руководство заявляло о желании сдавать национализированные предприятия в концессию, и многие из иностранных фирм, в том числе, самые крупные, были готовы откликнуться на эти декларации.

Новая экономическая политика занимает в историческом развитии Советского государства важное место. Одним из признаков этой политики являлось развитие концессий, особой формы государственной аренды, т.е. предоставление иностранным предпринимателям права эксплуатировать и строить предприятия на территории Советского государства, а также разрабатывать земные недра, добывать полезные ископаемые и т.д. Концессионная политика преследовала цель привлечь в экономику страны иностранный капитал, то есть инвестиции.

В 1920-е гг. до 95% советских промышленных предприятий получали западную техническую помощь, которая помогла достаточно быстро восстановить многие отрасли экономики. Но как только зарубежное оборудование и технологии осваивались нашими специалистами, Советское правительство разрывало договоры о концессиях и других формах сотрудничества с иностранными партнерами.

Несмотря на бурное развитие рыночных отношений, в годы новой экономической политики сохранялось жесткое государственное регулирование экономических процессов.

Главным приоритетом в экономической жизни страны в тот период являлось восстановление и интенсивное развитие крупной промышленности, которая рассматривалась как основная опора Советской власти и как источник укрепления обороноспособности, но для ее развития нужны были огромные средства.

В мае 1918 г. Советское правительство рассмотрело вопрос о концессиях и признало участие иностранного капитала в разработке отечественных ресурсов страны. С этого момента стали постепенно определяться конкретные государственно-правовые основы будущей концессионной политики.

Основные условия привлечения иностранного капитала в советскую промышленность на концессионной основе разрабатывались на протяжении 1918-1920 гг. Эта работа завершилась принятием 23 ноября 1920 г. декрета Совета народных комиссаров «Об основных экономических и юридических условиях концессий».

В Декрете говорилось о намерении заключить концессионные договоры не вообще с кем-либо, а с заслуживающими доверия иностранными промышленными обществами и организациями.

Концессионная политика проводилась специальными органами советского государства. В 1922 г. были созданы Концессионный Комитет при Госплане и Комиссия по смешанным обществам при Совете труда

и обороны (СТО). В 1923 г. их объединили в Главный концессионный комитет при СНК СССР. Концессионный комитет разрабатывал проекты концессионных договоров. Договор концессии означал договор на аренду определенного государственного имущества (участка земли, строений, дорог, шахт, оборудования и т.д.) с целью организации на средства иностранного предпринимателя производства какой-либо продукции.

Несмотря на острый дефицит ресурсов, в СССР не были созданы условия для нормального функционирования иностранного капитала. Декларируемые правительством основные условия на самом деле зачастую оказывались не более чем заявлениями, иногда просто безответственными. В силу подобной политики концессионные договоры не получили своего дальнейшего развития, и к 1937 г. все концессионные договоры были аннулированы. Сказывалось и крайне тяжелое экономическое положение в 1921-1922 гг., разруха, неурожай, высокая инфляция. В такой обстановке заключать многолетние концессионные соглашения можно было только на трудных для страны условиях. Их можно было бы улучшить при оздоровлении экономики за счет собственных усилий. Но когда такое оздоровление наступило, и весной 1924 г. была успешно завершена денежная реформа, возникло своеобразное «головокружение от успехов». У руководства появилась уверенность, что можно будет за счет внутренних источников решить и другую сложную задачу – обновление основного капитала.

С конца 1920-х и до 1980-х годов официальное отношение к иностранному капиталу в СССР изменилось на крайне отрицательное. Фактически после периода новой экономической политики от инвестиций (в классическом их понимании) в целом и от иностранных инвестиций в частности государство отказалось. Термин «инвестиции» практически не использовался. Базисным понятием деятельности, ныне понимаемой как инвестиционная, являлось понятие «капитальные вложения». Впоследствии термин «инвестиции» получил более широкое распространение, однако использовался преимущественно для обозначения капитальных вложений, в первую очередь, в материальные активы [4, с. 17].

В качестве правовой формы осуществления инвестиций (капитальных вложений) использовался договор подряда на капитальное строительство. Под таким договором понимался «плановый договор, заключенный между социалистическими организациями, в силу которого одна сторона, подрядчик, обязуется построить и в установленный срок отдать предусмотренный планом объект, а другая сторона, заказчик, обязуется оказывать возложенное на нее содействие строительству, принять и оплатить выполненные строительные работы» [5, с. 435].

Таким образом, следует констатировать, что в советский период после новой экономической политики первоочередной интерес вызывали именно реальные инвестиции. При этом инвестиции не включали в себя иностранные инвестиции, привлечение которых было невозможно.

В конце 1980-х гг. в процессе разгосударствления экономики инвестиции стали пониматься шире не только с точки зрения направленности инвестиций на реальные или финансовые инструменты, но и в плане привлечения иностранного элемента. К иностранным инвестициям вернулись как к одному из серьезных ресурсов для «подпитки» экономики страны. При этом именно с него и началась смена основополагающих отечественных подходов к вложению капитала, что в скором времени привело к глобальным реформам в области экономики, в том числе в отношении инвестиций.

Анализируя развитие инвестиционной деятельности в независимой Республике Беларусь, можем отметить, что она прошла следующие этапы:

- становление инвестиционного законодательства (1991-2000) в соответствии с п. 2 ст. 1 Закона Республики Беларусь «Об инвестиционной деятельности в Республике Беларусь» от 29.05.1991 г. № 824-XII под инвестиционной деятельностью понималась совокупность практических действий граждан, юридических лиц и государства, направленных на расширенное воспроизводство основного и оборотного капитала с целью удовлетворения потребностей общества и каждого его члена на основе привлечения и вложения всех видов имущественных и интеллектуальных ценностей в хозяйственно-коммерческие, научные, культурные, благотворительные и любые иные предприятия и проекты, цели которых не противоречат законодательству Республики Беларусь [6];

- развитие инвестиционного законодательства на основе кодификации (2001-2003) в соответствии со ст. 2 Инвестиционного Кодекса Республики Беларусь от 22.06.2001 г. № 37-3 под инвестиционной деятельностью понимались действия юридического лица, и (или) физического лица, и (или) государства (административно-территориальной единицы государства) по вложению инвестиций в производство продукции (работ, услуг) или их иному использованию для получения прибыли (дохода) и (или) достижения иного значимого результата [7];

- развитие и совершенствование инвестиционного законодательства (с 2004 г. – по 2013 г.) в соответствии со ст. 2 Инвестиционного Кодекса Республики Беларусь (в редакции Закона Республики Беларусь от 05.08.2004 г. № 313-3) под инвестиционной деятельностью понимались действия инвестора по вложению инвестиций в производство продукции (работ, услуг) или их иному использованию для получения прибыли (дохода) и (или) достижения иного значимого результата;

- современный этап согласно Закону Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 53-3 «Об инвестициях» [8] понятие «инвестиционная деятельность» отсутствует, но раскрывается через понятия «инвестиции» и «способы осуществления инвестиций».

В 2013 г. вместо ранее действовавшего Инвестиционного кодекса Республики Беларусь, содержавшего положения об инвестициях и концессиях, был принят Закон № 53-3, а также Закон Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 63-3 «О концессиях» [9], который был

призван усовершенствовать правовое регулирование отношений по представлению объектов государственной собственности и создать дополнительные стимулы для привлечения инвестиций. Тем не менее, на сегодняшний день институт концессии остается одним из самых малоизученных в Республике Беларусь, что влечет за собой комплекс проблем правоприменения, что, в свою очередь, с неизбежностью приводит к снижению уровня инвестиционной привлекательности Республики Беларусь и, как следствие, снижению уровня экономического развития страны в целом.

Так, несмотря на закрепление в Законе № 53-З в качестве одного из способов осуществления инвестиционной деятельности в Республике Беларусь концессии, в науке зачастую встречается мнение о выделении концессии как отдельного вида или формы осуществления инвестиционной деятельности, которое, несомненно, заслуживает внимания и требует детального изучения и соответствующей правовой регламентации.

Список использованных источников

Инвестиции : учебник для вузов / под ред. Л.И. Юзвович, С.А. Дегтярева, Е. Г. Князевой. – Екатеринбург : Изд-во Урал, ун-та, 2016. – 543 с.

Бочаров, В. В. Инвестиции. Учебник для вузов / В. В. Бочаров. – СПб.: Питер 2009. – 384 с.

Акопян, В. М. Становление и развитие системы инвестиционного анализа в мировой практике / В. М. Акопян // Аудит и финансовый анализ. – 2011. – № 4. – С. 11-15.

Кропотов, Л. Г. Очерк истории правового регулирования инвестиционной деятельности в России / Л. Г. Кропотов // Вестник СПбГУ. – 2011. – Сер. 14. – № 3. – С. 16-23.

Иоффе, О. С. Обязательственное право / О. С. Иоффе. – М.: Юридическая литература, 1975. – 880 с.

Об инвестиционной деятельности в Республике Беларусь : Закон Республики Беларусь от 29 мая 1991 г. № 824-ХІІ : утратил силу Кодексом Респ. Беларусь от 22 июня 2001 г. № 37-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

Инвестиционный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 22 июня 2001 г. № 37-З : утратил силу Законом Респ. Беларусь от 12 июля 2013 г. № 63-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

Об инвестициях : Закон Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 53-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

О концессиях: Закон Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 63-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

Р.А. РОМАШОВ, Е.А. ПЕТРОВА

«РУССКИЙ ПУТЬ»: ОТ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
К РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

R.A. ROMASHOV, E.A. PETROVA

«RUSSIAN ROUTE»: THROUGH THE RUSSIAN EMPIRE TO THE
RUSSIAN FEDERATION

В статье рассматриваются этапы эволюция государственного и общественного строя России от империи к федерации. Выделяются основные постулаты русского (российского) империализма. Указываются ценностные установки политики советского государства, конституционной по форме и имперской по сущности. Делается вывод, что Россия на современном этапе фактической империей быть перестала, но вместе с тем на государственном уровне сохранила определенные имперские амбиции, препятствующие формированию союзного государства с равными в своих правовых статусах субъектами.

In the article the stages of the Russian state and social systems evolution through the Empire to the Federation are analyzed. The basic postulates of Russian imperialism are distinguished. The values of the Soviet state policy, constitutional in form and imperial in essence, are indicated. It is concluded that Russia at the present stage has ceased to be an Empire "de facto". But at the same time at the state level Russia has retained certain imperial ambitions that prevent the formation of a union state with equal subjects.

Ключевые слова: российская империя, Российская Федерация, советское государство, федерализм, история российского государства.

Key-words: Russian Empire, Russian Federation, Soviet state, federalism, Russian state history.

Становление России как имперского государства целесообразно рассматривать в двух исторических контекстах. При этом не имеет смысла привязываться к формальным названиям российского государства, в которых отражались не столько политико-правовые аспекты, сколько идеологические установки и «предпочтения» представителей высшей государственной власти на соответствующих этапах российской истории.

В качестве первой идейно-теоретической модели русской импе-

рии следует рассматривать религиозно-политическую концепцию «Москва - третий Рим», ставшую идеологической основой формирования централизованного московского царства. По мнению авторов концепции, Россия является правопреемником Римской империи как родоначальницы истинной веры - православного христианства. Рим, а за ним Константинополь не смогли сохранить православие, что, в свою очередь, обусловило разрушение этих великих империй. России предначертано стать последним оплотом православного христианства («Два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти»), а русской империи уготована миссия сохранения и распространения православия по всему миру.

Парадоксально, но «выхолащивание» собственно имперской идеи российской монархической государственности связано с политикой Петра I, по образному выражению, «прорубившего окно в Европу». Самопровозглашение Русского царства в 1721 г. как империи имело основной задачей встроиться в систему европейских государств и приобщиться к европейской культуре. «Благодаря Петру за короткий срок Россия превратилась из патриархальной, изолированной страны в сильное государство, став европейской супердержавой, на равных соперничая с Англией и Францией» [1]. Обратной стороной медали было то, что Россия становилась «одним из многих» представителей европейского конгломерата, отказываясь тем самым от мессианской роли государства имперского/вселенского типа. Более того, фактически российская культура признавалась слабейшей по отношению к западноевропейской. В процессе культурного сближения отечественный опыт византийского влияния насильственно дополнялся опытом Запада [2, с.181].

Провозглашая себя европейской империей, Россия, по сути, предпринимала попытку «уравнять» свой политический статус со Священной Римской империей германской нации, которая с одной стороны, позиционировала себя как прямое продолжение античной Римской империи и франкской империи Карла Великого, а с другой стороны, никогда не являлась единым государством.

Русский (российский) империализм базировался на трех основных постулатах:

- патримониальной (собственнической) власти императора над страной и народом (подданными);
- первичности русского (православного) народа по отношению к инородцам (иноверцам);
- первичности православия как государственной религии по отношению к допустимым религиям.

Православие, являясь государственной религией, выступало в качестве «скрепы», своего рода национальной идеи, объединяющей в

неразрывное целое абсолютную власть русского императора, не подотчетного в своей деятельности никому, кроме собственной совести и Бога, и покорную терпеливость, готовность к самопожертвованию ради «царя-батюшки, земли и веры православной» русского народа.

Революционные события 1917 г., уничтожив российскую монархию и неразрывным образом связанное с ней русское имперское государство, вместе с тем обусловили возникновение новой империи - СССР. Причем в отличие от Российской Империи, Советский Союз являлся империей не в формальном, а в сущностном понимании. Прежде всего на официальном уровне получила закрепление идеологическая конструкция, в рамках которой утверждалась дифференциация эксплуататорского и социалистического государства и права. «Социалистическое государство - государство нового, высшего типа, принципиально отличающееся от эксплуататорских государств. Оно... решает задачу ликвидации эксплуататорских классов и построения бесклассового коммунистического общества» [3, с.10].

Формирование во второй половине XX в. мировой системы социализма, противопоставляемой капиталистическому строю, означало фактическое разделение мироустройства между двумя империями - социалистической (советской, восточной) и капиталистической (западной). Каждая из империй в равной степени претендовала на гегемонию в мировом управлении.

Политика советского государства, являясь конституционной по форме и имперской по сущности, основывалась на следующих ценностных установках:

- отмене сословной структуры общества и частной собственности; провозглашении принципа уравнительной справедливости, как в хозяйственной (экономической), так и в политической сферах;

- переходе от религиозного плюрализма (в Российской империи православие являлось государственной религией, остальные религиозные направления рассматривались в качестве допустимых) к идеологическому монизму: коммунистическая идеология объявлялась единственно истинной, а коммунистическая партия на конституционном уровне признавалась «руководящей и направляющей силой» государства и общества;

- уравнивании титульной нации (русских) с другими нациями и народностями, населяющими СССР. Объявлялось о создании единой многонациональной общности - советского народа (Конституция СССР 1977 г.). Вместе с тем государственное устройство СССР осуществлялось по национальному признаку путем образования союзных национальных республик. Еще один парадокс: ни в Российской Империи, ни в Советском Союзе, ни в Российской Федерации не было и нет русской национальной автономии. Получается, что собственно

«интернациональными» россиянами на всех этапах российского политогенеза являлись и являются именно русские.

Распад СССР есть ни что иное, как «гибель» советской империи. «Новая» Россия объявила себя правопреемницей как СССР, так и Российской Империи. Таким образом, на уровне государственной пропаганды (не путать с государственной идеологией) проявляется тенденция объединения трех взаимоисключающих циклов (имперского, советского, постсоветского) в единую линейную историю «многовековой великой» России. Возникает логичный вопрос: можно ли на рациональном прагматическом уровне говорить о сохранении политико-правовой формы и сущности современного российского государства – Российской Федерации. Ответить однозначно на этот вопрос нельзя.

Анализ текста действующей конституции позволяет говорить о том, что в стране формируется система конституционного федерализма, основанная на целевых и ценностных установках западных демократий. По мнению одного из авторов Конституции России 1993 г. С. Шахрая: «Конституция - это способ, которым одна общественная система порождает другую общественную систему» [4, с.13]. Признание человека, его прав и свобод основной ценностью означает приоритет индивидуальных прав по отношению к публичным. Однако на практике говорить о реальном уважении к правам человека со стороны государства, можно с очень большими оговорками. То же самое следует отметить в отношении народа как носителя государственной власти, равно как и принципа разделения властей. «Включение в конституцию демократических принципов гражданского общества и правового государства, федерализма, разделения властей и прав личности в модернизирующихся обществах, - отмечает А.Н. Медушевский, - еще не ведет к их реализации и, более того, сталкивается с серьезными проблемами, главная из которых – неэффективность многих новых норм» [5, с.302]. На всех этапах государственной истории России публичная власть строилась по принципу вертикальной иерархии («вертикаль власти»), «замкнутой» на личности главы государства. При этом не имеет большого значения официальное наименование соответствующей государственной должности. Само слово «император» в переводе с латинского означает «властитель». В таком функциональном понимании императорами как носителями исключительных властных полномочий («имперо», прерогатив) являлись и являются все российские верховные правители, не зависимо от их титулатуры [6, с.61].

Рассматривая социальную структуру современной России, следует констатировать, что от Советского Союза Российская Федерация унаследовала «национальную уравниловку». То, что многонациональный советский народ сменил название на многонациональный россий-

ский, практически ничего не меняет. Получается, что в Российской Федерации с юридической точки зрения равны в правах (но не обязанностях) русские, составляющие 80% российского населения и адыгейцы (0,091%) или алеуты (0,0004%). Так же как и в СССР, в Российской Федерации право на политико-территориальную автономию закреплено только у представителей «не русских» национальных групп. Такое «равенство» в советской империи основывалось на интернациональной коммунистической идеологии, девизом которой было известное «пролетарии всех стран соединяйтесь». В настоящий момент в России отсутствует и единая государственная идеология, и государственная религия. В сложившейся ситуации разговоры об общей национальной идее носят беспочвенный характер. Нельзя говорить об общей истории единого народа одновременно с выделением национальных субъектов, претендующих на обособленное место в системе российской государственности и, следовательно, на собственную не совпадающую с «русской» историю и культуру.

Таким образом, Россия на современном этапе фактической империей быть перестала (в отличие, например, от США). Вместе с тем на государственном уровне сохраняются имперские амбиции, связанные с попыткой диктовать свою волю и навязывать собственное видение мирового порядка международному сообществу. Особенно явно это видно в отношениях России со странами постсоветского пространства, включенными в «сферу российского влияния». Не подкрепленные ни материально, ни идеологически, эти амбиции приобретают деструктивное значение и серьезным образом препятствуют продвижению страны от единой в своем социальном и административно-территориальном устройстве «русского мира» - Российской империи в направлении формирования союзного государства, объединяющего равных в своих правовых статусах субъектов, - Российской Федерации. От преодоления данных «препятствий» во многом зависит и вектор развития российского федерализма.

Список использованных источников

Карнаухов С. Северная война. Провозглашение империи // http://mytutor.spb.ru/history_material/212.html.

Нуздрач Ю.В. История российского конституционализма IX – XX веков. СПб., 2004.

Основы советского государства и права / под ред. М.П. Каревой, Г.И. Федькина. М., 1956.

Шахрай С.М. О Конституции: Основной закон как инструмент правовых и социально-политических преобразований. М., 2013.

Медушевский А.Н. Теория конституционных циклов. М., 2005.

Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 2004.

Н.С. РЯЗАНОВ

**РАЗВИТИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ОБЛАСТИ
ТРАНСПОРТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В XIX ВЕКЕ – НАЧАЛЕ XX В.**

N.S. RYAZANOV

**THE DEVELOPMENT OF CRIMINAL LEGISLATION ON
RESPONSIBILITY FOR CRIMES IN THE AREA OF TRANSPORT
SECURITY IN THE IN THE XIX CENTURY – EARLY XX CENTURY**

В статье исследуются вопросы становления и развития уголовного законодательства об ответственности за преступления в области транспортной безопасности в XIX в. – начале XX в. Анализируются предпосылки, обусловившие изменения уголовно-правовых норм в названной сфере, их влияние на конструкции современных состав преступлений в области транспортной безопасности.

The article examines the issues of formation and development of criminal legislation on responsibility for crimes in the area of transport security in the in the XIX century – early XX century. Analyzes the background that led to changes in criminal law in the said sphere, their influence on the design of modern composition of crime in the area of transport security.

Ключевые слова: развитие уголовного законодательства, транспортная безопасность, уголовная ответственность, угрозы транспортной безопасности, дореволюционный и советский периоды.

Key words: the development of criminal law, transport safety, criminal liability, transportation security threats, the pre-revolutionary and Soviet periods.

Развитие городов, промышленности и сельского хозяйства, необходимость интенсивного перемещения людей и грузов обуславливали изобретение новых транспортных средств, увеличение их количества и плотности движения. Это закономерно приводило к возрастанию факторов риска при использовании транспорта, в связи с чем государство вынуждено было принимать меры по организации его безопасной эксплуатации.

Многие памятники отечественного уголовного права предусматривали обеспечивающие правовую охрану транспортной безопасности положения. Их содержание зависело от уровня развития транспорта,

сложившегося государственного строя и общественных взглядов, господствующих в тот или иной период времени [1, с.4].

Еще в законодательстве дореволюционного периода содержались уголовно-правовые запреты, касающиеся использования гужевого и колесного транспорта [2, с.23-27].

Так, статья 17 Соборного Уложения 1649 г. закрепляла: «А будет кто с похвалы или с пьянства, или с умыслом наскочет на лошади на чью жену и лошадью ея стопчет и повалит и тем ея обесчестит или ея тем боем изувечит и беременная будет жена от того его бою дитя родит мертво, а сама будет жива, а с суда сыщется про то допряма и тому, кто учинит, за такое дело учинити жестокое наказание, велеть его бити кнутом нещадно, да на нем же доправить той жене бесчестие и увечье вдвое, да его же вкинути в тюрьму на три месяца. А будет от того его бою та жена и сама умрет, и его за такое дело казнить смертию» [3, с. 249-250].

По мнению А.Ю. Пожарского указанная норма предусматривала ответственность не за транспортное преступление, а за посягательство на личность, при этом лошадь определялась в качестве орудия криминального деяния [4, с.40].

Не оспаривая основной непосредственный объект рассматриваемого состава преступления (безопасность жизни и здоровья человека), следует отметить, что подробно описанная законодателем обстановка совершения преступного деяния – эксплуатация транспортного средства (лошади), позволяет сделать вывод о том, что указанная норма охраняла и общественные отношения, связанные безопасной эксплуатацией транспорта, выступающие факультативным объектом рассматриваемого преступления.

В указанной норме законодатель не только определил форму вины (умышленно и неосторожно), но и дифференцировал уголовную ответственность посредством квалифицирующих признаков (причинение вреда здоровью или смерти), предусматривающих более строгое наказание, что свидетельствует о высоком (для того времени) уровне юридической техники.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что первые попытки законодателя криминализировать деяния, посягающие на транспортную безопасность (в качестве факультативного непосредственного объекта) находят отражение в нормах Соборного Уложения 1649 г.

Несмотря на то, что до XIX в., государство уделяло внимание вопросам транспортной безопасности, соответствующие общественные отношения не относились к числу объекта уголовно-правовой охраны.

Стремительное развитие в XIX в. транспортного комплекса определили и расширение уголовно-правовых средств, обеспечивающих его нормальное и безопасное функционирование.

В разделе 2 Сельского Судебного Устава для государственных крестьян 1839 г. предусматривалась уголовная ответственность в виде штрафа или заключения под стражу за «скорую езду по улицам, базарам, ярмаркам и другим местам, часто людьми посещаемыми, в случае происшедшего от сего вреда другому» уголовную ответственность [5, с.305]. Хотя состав этого преступления сконструирован как формальный, характер и степень вреда, причинение которого могло повлечь уголовную ответственность, конкретизированы не были.

В Уложении «О наказаниях уголовных и исправительных» от 1845 г. законодатель закрепил санкции за порчу и блокирование (в том числе умышленные) путей сообщения, их инфраструктуры, воспрепятствование движению (статьи 1417, 1425, 1426, 1428, 1442), хищение входящих в состав дороги частей и механизмов (статья 1427) [6, с.14], бездействие должностного лица – «надзирающего за железной дорогой» в случае выявления опасности для транспорта (статья 1446). Отдельные разделы («отделениях») содержали положения о безопасности судоходства (статьи 1449 – 1479, 1519 – 1523).

Статьи 1433 – 1437, 1445 Уложения устанавливали ответственность за нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта: движение повозки не по правой стороне дороги, ее оставление без присмотра, оставление машинистом железнодорожного состава в момент опасности и др.

В указанном акте впервые была установлена ответственность за незаконное вмешательство в нормальное и безопасное функционирование транспортного комплекса, а также несоблюдение ответственным лицом мер по обеспечению транспортной безопасности.

Таким образом, Уложение «О наказаниях уголовных и исправительных» от 1845 г. обеспечивало уголовно-правовую защиту транспортной безопасности, как от внутренних, так и от внешних угроз.

Поэтому спорным, на наш взгляд, является утверждение М.М. Колчина о том, что вышеуказанные нормы обеспечивали защиту транспортной безопасности только от внешних угроз [7, с.27].

Статья 73 Устава «О наказаниях, налагаемых мировыми судьями» 1864 г. предусматривала наказание в виде штрафа за «препятствование проходу по мосткам и тротуарам или проезду по дорогам и улицам оставлением на них громоздких предметов или иным образом» [8, с.403-406]. Указанный акт, равно как и Уложение «О наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г., иллюстрирует нацеленность законодателя на противодействие незаконному вмешательству в транспортную сферу.

Выработанные в XIX в. положения о транспортной безопасности нашли отражение и в Уголовном уложении 1903 г., которое помимо основных составов преступлений, посягающих на транспортную безопасность

(например, статья 549 – «умышленное повреждение путей сообщения»), содержало еще и квалифицированные, устанавливающие повышенную ответственность в случаях наступления общественно опасных последствий – крушения железнодорожного транспорта, парохода или морского судна вследствие нарушения правил железнодорожного движения или плавания, повреждения путей сообщения либо транспорта (часть 2 статьи 558), создания опасности для жизни человека вследствие повреждения водных путей и их инфраструктуры (часть 2 статьи 557). Статья 560 устанавливала ответственность за непринятие компетентным служащим мер, необходимых для поддержания железной дороги, подвижного состава, парохода, морского судна в безопасном для движения состоянии [9, с.192].

Криминализация создания опасности для транспорта и непринятия ответственным лицом мер по недопущению реализации угроз транспортному комплексу свидетельствуют о понимании законодателем профилактического потенциала уголовного закона.

Установление уголовной ответственности за создание угрозы причинения тяжкого вреда здоровью и смерти человеку, а также крупного имущественного ущерба при умышленном нарушении требований в области транспортной безопасности является актуальным и сегодня.

Также в Уголовном уложении 1903 г., как отметил А.Ю. Пожарский: «Выделялся вид транспорта, характеризовалось деяние и, как правило, указывался субъект преступления. Например, к нарушениям безопасности железнодорожного транспорта в Уложении относились деяния, совершенные: а) лицами, состоящими на службе (например, «состоящий на железнодорожной службе, виновный в неисполнении установленных законом или обязательным постановлением правил о перевозке пассажиров или грузов и полицейском железнодорожном надзоре...» – ст. 399 и др.); б) пассажирами (например, «виновный в неисполнении установленных законом или обязательным постановлением правил для публики на железных дорогах...» – ст. 397 и др.); в) иными лицами (например, «виновный: 1) в переезде, переходе или перетаскивании чего-либо через железную дорогу в то время, когда это недозволено...» – ст. 398 и др.)» [10, с.44].

Такая градация деяний позволяла не только дифференцировать уголовную ответственность, обеспечивая реализацию принципа справедливости, но и способствовала накоплению теоретических и практических знаний о видах криминальных деяний в области транспортной безопасности, что необходимо для их профилактики.

Кроме того, разделение подобных деяний по субъектам показывает схожесть предписаний в области транспортной безопасности с современными положениями уголовного закона, согласно которым виновными в криминальном нарушении соответствующих требований могут выступать как «внутренние» субъекты – работники транспорт-

ного комплекса, так и «внешние» – следующие либо находящиеся на его объектах и в транспортных средствах.

Таким образом, в уголовном законодательстве XIX – начала XX вв. начинают оформляться составы преступлений, связанных не только с нарушением безопасности движения и эксплуатации транспорта, но и с посягательством на транспортную безопасность, совершением актов незаконного вмешательства, несоблюдением ответственным за ее соблюдением лицом возложенных обязанностей.

Хотя данные нормы уголовного закона еще носили казуистический фрагментарный характер, они явились важной предпосылкой для развития и совершенствования института транспортной безопасности.

Составы преступлений рассматриваемой категории преимущественно являлись формальными и устанавливали ответственность, в том числе за нарушения, ставящие в опасность, что подчеркивало повышенную общественную значимость охраны транспортного комплекса.

Список использованных источников

Семенов В. Р. Уголовная ответственность за нарушение правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2013.

Войтенков Е. А. Уголовная и административная ответственность за преступления и правонарушения в сфере безопасности дорожного движения в советском законодательстве: историко-правовой анализ и особенности правоприменительной практики // Российский следователь. – 2013. – № 16.

Чистяков О. И. Российское законодательство X–XX веков. – М.: Юридическая литература, 1984. – Т. 3.

Пожарский А. Ю. Система норм о транспортных преступлениях в уголовном праве России (становление и развитие): Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2016.

Полное собрание Законов Российской Империи. Собрание второе. Том XIV. Отделение I. – СПб., 1840. – № 12166.

Любимов Л. В. Дорожно-транспортные преступления: проблемы законодательного конструирования составов и дифференциации ответственности участников дорожного движения. Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2016. – Волгоград. – 2005.

Колчин М. М. Безопасность железнодорожного транспорта: уголовно-правовые проблемы. – Владимир, 2009.

Чистяков О. И. Российское законодательство X–XX веков. – М.: Юридическая литература, 1984. – Т. 3.

Исаев Н. И. Уголовная ответственность за нарушение Правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств: научно-практическое пособие / под ред. Н. Г. Кадникова. – М.: Юриспруденция, 2011. – С. 192.

Пожарский А. Ю. Система норм о транспортных преступлениях в уголовном праве России (становление и развитие): Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2016.

И.В.САВЕЛЬЕВ

**ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА
РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ КОМПАНИИ В XIX ВЕКЕ**

I.V.SAVELEV

**ISSUES OF THE INTERNATIONAL LEGAL STATUS OF THE
RUSSIAN-AMERICAN COMPANY IN THE XIX CENTURY**

В XVIII - XIX веках в состав Российской империи входили территория Северной Америки, именовавшиеся российско-американскими колониями. Эта территория была под управлением Российско-американской компании. Правовой статус этого юридического лица определялся нормами колониального права. Компания обладала значительными полномочиями в как в международных, так и внутриколониальных отношениях. Все это имело подробную нормативно-правовую регламентацию.

In the XVIII-XIX centuries, the Russian Empire included the territory of North America, called Russian-American colonies. This territory was managed by a Russian-American company. The legal status of this legal entity is determined by the rules of colonial law. The company had significant powers in both international and intra-colonial relations. All this had a detailed legal regulation.

Ключевые слова: Русская Америка, Российско-американская компания, колониальное право, международные отношения.

Keyword: Russian America, Russian-American company, colonial law, international relations.

Во второй половине XVIII – первой половине XIX в. в состав Российской империи входили территории Нового Света (Алеутские острова, часть Североамериканского континента с прилегающими островами – современная территория штата Аляска, США). Там же располагались поселения, контролировавшиеся акционерной монопольной находящейся под покровительством Е.И.В. Российско-американской компанией, но формально существовавшие вне юрисдикции Российской империи (Форт-Росс в Калифорнии, Елизаветинская крепость на Гавайских островах и др.). Все эти территории и поселения официально назывались "российско-американскими колониями", или "Русской Америкой".

С точки зрения историко-правовой науки, колонии – это территории, находящиеся под властью какого-либо государства (метрополии), лишённые политической и экономической самостоятельности, управляемые на основе специального режима [1, с. 517]. Последний возможен при наличии определённой нормативно-правовой базы – колониального права, возникшего в нашей стране на основе норм, сложившихся в ходе освоения Сибири. Российское колониальное право как комплексная отрасль, регулирующая отчасти и международно-правовые отношения, имело ряд существенных особенностей, отличавших его от аналогичных отраслей стран Западной Европы.

В первый период развития колониального права государства закрепляют за собой вновьоткрытые территории на основании права первооткрытия и первозаселения и придают статус колоний. На втором этапе развития отрасли территории передаются под управление монопольных торговых компаний (в отношении России торгово-промышленная Российско-американская компания) [2, с. 102]. Некоторые из подобных компаний (к примеру британская Ост-Индийская) фактически были "государством в государстве" [3, с. 7] и обладали определенной международной правосубъектностью. Фактически первые договорные отношения между Россией и Соединёнными Штатами Америки состоялись на межправительственном уровне, а конвенцией, заключенной Российско-американской компанией с "Американской меховой компанией" Дж. Астора 1812 года.

Российско-американская компания была образована в 1799 году и формально существовала до 1881 года. Ее деятельность регулировали уставы, подписанные императором в 1799, 1821 и 1844 годах. Прежде всего стоит отметить, что РАК получала в пользование и управление берега "северо-восточной части Америки, начиная от 55° северной широты до Берингова пролива и за оный; тако ж острова Алеутские, Курильские и другие, по Северо-Восточному океану лежащие" [4]. Новые открытия предписывалось производить не только севернее 55° северной широты, но и южнее этой черты и "занимать открываемые земли в российское владение, естли оныя никакими другими народами не были заняты и не вступили в их зависимость" [4]. Ставя одной из задач приобретение новых территорий правительство страны пыталось руками акционерного общества приобретать новые земли при этом минимизируя риск осложнения отношений с другими европейскими колониальными державами. Опять же устав акционерного общества, а не международный договор определял границы колониальных владений государства. РАК имела право, минуя Коммерц-коллегию, заключать торговые договоры "со всеми около лежащими державами", причем не от имени Российской империи, а своего [4].

При разработке нового устава, который должен был сменить преж-

ние, данные на 20 лет правила и привилегии, достаточно ясно прослеживалась позиция правительства в отношении компании. Она заключалась в том, что, наделяя привилегиями компанию, правительство четко указывало и на обязанности РАК перед государством. Именно этот принцип и был заложен в документ, именно этим второй устав компании отличался от первого. Принятие новых уставных документов было большим шагом в превращении коммерческой организации, каковой была первоначально РАК, в государственное предприятие, наделенное функциями административного управления в русских американских колониях и представления страны в международных отношениях в северо-тихоокеанском регионе [5].

Особый интерес представляют 6 секретных статей, они не были вписаны в устав компании и не предназначались для печати. О существовании этих статей было известно ограниченному кругу лиц. Согласно первому пункту секретных правил, компания обязана была никогда не упускать из виду выгоды государства, торговать преимущественно отечественными товарами, закупать продукты для колоний в России, продавать меха в Кяхте. Компания обязывалась не нанимать на службу иностранцев, не оставлять колонии без защиты, помогать императорским кораблям в Русской Америке, снабжать их лоцманами и т.п. Кроме того, РАК обязана была наблюдать за деятельностью американцев в устье реки Колумбии и следить за их действиями в отношении местных жителей [6, С 288 - 289].

Наличие этих секретных статей, не присутствующих больше ни в одном уставе компании, свидетельствует о том, что правительство намеривалось использовать компанию для решения некоторых своих внешнеполитических задач. Кроме того, это - показатель доверия государства к РАК и желание сотрудничать с ней, направлять ее деятельность в благоприятную для государства сторону.

Еще ранее, 4 сентября 1821 г., император подписал специальное постановление, запрещающее иностранцам заниматься торговлей в Русской Америке. Кроме того, запрещалось вообще приставать к побережью Аляски ближе, чем на расстояние в 100 итальянских миль [7]. Как оказалось в последствии, этот морской регламент не принес компании ничего хорошего. Запрет иностранной торговли привел к тому, что колонии оказались на грани голода, практически полностью прекратились поставки продовольствия иностранцами, а доставка продуктов на кругосветных кораблях РАК была долгой и дорогой. Уже в 1822 г. Главный правитель М.И. Муравьев начал торговлю с Калифорнией и Гавайскими островами. В 1824 г. Особый совет РАК признал, что без иностранной торговли колонии существовать не могут. Так недостаточная оценка своих возможностей чуть было не привела к разорению Российско-американскую компанию [8, р. 444].

Еще одним последствием принятия постановления 1821 г. было начало длительных и трудных переговоров Российского правительства и правительств США и Великобритании об установлении границ Русской Америки, которые были определены исключительно внутригосударственным нормативно-правовым актом, документом частного-правового характера – уставом Российско-американской компании.

Англия и США высказали неудовольствие односторонним провозглашением Россией своих границ. Оба этих государства объявили, что не намерены соблюдать указ Российского императора. "Этот указ, - писал Адамс, - так сильно затрагивает права Соединенных Штатов и их граждан, что мне поручено запросить, уполномочены ли Вы дать объяснение правовой основы, в соответствии с принципами, признаваемыми повсюду законами и обычаями наций, которая может подтвердить притязания и правила, содержащиеся в нем" [9, с. 138 - 139]. Еще ранее официальный протест указу заявила Великобритания.

В своем ответе Россия подробно обосновывала свои права на северо-западное побережье вплоть до 51-й параллели первооткрытием, первозанятием и, наконец, правом, вытекающем из мирного и никем не оспариваемого владения в течение более чем столетия, т.е. с того времени, когда Соединенные Штаты еще не заняли своего места среди независимых наций [10, с. 397]. Возникновение подобного рода разногласий явственно показала необходимость двустороннего международно-правового регулирования вопроса разграничения территорий.

В апреле 1824 года была подписана русско-американская конвенция о торговле и границах. Южная граница была проведена по 54°40' с.ш., американские граждане получали право рыбной ловли и торговли в русско-американских колониях сроком на 10 лет. Одновременно предусматривалось запрещение продажи местным жителям всякого рода оружия, военного снаряжения и спиртных напитков [11, с. 409].

Значительно более сложными и продолжительными оказались переговоры с Великобританией, которые начались почти одновременно с русско-американскими конференциями в конце февраля 1824 г. и продолжались с перерывами около года. С самого начала наиболее трудными оказались вопросы, связанные с территориальным разграничением русских и английских владений на северо-западе Америки. Желая продемонстрировать свою умеренность, русские готовы были отказаться от распространения своих владений вплоть до 51-й параллели и согласны удовлетвориться границами по 54°40' с.ш. и вдоль побережья провести узкую границу по горному хребту, что сохранило бы за Россией узкую полосу континента вплоть до пересечения с 140° з.д. Кроме того, Российская империя готова была пойти на открытие Ново-Архангельского порта и свободную навигацию по рекам, которые протекают по русским владениям. В феврале 1825 г. была заключена

русско-английская конвенция о торговле и границах. В соответствии со ст. III конвенции граница между русскими и английскими владениями устанавливалась от южного окончания о-ва Принца Уэльского (54°40' с.ш.) "вдоль по проливу, называемому Портландский канал, до той точки твердой земли, где она касается 56 градуса северной широты. Отсюда черта разграничения следует по хребту гор, простирающихся в параллельном направлении с берегом, до точки пересечения на 141 градусе западной долготы" и далее на север вдоль меридианной линии до Ледовитого океана. Специально оговаривалось также (ст. IV), что пограничная линия вдоль побережья по хребту гор не должна отстоять от берега более чем на 10 морских лиг [9, с 316 - 320]. Подданным Великобритании разрешалось заходить во все реки, текущие по территории Русской Америки, если там не было русских селений (ст. VI), а так же вести рыбную ловлю и торговлю с местными жителями Русской Америки, за исключением "спиртных напитков, огнестрельного и белого оружия, пороха и других военных снарядов" [11, с. 320 - 322].

В июле 1826 г. министр финансов Е.Ф. Канкрин представил комитету министров донесение РАК на имя императора. В заседании 10 июля 1826 г. комитет министров постановил поднести донесение на высочайшее рассмотрение императора [12, л. 11]. Вскоре в правительстве было принято решение разработать специальную грамоту, подтверждающую права и преимущества компании, текст грамоты было поручено составить самому Главному правлению. В декабре 1827 г. проект грамоты был составлен, для более успешного решения дела текст грамоты утвердили на заседании Особого совета компании. Согласно этому документу Российско-американскую компанию предполагалось, как и прежде, считать под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством, определены были пределы промыслов компании строго в соответствии заключенным конвенциям с США в 1824 г. и Великобританией в 1825 г.

В феврале 1841 г. Государственный совет рассмотрел дело о продлении привилегий РАК и пришел к выводу, что "компанию по разностороннему кругу ее деятельности нельзя ставить в сравнение ни с какой другою. Сверх торговой и промышленной монополии правительство уделило ей и часть своей власти по управлению отдаленным и просторным краем. В таком виде компания есть не одно коммерческое сословие, не некоторым образом и власть правительственная".

10 октября 1844 г. утвержден царем был утвержден новый устав компании, который был наиболее проработанным. В этом документе отмечается существенно большее "огосударствление компании", превращение ее в фактический придаток административного аппарата империи – "компания является не просто коммерческой организацией, а структурой, связанной с управлением заморскими владениями России" [13, с. 17].

Глава 2 устава так и называлась "Об обязанностях компании по отно-

шению к правительству, и о надзоре правительства за действиями оной». Документ особо подчеркивал, что компания обязана всеми возможными способами, стараясь оправдать доверие, оной сделанное, сохранить в целостности колонии, избегать всего, что могло бы расстраивать согласие с другими державами (§ 24). Кроме этого, коммерческой акционерной компании, которая по определению должна прежде всего заботиться о выгоде своих акционеров предписывалось «основывать все свои предприятия на общей государственной пользе» [13, с. 18].

При взаимодействии с иностранными государствами и иностранными торговыми компаниями и самостоятельными купцами применялись нормы колониального права, основанные как внутригосударственном, так и международном праве, исходившие как от российского монарха, так и от Главного правления компании. Ряд норм, регулирующих отношения русских поселенцев с коренными жителями исходил от Священного Синода. Именно эти нормы продолжали действовать после уступки Русской Америки Соединенным Штатам. Сама уступка Аляски еще требует дополнительного анализа с точки зрения права, однако, факт ее очевиден.

Список использованных источников

1. Похлёбкин В.В. Колонии и колониальная политика // Советская историческая энциклопедия. Т. VII. М., 1965.
2. Савельев И.В. Петров А.Ю. митрополит Климент (Копалин) Становление колониального права в Русской Америке // Российская история. - 2015 - № 4.
3. Фурсов К.А. Держава - купец, М., 2008
4. Полное собрание законов российской империи, собрание 1-е. Т. XXV. СПб., 1830. №. 18131
5. Савельев И. В., Ермолаев А. Н. Становление и развитие колониального права в Русской Америке в XVIII — начале XIX вв. // История: научно-образовательный журнал, 2016. Т.7. Выпуск 4 (48) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840001434-6-1> (дата обращения: 21.05.2020). DOI: 10.18254/S0001434-6-1.
6. Секретные правила РАК, 1821 г. // Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. 4 (12). М., 1980
7. Полное собрание законов российской империи, собрание 1-е. Т. XXXVII. СПб., 1830. № 28 747.
8. Nichols I. C. and Ward R. A. Anglo-American Relations and the Russian Ukase: A Reassessment // Pacific Historical Review. Vol. XLI. № 4 (November) 1972.
9. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ) Ф. пос-во в Вашингтоне. Оп. 512/3. – Д. 21. – Л. 138-139
10. История Русской Америки: монография / Под. Ред. Академика Н.Н. Болховитинова Т. 2. – М.: Международные отношения, 1999
11. Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Российского министерства иностранных дел / МИД СССР. Серия вторая. / Отв. Ред. А.Л. Нарочицкий. Т. 13. М.: 1987.
12. АВПРИ. Ф. РАК. Д. 329.

Т. В. СЕНЬКОВА, Л. М. МОЖАЕВА

СУДЕБНАЯ РЕЧЬ В. Д. СПАСОВИЧА В ФОРМИРОВАНИИ
КОММУНИКАТИВНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ЮРИСТА

T.V. SENKOVA, L. M. MOZHAYEVA

JUDICIAL SPEECH OF V. D. SPASOVICH IN FORMATION
COMMUNICATIVE COMPETENCIES OF A LAWYER

В статье дан анализ судебных речей В. Д. Спасовича с точки зрения их структуры и культуры речи. В работе приводятся примеры средств речевого воздействия, используемых В. Д. Спасовичем при выступлении в суде. Отмечается необходимость развития культуры речи и коммуникативных компетенций современного юриста как важнейших составляющих правовой культуры и профессиональных качеств.

The article provides an analysis of court speeches of V. D. Spasovich from the point of view of their structure and culture of speech. The article gives examples of speech means used by V. D. Spasovich when speaking in court. The necessity of developing a culture of speech and communicative competencies of a modern lawyer as the most important components of legal culture and professional characteristic is noted.

Ключевые слова: судебная речь, речь адвоката, композиция судебной речи, культура речи, средства речевого воздействия, защитительная речь В. Д. Спасовича.

Keywords: judicial speech, lawyer's speech, composition of judicial speech, speech culture, means of speech influence, protective speech of V. D. Spasovich.

За Владимиром Даниловичем Спасовичем справедливо закрепилось имя «короля русской адвокатуры». Его авторитет и юридическое мастерство безоговорочно признано как современниками, так и последующими поколениями. Даже Достоевский Ф.М., с пренебрежением относившийся к адвокатам, писал о Спасовиче В.Д.: «Уже с первых слов вы чувствуете, что имеете дело с талантом из ряда вон, силой» [1, с. 57].

Спасович В. Д. имел широчайший кругозор. Он глубоко и профессионально владел не только правовой наукой, но также отлично ориентировался в философии, истории, медицине, психологии, умело при-

меня свои знания при подготовке и произнесении речей в судебных процессах. Хорошо известны речи Спасовича В.Д. по делу Давида и Николая Чхотуа, по делу Дементьева, речь в защиту Дюзинга по делу Дмитриевой и Каструбо-Карицкого и многие другие. При их изучении очевидно высокое мастерство судебного оратора.

Справедливо отметить, что на сегодняшний день практически утрачена ценность судебного красноречия. Внимание детальной проработке выступления в суде также не придается. В то же время не следует отрицать тот факт, что хорошая речь в суде непосредственно способствует достижению целей, поставленных лицом, ее произносящим. Кроме того, владение навыками устной и письменной коммуникации, способность к межличностным коммуникациям являются необходимой компетенцией юриста [2]. Коммуникативная компетентность предполагает владение сложными коммуникативными навыками и умениями, знание обычаев, традиций, этикета в сфере общения, ориентацию в коммуникативных средствах, присущих профессии [3].

Коммуникативная компетентность предполагает эффективность общения, заключающуюся в способности слушать, говорить, воздействовать. Судебные речи Спасовича В. Д. могут служить хорошим примером с точки зрения композиции речи, ее культуры, языковых и психологических механизмов воздействия. Речь Спасовича В. Д. всегда имела четкую композицию. Хорошо продуманная, она строго отличалась наличием вступления, основной части и заключения.

Во вступительной части судебной речи, как правило, оратор стремится обратить внимание на необходимость выяснения обстоятельств дела, определяет цель речи. Обычным способом воздействия во вступлении является обращение, прием адресации: «Господа судьи!», «Присяжные заседатели!», использование которого определено как юридической культурой, так и установленным порядком ведения дела в суде. Не редко Спасович В. Д. использует вопросительные конструкции: «... в каждом уголовном деле неминуемо возникают следующие вопросы: совершилось ли событие преступления и, если совершилось, то должно ли рассматриваемое преступление быть вменено в вину подсудимому?» [4]. Такие вопросы являются средством диалогизации судебной речи, которая по природе своей является монологом, сразу обращают внимание аудитории, вовлекают в процесс рассуждения, часто позволяют определить позицию по делу.

Вступительная часть судебной речи Спасовича В. Д. могла быть достаточно экспрессивна: «Нужно приступить к делу со скальпелем в руках, с весами, как для химического анализа, и только таким образом, сказав сердцу, чтобы оно молчало, обуздав чувство, установить факт» [5]. Использование переносного значения слов, сравнений позволяло усилить эмоциональное воздействие на слушателей, способствовало

убеждению. Однако насколько эмоционален мог быть Спасович В. Д., настолько же сдержан, тактичен и корректен в своих речах.

Основная часть судебных речей Спасовича В. Д. посвящена детальному изложению дела, глубокому и обстоятельному анализу доказательств, опровержению позиции оппонента. Он использует различные методы изложения материала: индукцию, дедукцию, исторический метод, аналогию и другие.

Спасович В. Д. всегда был очень логичен, последователен, с хронологической точностью описывал важнейшие эпизоды по делу. Так, речь в защиту Дюзинга по делу Дмитриевой и Каструбо-Карицкого содержит детальный хронологический анализ не только обстоятельств дела, но жизни Дмитриевой: «...для того чтобы сделать правильную оценку этого оговора, нужно проследить всю жизнь Дмитриевой» [4].

Защитительная речь Спасовича В. Д. имеет оценочно-правовой характер. Он, конечно, обращается к нормам законодательства, анализирует, сравнивает, нередко выступает с критикой: «Это явная обмолвка в законе. Все законодательства Европы, все лучшие криминалисты не допускают такого деления преступления, какое делает наше Уложение» [4].

Являясь человеком энциклопедических знаний, Спасович В. Д. умело их использовал при анализе доказательств, личности подзащитного, обосновании собственной позиции. Спасович В. Д. говорил: «...важное значение имеет литература, книжки. Знание у нас не хранится под спудом; есть по каждому знанию печатные учебники, капитализированный опыт целых веков, изложенный в доступной форме» [6]. Он часто аргументированно подвергал сомнению заключения экспертов криминалистов, судебных медиков. Медицинские знания позволили Спасовичу В. Д. вступить в полемику с экспертами в деле Давида и Николая Чхотуа об убийстве Нины Андреевской. Через ошибочность заключения экспертов Спасович В. Д. последовательно стремился опровергнуть все улики, против обвиняемых: «я надеюсь вас убедить, что ни одна улика не уцелеет, все они раскрошатся в мелкий песок; одни из них, из фактов, обратятся в противное тому — небылицы, другие получают смысл безразличных, третьи — сомнительных, и весь искусственно построенный замок обвинения превратился в марево, в мираж» [6].

С глубоким знанием психологии Спасович В. Д. умело давал характеристику подзащитному, описывал личные качества, состояние здоровья, материальное и социальное положение. В своих речах Спасович В. Д. мог весьма образно представить характер подзащитного, его эмоциональное состояние: «...он уроженец юга, где люди раздражаются скорее, чувствуют живее, чем люди северного климата, более сдержанные, более флегматичные» или «Всякому известно, какое сильное впечатление производит испуг на организм не только людей,

но — и животных. Известно, что делается с медведем, когда он чего-нибудь испугается» [5].

Важнейшей частью судебной речи является заключение, от которого зависит достижение цели, поставленной оратором. Выбор средств воздействия на аудиторию чрезвычайно важен. Самая значимая информация должна быть произнесена в начале и в конце речи, поскольку именно она всегда запоминается и производит наибольшее впечатление.

Окончанию судебной речи Спасовича В.Д. свойственны взывания к закону, совести, справедливости, авторитету суда. Спасович В. Д. четко формулировал позицию защиты в конце своего выступления. Однако насколько кратко, лаконично и рационально она могла быть высказана: «Вы можете обвинить их, если у вас есть на то другие соображения, потому что вы судите по совести. ...Но мое мнение таково, что верить одному оговору Дмитриевой нет никакой возможности» [4], «Я не оскорблю вас, господа судьи, если скажу, что и я, и мои клиенты возлагаем на вашу совесть надежду, что вы совершите эту великую, трудную работу. Я кончаю без риторических орнаментов, без фраз, я убежден в их невинности» [6], настолько и эмоциональна, литературно насыщена: «Дементьев невиновен, и прошу его оправдать, оправдать вполне еще и потому, что это событие особого рода, это такая палка, которая действительно должна кого-нибудь поразить. Его она поражает несправедливо.... Я полагаю, что правосудие есть основание всякого устройства, будет ли то политическое общество, будет ли то строй военный... когда человеку заслуженному приходится труднее в мирное время перед офицером своей же армии, нежели под выстрелами турок... Я вас прошу оправосудии» [5].

Следует, непременно, отметить высокий уровень культуры речей Спасовича В. Д. Они всегда логичны, убедительны, выразительны, наполнены средствами речевого воздействия. Анализируя содержание судебных речей можно выделить достаточно много выразительных языковых средств, которые позволяют побудить к размышлению, убедить в позиции оратора, вызвать эмпатию, обратить внимание. Можно привести ряд примеров средств языкового воздействия используемых Спасовичем В. Д.

Речь Спасовича В. Д. в защиту Дюзинга наполнена вопросно-ответными конструкциями, которыми он как бы приглашает к рассуждению, заставляет задуматься: «Как в этом случае поступить врачу? Пойти и донести начальству? Но его после этого ни в один дом не пустят, если он вздумает разглашать все тайны...Да и кем он явится к начальству?» [4].

В судебных речах Спасовича В. Д. также встречается много повторов, преследующих цель акцентировать внимание суда, придающих речи убедительность: «в августе составлен план об изгнании плода,

план, которому надо было дать еще созреть; так нельзя поступать с женщиной, которая убита, находится в отчаянии, в таком отчаянии, что готова решиться на все; самый важный, самый существенный вопрос в деле» [4], «...до установления самого факта нельзя руководствоваться этими соображениями; до установления факта для суда не существует офицера и нижнего чина» [5].

Пример детализации, как средства речевого воздействия, можно привести из речи в защиту Дементьева: «На крик дочери отец выбежал в чем был, в рубашке, в панталонах, в сапогах, не было только сюртука». В формулировке предложений Спасович В. Д. использовал, в том числе и обратный порядок слов (инверсию), который придает речи еще большую выразительность: «...дело развивалось весьма логически с первого шага; с первого шага события, логически развивавшиеся, довели до последнего результата». Интересен и пример иронии, высказанной оратором по данному делу в качестве обоснования защиты и опровержения доводов обвинения: «Офицер меня обидел, надо отомстить офицеру. Как ему отомстить почувствительнее? Что у полка знамя, то у офицера эполет, погоны - символ чести. Сорвать погон самое чувствительное оскорбление; дай-ка я сорву с него погоны, а потом подумаю, как спастись, если до того времени меня не зарубит мой противник, который может искрошить меня, как кочан капусты» [5].

В своей речи по Тифлисскому делу Спасович В. Д., настаивая на детальном анализе обстоятельств дела, критикуя косвенные доказательства обвинения и заключения экспертов, с целью установления истины по делу, дает виртуозное сравнение исследованию доказательств в суде и историческому исследованию: «...судебное исследование ... должно состоять в исследовании правды точно теми же путями, как и всякое исследование истины, например, исследование историческое. Был факт в истории, из него возникла ... легенда, которая составляет ходячее, хотя и превратное представление о предмете; ложь перемешалась с истиной. Что делает историк? Он отрицает всю легенду, кропотливо восстанавливает истину по источникам и являет факт в новом виде. Может быть, новое, добытое таким образом представление и не совершенно совпадает с действительностью,.. но оно, тем не менее, несравненно ближе к истине, гораздо правдивее, нежели всякие легенды» [6].

Достаточно распространенным языковым средством, в речах Спасовича В. Д. является метафора: «...судьба, а может быть, и жизнь, трех людей висит на конце пера, которым суд подпишет свой приговор» [5], «будем перебирать, как зерна в четках, все те из них, которые нанизаны одно на другое, как обвиняющие подсудимых улики; смело перекидывается воздушный мостик стройной аркой от преступления к мотивам» [6], «все дело забывается, и уже через два года завеса, его

прикрывавшая, была поднята рукою Дмитриевой» [4]. Таким образом, очевидно, что речи Спасовича В. Д. отличаются своей выразительностью. Он использует приемы, которые привлекают внимание и вызывают интерес у аудитории. Кроме этого, речь Спасовича В. Д. всегда очень информативна.

Современную же речь в суде отличает официально-деловой стиль, отсутствие средств речевого воздействия. Техника речи также редко проработана. Достаточно часто структура речи не соблюдается, обстоятельства дела в ней не анализируются, а только констатируются факты. В таких условиях судебные речи Спасовича В. Д. действительно представляют научно-практический интерес. Их изучение позволяет совершенствовать логическое мышление, формировать умение правильного построения речи, полного и объективного анализа обстоятельств дела, уместного использования средств эмоционально-речевого воздействия. Правовая культура юриста неотделима от культуры речи. Он должен свободно владеть навыками публичного выступления. Безусловно, хорошо развитые коммуникативные компетенции юриста являются его важным профессиональным качеством.

Список использованных источников

Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. / редкол.: В. Г. Базанов (отв. ред.) и др. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972-1990. – Т. 22. Дневник писателя за 1876 год. Январь-апрель / текст подгот. и примеч. сост. А. В. Архипова и др. – 1981. – 407 с.

Образовательный стандарт высшего образования. Специальность 1-24 01 02 Правоведение. Квалификация юрист. ОСВО 1-24 01 02-2013 : постановление Министерства образования Республики Беларусь от 30 авг. 2013 г., № 88 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.institutemvd.by/images/materials/umno/raspisanie/2016-2017/Obrazovatelnyj_standart_1-24_01_02_Pravovedenie.pdf. – Дата доступа : 01.10.2019.

Межличностное общение. Учебник для вузов. – СПб.: Питер, 2001. – 544/379 с. Кунцына В. Н., Казаринова Н. В., Погольша В. М. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.studmed.ru/kunicyna-vn-kazarinova-nv-pogolshavm-mezlichnostnoe-obschenie_98acdbc57a8.html – Дата доступа : 26.10.2019.

Речь В. Д. Спасовича в защиту Дюзинга по делу Дмитриевой и Каструбо-Карицкого [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hatituli.ru/rech-v-d-spasovicha-v-zashchitu-dyuzinga-po-delu-dmitriевой-i-kastrubo-karickogo/>. – Дата доступа : 26.10.2019.

Речь по делу Дементева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hatituli.ru/delo-dementeva/>. – Дата доступа : 26.10.2019.

Речь по делу Давида и Николая Чхотуа и др. (Тифлисское дело) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hatituli.ru/rech-po-delu-davida-i-nikolaya-chxotua-i-dr-tiflisskoe-delo/14>. – Дата доступа : 26.10.2019.

И.М. СИНИЦА

**ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ВЗГЛЯДЫ В.Д. СПАСОВИЧА И СОВРЕ-
МЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

I.M. SINICA

**INDIVIDUALIZATION AND DIFFERENTIATION OF CRIMINAL
LIABILITY: THE VIEWS OF V.D. SPASOVICH AND CURRENT
LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF BELARUS**

Эффективность уголовной политики государства во многом зависит от того, насколько рационально и социально ориентирована дифференциация уголовной ответственности и выражающая ее система санкций. В статье рассматриваются взгляды известных юристов прошлого, в первую очередь, В.Д. Спасовича, на необходимость применения индивидуализированного подхода к выбору меры ответственности лицу, совершившему преступление, и учета его личности при ее назначении в свете современного взгляда на этот вопрос.

The effectiveness of the state's criminal policy largely depends on how rationally and socially the differentiation of criminal responsibility and the system of sanctions expressing it are oriented. The article discusses the views of famous lawyers of the past, first of all, V.D. Spasovich, the need to apply an individualized approach to the choice of a measure of responsibility to the person who committed the crime, and to take into account his personality when appointing it in the light of the modern view on this issue.

Ключевые слова: ответственность, индивидуализация ответственности, дифференциация ответственности, личность преступника, гуманизм.

Keywords: responsibility, individualization of responsibility, differentiation of responsibility, personality of the offender, humanism.

Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК Беларуси), признавая в качестве социально ориентированных (а не деструктивных) целей уголовной ответственности ресоциализацию осужденного, частную превенцию, а в целом – и общую превенцию преступлений, предопределяет систему мер государственного воздействия, направленных на защиту государства, общества и каждого конкретного гражданина от преступных посягательств. Следует заметить, что средства

и методы, установленные законодательством и используемые правоохранительными органами в соответствии с данными им полномочиями для борьбы с преступностью, являются серьезным индикатором политической мудрости руководства каждого государства и, как показывает мировой опыт, жесткость и суровость его реакции на совершенное преступление, превалирование в законодательстве карательной тенденции над исправительной или восстановительной являются неэффективными факторами декриминализации общества. Английский государственный деятель Уинстон Черчилль справедливо утверждал, что «эмоциональное отношение общества к преступности и преступникам является одним из самых точных показателей цивилизации каждого государства» [1, с. 40].

Известно, что современная доктрина уголовного права сталкивается с необходимостью преодоления веками складывавшегося карательного (возмездного) уклона уголовной ответственности, исходя при этом из того, что, с одной стороны, должны быть обеспечены неотвратимость и справедливость уголовной ответственности, а с другой – лица, совершившие преступления, должны быть приобщены к законопослушному образу жизни, что соответствует интересам как самих этих лиц, так и государства.

Огромный международный опыт, накопленный за последние десятилетия, позволяет составить достаточно полное представление об эффективности уголовной политики как части государственной политики, проводимой разными странами. Со второй половины XX в. в большинстве западноевропейских стран отчетливо осознается «кризис наказания», кризис уголовной политики и уголовной юстиции [2, с. 17]. Репрессия как путь реакции на преступность в большинстве случаев оказывается малорезультативной.

Осознание неэффективности традиционных средств контроля над преступностью, кризис традиционной концепции наказаний «породил появление в науке и, как следствие, в позитивном праве новых идей, связанных с реакцией общества и государства на преступления, главным образом, небольшой тяжести» [3, с. 13]. Все более отчетливо проявляется позиция, что «справиться с преступностью исключительно карательными мерами невозможно, необходимо развитие мер социальной превенции и обеспечение системности в воздействии на преступность» [4, с. 76]. В этом смысле наказание, сохраняя свою значимость в решении общепредупредительной цели уголовной ответственности, все в большей степени демонстрирует низкую эффективность в ресоциализации осужденных. Это подтверждается высоким уровнем рецидивной преступности.

Главная идея современной уголовной политики состоит в следующем: ее карательный характер должен быть изменен на восстано-

вительный. Современная отечественная и зарубежная практика уголовного правосудия и наука уголовного права свидетельствуют, что приоритет должен отдаваться частному предупреждению, ресоциализации осужденного, оптимальному выбору наказания и мер испытания и сдерживания, а не фактору устрашения. Эффективная уголовная политика – это восстановление социальных и моральных качеств населения, укрепление правопорядка и т.д.

Из осознания того, сколь мала результативность карательных мер уголовного воздействия, вытекает тенденция развития социального аспекта уголовно-правового контроля преступности. Уголовный закон постепенно должен высвободиться от цели возмездия и от чрезвычайно суровых средств воздействия на нарушителя уголовного закона. Его основой должны становиться цивилизованные взаимоотношения общества с преступниками, опирающиеся на принципы возмещения вреда и удержания от новых преступлений [5, с. 152].

Меры уголовного воздействия, составляющие содержание уголовной ответственности, таким образом, призваны обеспечить задачу восстановления безопасной для общества социальной ориентации личности осужденного, а также индивидуальную превенцию совершения новых преступных посягательств. В настоящее время аспект расширения социальной адаптации правонарушителей становится одним из важнейших аспектов уголовно-правового воздействия на преступность. Эта тенденция, по существу, предопределяет процессы углубления дифференциации и индивидуализации уголовных санкций, реализующих и воплощающих содержание уголовной ответственности.

В то же время существует сложная и неоднозначная проблема оценки обстоятельств, относящихся к преступлению, суть которой состоит в следующем: должен ли суд, ставя целью ресоциализацию преступника, оценив степень вероятности совершения им нового преступного деяния, учитывать в большей мере именно эти факторы, избегая суровых карательных методов воздействия на виновного, либо он все же должен ориентироваться на цели общего предупреждения преступного поведения со стороны других лиц с помощью устрашения и жесткой неотвратимой реакции на аналогичное поведение.

А.А. Нерсесян, исследуя вопросы ответственности в уголовном праве ФРГ, ссылается на австрийского ученого Ф. Листа, создателя социологической школы уголовного права, который считал, что цель частной превенции является одной из главных задач наказания. Так, Ф. Лист писал: «В случае если делается вывод о приоритете личности преступника по отношению к совершенному им деянию, рассматриваемому лишь как элемент характеристики его личности, то и превентивное воздействие уголовной ответственности не обязательно должно соответствовать общественной опасности им содеянного» [6,

с. 125]. В таких условиях мировоззренческие взгляды преступника, отражающиеся в мотивах и целях его поведения, в способе совершения преступления могут и должны служить критерием при определении пределов мер уголовной ответственности даже в том случае, если это не соответствует опасности совершенного преступления.

Именно социологическое направление в уголовном праве предопределило своеобразную «диверсию» на традиционную систему уголовных (карательных) санкций.

Великий российский юрист и судья А.Ф. Кони еще в XIX в. призывал: «Судите не отвлеченный предмет, судите живого человека» [7, с. 36]. Индивидуальный подход в каждом конкретном случае рассмотрения уголовного дела необходим, поскольку невозможно отказаться от влияния личности преступника на совершенное им деяние. Об этом говорили и иные знаменитые юристы – современники А.Ф. Кони, защитники, успешно выступавшие в уголовных и гражданских процессах, ученые, общественные деятели. Среди них особое место занимает В.Д. Спасович, выступавший в защиту не обезличенного подсудимого или преступника, а прежде всего человека, чья сущность не определяет только совершенное им правонарушение. Благодаря этой позиции, поддержанной целой плеядой известных адвокатов и ученых, в уголовном праве стал закрепляться принцип гуманизма. Человечное отношение к лицу, совершившему правонарушение, проявление к нему милосердия и уважения становятся важной чертой уголовного процесса.

В 1863 г. в учебнике по уголовному праву В.Д. Спасович рассматривал идеи гуманизма эпохи Просвещения, философские учения Канта, Фихте, Гегеля [8, с. 713].

Большой интерес в этой связи представляют размышления В.Д. Спасовича о смертной казни. Он пишет: «Смертная казнь неповинного, но ошибкѣ судей, есть просто на просто убійство юридическое, возможность же такого убійства обусловливается существованіемъ учрежденія смертной казни. Смертная казнь неискорвительна – она пресѣкаетъ всякій путь къ исправленію и построена цѣликомъ на предположеніи невѣрномъ, ложномъ въ большей части случаевъ, что въ злодѣѣ замерли окончательно всѣ чувства человѣческія. Опытъ доказываетъ, что никого изъ злодѣевъ нельзя напередъ считать неискорвительнымъ и что вообще вѣрнѣе можно разсчитывать на исправленіе натуры мощной, энергической, нежели тщедушной и робкой, на исправленіе убійцы, нежели плута и воришки.» [9].

В.Д. Спасович считал, что, «помогая суду заглянуть в тайны души подсудимого и изучить ее изгибы, защитник должен сказать в пользу обвиняемого все, чего последний сам не может, не умеет или не хочет сказать, не закрывая, однако, при этом глаз на истину и не указывая голословно на влияние и воздействие среды, личностей или обстоя-

тельств, без их тщательного изучения и проверки и без сопоставления личности искушаемого со свойствами и приемами искушения» [10].

В психологической литературе под поведением понимают так называемую произвольную активность личности, то есть такую активность, при которой осознаны преследуемая цель и есть возможность контроля за ходом разворачивающихся процессов [11, с. 73]. Если несколько уточнить и сузить это понимание, то человеческим можно назвать только такое поведение, которое обладает для субъекта смыслом. Иначе говоря, речь идет о сознательном поведении личности (в том числе и ошибочном, негативном, противоречащем социальным нормам). Человеческий поступок представляет собой осмысленный волевой акт, посредством которого человек проявляет себя во внешнем мире, и, следовательно, невозможно полностью нейтрализовать влияние личности преступника на определение его виновности.

Таким образом, суждение о том, что все меры уголовно-правового принуждения, в какой бы форме они ни проявлялись, все уголовно-правовые последствия должны соответствовать общественной опасности того преступления, за совершение которого они применяются, сегодня требует серьезной поправки. Оцениваться должны и деяние, и деятель, то есть как обстоятельства и тяжесть совершенного преступления, так и личность виновного. Такой позиции придерживался и В.Д. Спасович, о котором писали следующее: «Там, где Спасович принужден разбирать улики и доказательства отрицаемого им события преступления, его едкая критика, находчивые и тонкие сопоставления не оставляют ничего недоговоренным или обойденным, неуклонно направляясь, в виде обдуманых поступательных действий, от окружности к центру дела, т. е. к личности обвиняемого [10].

Конечно, главным условием применения к конкретному лицу мер уголовной ответственности является совершение им виновно общественно опасного деяния (действия или бездействия), характеризующегося признаками, предусмотренными уголовным законом, и запрещенного им под угрозой наказания. Социальная оценка преступления как наиболее опасного для общества деяния, за совершение которого устанавливается уголовная ответственность, предопределяет ее сущность, значение, принципы, а также особенности применения.

Смысл индивидуализированного подхода к решению вопроса о выборе меры ответственности лицу, совершившему преступление, заключается в том, что суд должен «учитывать характер и степень общественной опасности совершенного преступления, мотивы и цели содеянного, личность виновного, характер нанесенного вреда и размер причиненного ущерба, обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность, мнение потерпевшего по делам частного обвинения, а также мотивировать избранную меру наказания в приговоре» (ст. 62 УК Беларуси).

Индивидуализация уголовной ответственности – это требование строгого и точного учета характера и степени общественной опасности совершенного правонарушения, особенностей личности виновного и обстоятельств, смягчающих и отягчающих ответственность. Данный принцип считается базовым в уголовном праве, являясь «той основой, которая обеспечивает принятие справедливого решения в отношении виновного в каждом конкретном случае с учетом всех необходимых обстоятельств» [12, с. 68].

В.Д. Спасович впервые сделал попытку определить два важнейших взаимосвязанных процесса: индивидуализацию наказания и дифференциацию уголовной ответственности. Так, отмечая, что в определении наказания участвуют обыкновенно две власти: законодатель и судья, участие законодателя ученый связывает с дифференциацией уголовной ответственности, а участие судьи при определении наказания — с индивидуализацией наказания.

Сущность процесса дифференциации уголовной ответственности он рассматривает следующим образом: «Законодатель полагает наказание, имея в виду одно только дело преступное, он должен заключить его в такие пределы, чтобы оно соответствовало преступлению и при весьма малом и при весьма великом содержании злой воли» [13, с.188]. При этом, отмечает Э.Г. Шкредова, «и как современные ученые (Т.А. Лесниевски-Костарева), которые определяют в качестве оснований дифференциации уголовной ответственности типовую степень общественной опасности именно деяния, уже В.Д. Спасович в первом учебнике уголовного права установил, что «масштаб, которым законодатель измеряет преступления, чисто отвлеченный. Он не имеет в виду лица преступника; он соображает наказание единственно только со свойством и важностью нарушенного права»» [13, с.188].

Очевидно, что возможности и пределы индивидуализации уголовной ответственности зависят от уровня, пределов и степени дифференциации уголовной ответственности и мер, ее реализующих, которые выражены в законе.

Можно утверждать, что если ответственность индивидуализирована, то она справедлива и, более того, гуманна. Гуманное законодательство – это такое законодательство, которое предоставляет суду возможность выбора меры ответственности за совершенное противоправное деяние из максимально возможного круга санкций, от достаточно суровых до самых мягких, с учетом всех обстоятельств деяния и его последствий, личности преступника, его поведения и т.д. По мнению С.Г. Келиной, «дифференциация подхода к отдельным категориям преступлений должна лежать в основе повышения эффективности борьбы с преступностью» [14, с. 106].

Суть гуманизации состоит в усилении борьбы с тяжкими и особо

тяжкими преступлениями при одновременном смягчении ответственности за менее тяжкие и не представляющие большой общественной опасности преступления, совершенные виновным впервые и при иных свидетельствующих в его пользу обстоятельствах.

Таким образом, эффективность уголовной политики государства сегодня во многом зависит от того, насколько рационально и социально ориентирована дифференциация уголовной ответственности и выражающая ее система уголовных мер (санкций) и насколько адаптивно она применяется. Следовательно, эффективная уголовная политика требует:

- наличия на законодательном уровне возможности, то есть предусмотренной уголовным законом развернутой по различным направлениям системы мер уголовной ответственности, несущей тот объем карательно-ресоциализационного воздействия, который необходим и достаточен в каждом конкретном случае;

- возможности выбора целесообразной и соразмерной (адекватной) преступлению и социальной системе меры уголовной ответственности на основе реализации преимущественно частично-предупредительной функции ответственности.

В.Д. Спасович и его современники, сделавшие огромный вклад в развитие юриспруденции, еще в XIX в. пришли к пониманию важности индивидуального подхода к лицу, совершившему преступление, и необходимой для этого законодательной базы. Признанные и принятые в настоящее время, данные идеи получили закрепление в уголовном законодательстве Республики Беларусь, однако их реализация все еще требует совершенствования.

Список использованных источников

Захарс, В. Исполнение уголовного наказания в виде принудительных работ в Латвийской республике / В. Захарс // *Альтернативы лишению свободы в системе уголовного правосудия Республики Беларусь: практика и перспективы: материалы Междунар. конф.*, Минск, 26 – 27 ноябр. 2003 г. – Минск, 2003. – С.40 – 51.

Посмаков П.Н. Новые подходы к уголовной политике. / П.Н. Посмаков // *Альтернативы лишению свободы в системе уголовного правосудия Республики Беларусь: практика и перспективы: материалы Междунар. конф.*, Минск, 26 – 27 ноября 2003 г. – Минск, 2003. – С. 17 – 22.

Головко, Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве / Л.В. Головко. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – с. 544.

Меркурьев, В.В. Наказание в системе мер борьбы с преступностью / В.В. Меркурьев // *Реагирование на преступность: концепции, закон, практика.* – М.: Рос. криминолог. ассоц., 2002. – 308 с.

Шестаков, Д.А. Криминология. Преступность как свойство общества / Д.А. Шестаков. – СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2001. – 264 с.

Нерсесян, А.А. Вопросы наказуемости в уголовном праве ФРГ и США / А.А. Нерсесян. – М.: Наука, 1992. – 246 с.

Сукало, В.О. Общие суды: от становления к развитию. Второй съезд судей Республики Беларусь: документы и материалы. Минск, 2002.

Яшин, А.Н. Идеи гуманизма, справедливости и жертвенности в правозащитной деятельности русских адвокатов XIX века / А.Н. Яшин // Вестник Мурманского государственного технического университета. Т. 11 – 2008. – № 4. – С. 713 – 718.

Спасович, В.Д. Вопрос о смертной казни / В.Д. Спасович [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://az.lib.ru/s/spasowich_w_d/text_1863_vopros_o_smertnoy_kazni_oldorfo.shtml. – Дата доступа: 27.09.2019.

Кони, А.Ф. Владимир Данилович Спасович / А.Ф. Кони [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://az.lib.ru/k/koni_a_f/text_0710.shtml. – Дата доступа: 27.09.2019.

Кудрявцев, В.Н. Генезис преступления / В.Н. Кудрявцев. – М.: Форум, 1998. – 216 с.

Иванов, А.А. Цели юридической ответственности, ее функции и принципы / А.А. Иванов // Государство и право. – 2003. – № 6. – С. 66 – 69.

Шкредова, Э.Г. Влияние взглядов В.Д. Спасовича на современное учение и законодательство о множественности преступлений / Э.Г. Шкредова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2006. – № 13. – С. 188 – 190.

Келина, С.Г. О дифференцированном подходе в борьбе с преступностью» / С.Г. Келина // Государство и право. – 2000. – № 3. – С. 106 – 107.

В.Г СКУРАТОВ

СИСТЕМА ДОЛГОСРОЧНОГО ИПОТЕЧНОГО
КРЕДИТОВАНИЯ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

V.G SKURATOV

LONG-TERM MORTGAGE LOAN SYSTEM
IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA

Система долгосрочного ипотечного кредитования в дореволюционной России в значительной степени отличалась от механизмов, применяемых в рамках долгосрочного кредитования как в современной Российской Федерации, так и в Республике Беларусь. В настоящей статье рассмотрены вопросы организации в конце XIX - начале XX веков долгосрочного ипотечного кредитования в России, а также раскрыта юридическая природа основных правовых институтов, занимающих особое место в кредитных правоотношениях того времени.

The system of long-term mortgage lending in pre-revolutionary Russia was significantly different from the mechanisms used in the framework of long-term lending both in the modern Russian Federation and in the Republic of Belarus. This article discusses the organization of long-term mortgage lending in Russia at the end of the 19th and beginning of the 20th centuries, and also discloses the legal nature of the main legal institutions that occupy a special place in credit relations of that time.

Ключевые слова: ипотечное кредитование, банк, ссуда, ипотека, залоговый лист.

Keywords: mortgage lending, bank, loan, mortgage, mortgage list.

Долгосрочное ипотечное кредитование в дореволюционной России осуществлялось, главным образом, специализированными (земельными) банками, которые учреждались исключительно для выдачи ссуд под залог недвижимой собственности в губерниях.

Круг действий земельного банка ограничивался выдачей ссуд под залог:

- земель и городских недвижимых имуществ, принадлежащих заемщикам на праве полной собственности;
- городских участков со строениями, находящихся у заемщиков во владении на праве потомственного бессрочного пользования и распо-

ряжения за определенную и неподлежащую изменению плату.

Сумма ссуд под залог городских недвижимых имуществ не должна была превышать одной трети общего итога оставшихся непогашенных ссуд.

Земельные банки выдавали как долгосрочные ссуды, так и краткосрочные.

Краткосрочные ссуды выдавались на сроки от одного года до трех лет по усмотрению правления (в некоторых банках (например, в Московском) – от шести месяцев до трех лет). При этом они могли быть выданы банком и под заложенные в нем по долгосрочным ссудам имения при условии, что их размер не превышал 10% оценки имений, под залог которых они испрашивались, и совокупность долгов по ссудам (долгосрочной и краткосрочной), выданным под одно и то же имение, не должна была превышать 60% его оценочной стоимости (исключения составляли Ярославско-Костромской, Харьковский и Донской банки, в которых ссуды не могли одновременно числиться на одном и том же имуществе).

Независимо от срока, на который выдавалась ссуда, ее размер не мог превышать 60% оценочной стоимости закладываемого имущества.

Состоящие в общем владении имущества принимались в залог не иначе, как в полном их составе и с согласия всех совладельцев.

При этом ссуды выдавались лишь под залог имущества, свободно от долгов или с условием их уплаты из назначенной к выдаче ссуды, или же по изъявлении кредиторами заемщика согласия на выдачу ссуды с условием, что банк имеет преимущественное право взыскания с принятого им в залог имущества.

Заложенные в банк имущества могли быть отдаваемы с ведома банка в залог под дополнительные ссуды с сохранением за банком преимущественного права на удовлетворение своих требований по выданной ссуде за счет заложенного имущества.

Особо следует обратить внимание, что заложенные банку имения могли переходить из рук в руки, по наследству, дарению и продаже не иначе, как с переводом долга и обязательств в отношении к банку на нового владельца. Акты о переходе права собственности на эти имения совершались только после получения из банка сведений: 1) о сумме долга, следующей переводу на приобретателя имения; 2) о сумме недоимок, подлежащих немедленной уплате, и 3) о том, не назначено ли имение банком в продажу за недоимки, и, если назначено, на какой именно срок. В последнем случае, т.е. если имение назначено в продажу, акт на переход такого имения в другие руки мог быть совершен лишь по уплате суммы недоимок по ссуде, подлежащих немедленному взносу до начала торга. По совершении акта о переходе заложенного в банке имущества установление, в котором совершен акт, обязано

было уведомить об этом правление банка.

В случае уменьшения ценности недвижимого имущества по вине собственника банк имел право потребовать возврата соразмерной части ссуды и ранее истечения первоначально назначенного при залоге имущества срока. Если же собственник не удовлетворит этого требования добровольно, то банку предоставлялось право подать против владельца имущества иск в суд о взыскании части ссуды, соразмерно такому обесценению.

Лицо, желавшее получить ссуду под залог земли, обязано было представить в банк:

- надлежащее свидетельство о принадлежности заемщику имения и о лежащих на нем запрещениях, взысканиях, спорах, исках и проч.;
- план, если таковой имелся;
- подробно составленную оценочную опись имения.

Желавший же получить ссуду под залог строения кроме указанных документов предоставлял страховой полис, который хранился в банке. При этом строение должно было быть застраховано не ниже суммы, назначенной в ссуду, с присовокуплением суммы двухгодовых процентов.

Кроме того, при залоге земельных имений строения, вошедшие в их оценку, должны были до окончательной уплаты долга ежегодно страховаться от огня за счет заемщика, и для того, чтобы в случае пожара следующее от страхового общества вознаграждение передавалось непосредственно банку, полис должен был выдаваться на имя банка и храниться в правлении.

Залогодатель обязан был содержать принятое банком в обеспечение строение в исправности, не обременять его долгами и своевременно перестраховывать с представлением в правление банка страхового полиса не позже, как за месяц до окончания срока предыдущего полиса. В противном случае банк перестраховывал имущество за счет лица, представившего его в обеспечение, и израсходованные деньги взыскивал с него при первом срочном платеже по ссуде.

В случае повреждения пожаром заложенного имущества правление банка предъявляло полис в страховое общество, которое за убытки, происшедшие от пожара, уплачивало банку, а не владельцу. Из полученного вознаграждения банк удерживал причитающуюся часть долга по ссуде. Однако, если заемщик представлял обеспечение в том, что страховое вознаграждение будет употреблено им на возобновление сгоревших строений, и правление банка признавало это обеспечение достаточным, оно могло выдать заемщику это вознаграждение в полном объеме.

В отличие от краткосрочных ссуд, которые выдавались наличными деньгами, долгосрочные ссуды земельные банки выдавали закладны-

ми листами по нарицательной их цене. При этом банк по обоюдному согласию с заемщиком мог принять на себя продажу выданных листов по вольной цене, взимая при этом комиссионную плату в размере, определенном правлением, но не свыше одной четверти процента.

Закладные листы выпускались ежегодно 2 января и 1 июля сериями согласно условиям займов. Они печатались по форме, утвержденной Министром Финансов, с обозначением нарицательного капитала, размера процентов, номера, времени выпуска и способа погашения. Бланки закладных листов могли печататься в Экспедиции Заготовления Государственных бумаг. В возмещение издержек по производству оценки и изготовлению закладных листов взимался одновременно один процент с суммы займа.

К закладным листам прилагался купонный лист. Закладные листы вырезались из книги с талонами и выпускались за подписью председателя и двух членов правления. На каждом закладном листе должна была быть, кроме того, подпись (гриф) уполномоченного лица от Министерства Финансов. За подделку закладных листов виновные подвергались суду и наказанию, как за подделку государственных бумаг.

Сумма выпущенных в обращение закладных листов не должна была превышать более чем в десять раз сумму складочного и запасного капитала банка.

При этом часть складочного капитала, составлявшая одну двадцатую суммы находящихся в обращении закладных листов, должна была храниться в государственных или правительством гарантированных, удобно реализуемых процентных бумагах.

Закладные листы выдавались на предъявителя и могли быть переуступаемы через простую передачу из рук в руки. Владельцу закладных листов предоставлялось право вносить их для хранения в кассы банка. В таком случае взамен закладных листов выдавалась именная квитанция по установленной правлением форме.

Достоинство закладных листов определялось в сто, пятьсот, тысяча, пять тысяч и десять тысяч рублей кредитных или в сто двадцать пять рублей металлических (иногда в сто пятьдесят), считая их равными двадцати фунтам стерлингов, пятистам франкам, двумстам тридцати шести голландским гульденам и ста тридцати четырем прусским талерам.

Закладные листы были процентными ценными бумагами, и в зависимости от срока выдаваемой ими ссуды приносили от 4% до 6% дохода в год. При этом проценты по закладным листам выплачивались предъявителю купонов дважды в год – 2 января и 1 июля.

Уплата процентов по закладным листам и по наступлении срока их полного погашения (вышедших по тиражу листов) нарицательной цены обеспечивалась не только ежегодными взносами и принятыми в

залог имениями, но складочным и запасным капиталом и всем достоянием банка.

Погашение закладных листов производилось:

- уплатой из кассы банка нарицательной цены листов, вышедших по тиражу, который делался два раза в год в сроки, определенные правлением банка, ежегодно на сумму следующих в каждом году погасительных по займам взносов, а также на все наличные деньги, поступившие в течение года в возврат займов до срока;

- покупкою на бирже закладных листов в счет сумм подлежащих тиражу согласно п.1;

- уничтожением закладных листов, внесенных в кассу банка (например, в случае досрочного погашения ссуды закладными листами).

При этом закладные листы, выпущенные с обозначением в них серии и срока уплаты нарицательного капитала, подлежали погашению с соблюдением условий, указанных на самих листах.

Закладные листы, вышедшие в тираж, и купоны, не предъявленные к оплате в течение десяти лет со дня назначенного срока, теряли свое достоинство, и следовавшие по ним платежи зачислялись в пользу банка.

Тираж и уничтожение закладных листов как вышедших в тираж, так и купленных взамен этого на бирже, а равно внесенных в кассу банка, производились в правлении банка публично в присутствии трех депутатов, назначенных общим собранием, и лица, командированного от Министерства Финансов. При этом в уставах некоторых банков (Нижегородско-Самарском и Бессарабско-Таврическом) срок проведения тиража был четко определен, а именно тираж каждый раз проводился за два месяца до срока погашения закладных листов. За каждый закладной лист, вышедший в тираж, уплачивалась нарицательная сумма такой валютой, какая в нем была обозначена.

В течение месяца со дня тиража вышедшие номера закладных листов выставлялись в правлении банка и публиковались в Правительственном Вестнике и местных губернских ведомостях.

По долгосрочной ссуде заемщик обязан был уплачивать с занятой суммы каждые 6 месяцев в зависимости от срока, на который выданы ссуды:

- а) 3 (2,5) процента роста;

- б) на погашение ссуды от 1/8 до 1,5 процента.

Сверх процентов роста и погашения заемщик по всем ссудам обязан был вносить особый полугодовой платеж на составление запасного капитала банка, в дивиденд акционерам и на расходы по управлению банком. Этот платеж на первое по выдаче ссуды время впредь до погашения одной десятой ее части взимался в размере полпроцента с суммы ссуды на каждое полугодие. Затем, по погашении одной деся-

той части первоначальной ссуды, этот платеж в последующее время, до погашения второй десятой части ссуды, взимался в размере $9/10$ первоначального полупроцентного оклада, по погашении двух десятых долга - в размере $8/10$, по погашении трех десятых долга - в размере $7/10$, по погашении четырех десятых долга - в размере $6/10$, по погашении пяти десятых долга - в размере $5/10$ и по погашении шести десятых - в размере $4/10$ первоначального оклада. Взимание данного сбора прекращалось в определенное полугодие с даты выдачи ссуды в зависимости от условий ссуды.

Указанные выше платежи вносились за каждые полгода не позже 30 июня и 31 декабря. При этом они могли вноситься, как наличными деньгами, так и закладными листами банка, вышедшими по тиражу, или купонами от этих листов, по которым наступил срок уплаты.

Если заемщик исправно выполнял свои обязательства по ссуде, то по погашении пятой части лежащего на имении долгосрочного долга допускался перезалог имения с возобновлением долгосрочной ссуды. При этом взимались в пользу банка один процент премии со всей суммы, дополнительно выданной закладными листами по перезалогу.

Заемщики всегда могли сверх названных платежей обязательных в определенном постоянном размере возратить остающийся на них по долгосрочной ссуде долг до срока по частям, в суммах не менее ста рублей и в круглых сотнях или сполна, посредством взноса закладных листов банка по нарицательной цене. При этом, если для досрочного погашения долга заемщик представлял наличные деньги, он был обязан дополнительно заплатить сумму в размере подлежащих уплате процентов по находящимся в обращении по этой ссуде закладным листам.

Если заемщик не уплачивал в срок установленных по займу взносов, ему давалось шесть льготных месяцев с платежом на всякую невнесенную в срок сумму в первые два месяца по 0,5 процента, а в остальные четыре месяца по 1 проценту в месяц с суммы недоимки, считая часть каждого месяца за полный месяц.

Необходимо отметить, что с целью уменьшения размера срочных платежей по прошествии не менее пяти лет со времени выдачи первоначальной ссуды допускалось изменение конечного срока погашения долга (пересрочка) без увеличения его суммы. При этом оставшийся на имении долг округлялся до полных сотен рублей (для чего от заемщика в отдельных случаях требовался взнос наличными деньгами по расчету) и записывался на имении ссудой на новый срок, а лежащее на имении запрещение оставалось в прежней силе.

В случае постигших заложенные имения чрезвычайных бедствий, причинивших сокращение доходов имения, а также в случае смерти владельца, правление банка могло предоставить заемщику льготы по

уплате срочных платежей, которые заключались в рассрочке на три года не более двух полугодичных платежей с обязанностью погасить их равными полугодичными взносами или в отсрочке на один год не внесенного в свое время платежа. С отсроченных и рассроченных сумм заемщики должны были уплачивать по 6 процентов взамен установленной пени.

По прошествии льготного срока, обыкновенного или чрезвычайного, и в случае дальнейшей неисправности заемщика, а также при первом невыполнении заемщиком принятых на себя обязательств перед банком по оказанной ему льготе банк обращал взыскание на заложенное имущество.

Таким образом, если в продолжение льготного срока вся недоимка не была погашена, то правление назначало заложенное имущество в продажу, о чем заемщику посылалось уведомление не позднее двух месяцев со дня истечения льготного срока. Одновременно с этим о назначении имущества в продажу выставлялось объявление в помещении того установления, в котором планировалось проводить торг. При этом невручение заемщику уведомления не останавливало дальнейших действий и не влекло их недействительность (публикаций и торгов).

Со дня посылки заемщику уведомления правление имело право проверить опись предназначенного в продажу имущества в присутствии владельца или его поверенного, а за отсутствием их – при судебном приставе или при полицейском чиновнике.

По прошествии не менее шести месяцев со дня посылки уведомления о назначении имущества в продажу в Правительственном Вестнике (не позднее, чем за шесть месяцев до начала торгов), Вестнике Финансов, Промышленности и Торговли, в губернских ведомостях той губернии, где находилось подлежащее продаже имущество (не позднее двух недель со дня публикации в Правительственном Вестнике), и в одной из наиболее распространенных в Санкт-Петербурге газет помещалась публикация, в которой указывалось время и место, как первого, так и второго торгов и начальная сумма продажи, а также где и когда можно рассматривать делопроизводство, относящееся к обращаемому в продажу имуществу, условия участия в торгах и закрепления имущества за покупателем.

Заемщику позволялось внести недоимку в платежах банку с пеней за просрочку и со всеми расходами по назначению имения в продажу до начала первого торга, а если он не состоялся, до начала второго и тем освободить имущество от продажи.

Продажа с торгов имения, заложенного в банке, производилась по усмотрению правления – самим правлением или теми присутственными местами, в которых по закону она (продажа) допускалась.

Торг начинался с суммы капитального долга по выданной ссуде с причислением к ней льготного полугодового платежа, всех прочих недоимок в платежах, пеней, расходов как по продаже, так и вообще произведенных за счет заемщика, а также взысканий, пользующихся старшинством перед долгом банку. На покупателя, приобретающего имущество, переводилась числящаяся на имуществе ссуда вместе с льготным платежом банку за текущее полугодие, с начисленной по нему пеней. Лица, желавшие принять участие в торге, обязаны были представить залог в сумме, с которой должен был быть начат торг. Залог представлялся наличными деньгами или государственными или правительством гарантированными процентными бумагами, а также закладными листами производящего продажу банка.

В большинстве случаев торг признавался состоявшимся, если сверх суммы, с которой он начинался, была предложена надбавка не менее чем двумя участниками торга.

После продажи правление банка сообщало в соответствующее учреждение о выдаче покупателю на приобретенное им имение узаконенного акта.

При неуспешности первого торга через две недели назначался вторичный, последний, торг. Если и на вторичном торге никто не предложил цены, равной всем платежам, следующим банку с продаваемого имущества, а равно и казенных, городских и земских недоимкам, то имущество поступало в собственность банка, который должен был немедленно, если к этому нет законных препятствий, совершить на имущество крепостной акт и продать это имение в течение одного года за свой счет с торгов или по вольной цене.

В течение всего указанного срока все недоимки и платежи банку, а также и недоимки в казенных, земских или городских сборах должны были уплачиваться из доходов от имения, а недостающая часть – из текущих прибылей банка.

Сумма долга по займу, невырученная при продаже заложенного имения за счет банка, пополнялась из особого резервного фонда, а при его отсутствии из прибылей банка, при их недостаточности – из запасного и, наконец, из основного капитала банка.

Таким образом, долгосрочное кредитование в дореволюционной России осуществлялось специализированными организациями (земельными банками) только под залог недвижимого имущества. При этом долгосрочные ссуды выдавались закладными листами, являющимися процентными ценными бумагами на предъявителя, обеспеченными заложенным имуществом, переход прав по которым осуществлялся простой передачей из рук в руки. Переход права собственности на заложенное имущество осуществлялся не иначе, как с переводом долга и обязательств в отношении к банку на нового владельца. Основанием

обращения взыскания на данное имущество являлось неисполнение должником обязательств по установленным по ссуде периодическим взносам, размер, порядок и сроки уплаты которых определялись не договором, заключенным между банком и заемщиком, а уставами банков и другими правовыми актами. При этом недостаточность суммы, вырученной от реализации заложенного имущества, рассматривалась как убытки банка.

Список использованных источников

1 Шелков, О. В. Ипотечное кредитование: история, теория, перспективы, практические рекомендации для заемщиков / О. В. Шелков. – Мн. : Дикта, 2007. – 252 с.

2 Правовые проблемы организации рынка ипотечного кредитования в России / В. С. Ем [и др.]; под ред. В. С. Ема. – М. : СТАТУТ, 1999. – 256 с.

3 Устав акционерных земельных банков // Правовые проблемы организации рынка ипотечного кредитования в России ; под ред. В. С. Ема – М. : Статут, 1999. – С. 127–187.

4 Башмаков, А.А. Основные начала ипотечного права: Лекции читанные в г. Либаве в 1891 г. / А.А. Башмаковым. – Либав: Издание Лито-Типографии М. Петерсона, 1891. – XVIII, 248 с.

5 Базанов, И.А. Происхождение современной ипотеки. Новейшие течения в вотчинном праве в связи с современным строем народного хозяйства / И.А. Базанов. - М. : Статут : Консультант Плюс, 2004 (ОАО Ярослав. полигр. комб.). – 587 с.

М.А.СОСНИНА

К ПРОБЛЕМЕ СООТНОШЕНИЯ ОБЫЧНОГО ПРАВА
И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

M.A.SOSNINA

ON THE ISSUE OF THE RELATIONSHIP BETWEEN CUSTOMARY
LAW AND LEGISLATION: HISTORY AND MODERNITY

В статье исследуется проблема соотношения обычного права и официального законодательства с позиций истории и современности.

The article is devoted to the problem of using of the Revisiting the correlation between customary law and legislation from historical and modern points of view.

Ключевые слова: закон, обычай, государственное регулирование, корпоративное регулирование, волостной суд.

Keywords: legislation, customary law, government regulation, corporate management, volost court.

В настоящее время в правовой науке всё чаще утверждается, что источником правовых норм является не только правотворческая деятельность государства, но и живое право, нормы которого рождаются в недрах народной жизни.

Существование государственного регулирования – факт очевидный, но можно ли за иными, кроме государства, публичными образованиями признать правотворческий потенциал – проблема дискуссионная. Общество всегда обладало мощным потенциалом самоорганизации и саморегулирования. Наряду с идущим от государства законодательством всегда существовало локальное нормотворчество и корпоративное регулирование. Особенно это относится к России периода с 1861 по 1917 гг.

Перспективы и возможности корпоративного регулирования, его правообразующие возможности целесообразно рассмотреть на примере функционирования обычного права во второй половине XIX начале XX вв. Россию данного периода отличала высокая степень признания и познания феномена обычного права, поскольку после отмены крепостного права большая часть гражданских дел решалась в волостных судах на основе норм обычного права.

Широкое распространение обычного права и признание данного факта государством в России было обусловлено рядом причин.

Во-первых, это создание Русского Географического Общества, основанного в 1845 г. Императором Николаем I. С целью систематизации обычного права народов России была составлена специальная программа собирания народных юридических обычаев в 1864 г. [5; 1]. В 1876 г. в рамках Русского Географического Общества по инициативе действительного члена Общества Н.В. Калачова была создана специальная комиссия по изучению народных юридических обычаев с целью не только составления программы по изучению обычаев, но и издание сборника последних [5; 2].

Во-вторых, в рассматриваемый период крестьянство, которое составляло абсолютное большинство населения России, в своих гражданско-правовых отношениях руководствовалось нормами обычного права в силу исторически сложившихся причин. С одной стороны, российский законодатель уделял гражданско-правовым нормам гораздо меньше внимания, чем уголовно-правовым. С другой стороны, обширность территории Российской Империи обуславливала применение обычно-правовых норм, поскольку они учитывали особенности конкретной местности.

В-третьих, росту исследовательского интереса к проблемам обычного права способствовало проведение в стране буржуазных реформ, в частности крестьянской и судебной, которые вывели на законодательный уровень крестьянские суды и обычай как источник волостного судопроизводства. Обширная практика волостных судов, собранная Комиссией по преобразованию волостных судов М.Н. Любоцинского, стала основой для исследований в области обычного права. В частности, С.В. Пахман в труде «Обычное гражданское право в России: юридические очерки» ставил перед собой задачу на основе анализа решений волостных судов по конкретным делам выяснить, какие юридические начала, кроме законодательных норм, применяются в крестьянском быту в области гражданских правоотношений [4]. В-четвёртых, в рассматриваемый период действовавшее гражданское законодательство было основано на теоретических представлениях и институтах римского права. Между законом и обычным правом, основанием которого были крестьянские представления о правде и справедливости, возникали явные противоречия. В своё время И.Г. Оршанский заметил, «ни один из европейских кодексов не сложился так независимо от народных обычаев, как русский, и, следовательно, ни один не нуждается в такой степени в обычае как в коррективе официального права» [3; 202]. В свете проводимых в стране буржуазных реформ Свод законов Российской Империи перестал соответствовать требованиям практической жизни и возникла острая необходимость создания нового гражданского уложения.

С 1880-х годов шел процесс оценки практики деятельности волостных судов, которые, принимая решения, руководствовались обычным правом. Первым общим результатом оценки информации стала кодификация Мухина, которая была опубликована в 1888 г. [5] и стала явлением в русской юридической мысли. Единство решений волостных судов по важнейшим вопросам на всей территории Российской империи свидетельствовало об одинаковом понимании крестьянами понятия «справедливость». Совокупность этих решений и получила официальное название «обычное право».

Современные исследователи подчёркивают, что по прошествии времени мало что изменилось. Практика игнорирования историко-правовых и этнокультурных традиций (к которым в полной мере относится обычное право) приводит к утрате многих существенных и глубинных качеств права, составляющих его своеобразие, и нарушению преемственности в развитии национального права [6; 3].

Тем не менее, в настоящее время обычное право на официальном уровне признаётся источником норм, используемых в судопроизводстве при рассмотрении дел, касающихся статуса коренных малочисленных народов. Ярким примером этого может служить принятый в 1999 г. Закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» [7], статья 14 которого «Судебная защита прав малочисленных народов» включает положение о том, что «при рассмотрении в судах дел, в которых лица, относящиеся к малочисленным народам, выступают в качестве истцов, ответчиков, потерпевших или обвиняемых, могут приниматься во внимание традиции и обычаи этих народов, не противоречащие федеральным законам и законам субъектов Российской Федерации».

Закрепленная в законе возможность является особенно актуальной для коренных народов, так как их свободное существование в современном мире затруднено ввиду разницы принципов и методов природопользования, мировоззрения, организации семейной жизни, и часто самих основ их жизнедеятельности и хозяйствования. К сожалению, эти различия не фиксируются в нормативных актах, т.к. законодатель принимает те или иные нормы часто без учета потребностей коренных народов. В судебной практике значение традиций и обычаев как оснований для оценки юридических фактов практически общепризнанно, однако трудность состоит в том, что нередко судьи недостаточно осведомлены о традициях и обычаях участников судебного процесса. В силу данного обстоятельства норма, призывающая суд учитывать традиции и обычаи, остаётся практически бездействующей.

В условиях модернизации политико-правовой системы России, когда право меняет ту реальность, которую оно призвано отражать [7; 10], законодателю необходимо пересмотреть свое отношение к обычному

праву. При грамотном научном подходе практическое применение обычного права имеет широкие перспективы в плане восстановления связей между официальным правом и его общественными истоками.

Список использованных источников

1. О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации. Федеральный закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ // Российская газета. 1999. № 90. 12 мая.
2. Мухин В. Обычный порядок исследования у крестьян. СПб., 1888.
3. Оршанский И.Г. Исследования по русскому праву обычному и брачному. СПб., 1879.
4. Пахман С.В. Обычное гражданское право в России: юридические очерки. Т. 1. СПб., 1877.
5. Сборник народных юридических обычаев. Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии. Т. 8. / Под ред. П.А. Матвеева. СПб., 1878.
6. Шатковская Т.В. Обычное право российских крестьян второй половины XIX – начала XX века: историко-правовой аспект. Автореферат на соискание учёной степени доктора юридических наук. Ростов-на-Дону, 2009.
7. Шитаха И. Правовая реформа. Теория и практика: Учебное пособие. Пер. с англ. Под ред. Н.Г. Дорониной.

Е.В.СТАРИКОВА

**ВКЛАД В.Д.СПАСОВИЧА В СТАНОВЛЕНИЕ
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА**

E.V. STARIKOVA

**CONTRIBUTION OF V.D. SPASOVICH TO THE
ESTABLISHMENT OF CRIMINAL PROCEEDINGS**

Статья посвящена деятельности и исследованиям известного юриста, адвоката и публициста В.Д.Спасовича в области уголовного судопроизводства. Рассмотрены предложения и научные разработки В.Д.Спасовича по вопросам усовершенствования и модернизирования существующей на тот момент системы судостроительства и судопроизводства. Раскрыты подходы правоведа-теоретика к составляющим основам профессиональной деятельности судей, прокуроров и защитников в рамках неукоснительного соблюдения прав человека, равенства и справедливости.

The article is devoted to the activities and research of the famous lawyer, lawyer and publicist V.D.Spasovich in the field of criminal proceedings. The proposals and scientific developments of V.D.Spasovich on the improvement and modernization of the then existing system of judicial system and legal proceedings were examined. The approaches of a theoretical lawyer to the fundamental principles of the professional activity of judges, prosecutors and advocates are revealed in the framework of strict observance of human rights, equality and justice.

Ключевые слова: В.Д.Спасович, профессиональная деятельность, права, суд, покурор, защитник, законодательство, доказывание и доказательства, принципы судопроизводства.

Keywords: V.D.Spasovich, professional activity, rights, court, prosecutor, defender, legislation, proving and evidence, principles of legal proceedings.

Владимир Данилович Спасович известен как ученый-юрист, адвокат, общественный деятель и публицист. В.Д.Спасович внес огромный вклад в развитие отраслей юриспруденции, а также его работы по литературоведению, где он проводит исследовательскую деятельность творчества выдающихся поэтов и писателей, считаются значимыми

в своей области. Стремление к расширению круга интересов способствовали получению В.Д.Спасовичем профессиональных знаний в области проблем психофизиологии человека.

На протяжении всей своей жизни В.Д.Спасович успешно занимался научной деятельностью, исследовал многие проблемы в области права. Очень прогрессивными и своевременными стали его публикации по уголовному праву. Учебник уголовного права, за который в 1863 г. В.Д.Спасовичу присвоили ученую степень доктора права, был одним из первых российских учебников [1, с. 11].

Многие авторы, исследуя биографию и деятельность В.Д.Спасовича, часто актуализируют внимание на значимом и прогрессивном для своего времени подходе в осуществлении профессиональной деятельности. В.Д.Спасовичу принадлежит заслуга в рассмотрении вопросов справедливости, которые нашли отражение в его разработанных учениях. В своих высказываниях и работах В.Д.Спасович как ученый-юрист часто затрагивал вопросы реализации прав и свобод личности, особенно в уголовном судопроизводстве и назначении наказания.

В.Д.Спасович всегда отстаивал утвержденную позицию о необходимости адвокатской защиты в суде, поскольку «не одинаковы шансы состязания между прокурором, снабженным могущественными средствами розыска, и подсудимым, который изолирован в обществе уже по самому падающему на него подозрению», и вследствие чего «без адвокатов нет никакого равновесия между обвинением и защитой» [2]. Будучи профессионалом в сфере юриспруденции и сторонником защиты прав граждан, В.Д.Спасович настаивал на даче «подсудимому возможности защищаться, как он хочет и как он может: самому или посредством друзей и знакомых, сведущих в законе» или же обратиться к адвокатам, а «если он беден, снабдить его даровым защитником» [2]. Осуществление данного принципа права на защиту как лично, так и с помощью защитника, предусмотрено в современном законодательстве и обеспечивается установленными законом средствами и способами.

Став спустя два года (в 1866 г.) после судебной реформы в России одним из первых присяжных поверенных, В.Д.Спасович получил широкую известность в обществе. Он принимал активное участие в выстраивании взаимоотношений адвокатуры с обществом, государством и судом, в повышении ее авторитета, укреплении идеи о соблюдении и защите прав каждого человека [1, с. 7]. Он отличался детальным разбором обстоятельств дел, подробным анализом доказательств, умелым подбором аргументов, убедительной обоснованностью выводов, остроумием и безупречной логикой, что позволяло ему быть востребованным адвокатом [3].

Стремясь в каждом деле «исследовать истину», В.Д.Спасович всегда держался максимально возможной меры объективности, исследова-

тельской честности, если даже она оказывалась не в интересах защиты. В.Д.Спасович полагал, что защитник по назначению суда обязан принять и безнадежное дело, защищать своего клиента, даже если тот отказывается от защиты [4]. Также необходимо отметить, что на основе его судебных речей, а также выступлений таких ораторов, как Ф.Н.Плевако, А.Ф.Кони и иных правоведов, в последующем формировались правила судебной (юридической) этики [1, с. 7].

В рамках уголовного судопроизводства В.Д.Спасович уделял значение теории доказательств, которые нашли отражение в проведенном фундаментальном исследовании. Обществу умозаключения на данную тему были представлены в виде публичных лекций «О теории судебного-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством» (1860г.). Он писал, что «система судебных доказательств данной эпохи есть вернейший масштаб умственного развития народа в данный момент, признак его младенчества и немощи или его возмужалости и зрелости в деле исследования важнейшего вида правды, правды юридической» [2].

В своих работах В.Д.Спасович представил и проанализировал исторический ход развития системы доказательств в праве, где он критиковал применение формальной системы доказательств. Аргументированно доказал, что система судебных доказательств по Воинскому уставу 1716 г. и Своду законов, действующих на тот момент, значительно устарели и предложил возможные способы преобразования, подтвердив их конкретными примерами.

В.Д.Спасович придавал принципиальное значение задачам и устройству суда, способам и выводам судебного исследования. Суд должен быть независим от администрации потому, что только тогда он может выполнить свое назначение, а назначение его состоит в том, чтобы удерживать все элементы общественные в устойчивом равновесии предупреждать всякие насильственные между ними столкновения, быть опорой для слабых, угнетаемых, чтобы, стоя превыше всех партий, служить регулятором народной жизни. Только судья может быть представителем и органом закона [2]. Он считал, что независимость суда достигается закреплением нескольких судоустроительных и уголовно-процессуальных институтов, к важнейшим из которых он относит: 1) несменяемость судей; 2) рассредоточение процессуальных функций между субъектами уголовно-процессуальных правоотношений; 3) особая организация судебных мест и порядок замещения и отрешения от судейских должностей; 4) привлечение к отправлению правосудия населения; 5) гласность судопроизводства, важность которого сравнима с важностью воздуха для дыхания [5, с. 20].

В.Д.Спасович уделял большое внимание должности судьи и писал, что «никто не может быть в одно и тоже время и стороной и судьей»

[2]. Также в его суждениях находит отражение принцип независимости судей, который он видел в том, что «судья не должен быть представителем, хотя бы самых почтенных, интересов, даже и интересов общественных». Вердикт, выносимый на основе оценки совокупности доказательств должен рассматриваться судом, по мнению В.Д.Спасовича, «как дело холодного, беспристрастного рассудка». В своих лекциях он указывал, что «на выводе судьи основывается приговор судебный, а этот приговор есть закон обязательный для всех по данному делу» [2]. Поэтому, В.Д.Спасович со временем пришел к выводу о необходимости коллегиального рассмотрения дел с участием присяжных. Данный принцип (с учетом преобразований) является актуальным и для современной судебной системы Республики Беларусь, где процессуально предусмотрено единоличное и коллегиальное рассмотрение дел судом (в составе судьи и двух народных заседателей). Наличие и сохранение института народных заседателей, способствует реализации прав граждан на участие в правосудии, эффективности в обеспечении защиты прав и интересов сторон уголовного процесса.

В ходе осуществления судопроизводства особое положение знаменитым юристом, придавалось прокуратуре и соответственно ее участию в уголовном процессе. Основываясь на своих доводах, В.Д.Спасович пришел к выводу о недопустимости надзора за судом со стороны прокуратуры. В своих рассуждениях великий деятель, делал акцент на то, что либо прокурор выступает в роли стража закона, органа государственной инквизиции, глаза правительства, надзирающим за правильностью решений судов либо как истец по делам государства и общества. При этом одним и другим одновременно он быть не может [2]. Он считал, что прокурор должен быть только истцом, при этом «задача его – предъявление и поддержание уголовных исков». Но, рассматривая данное направление, В.Д.Спасович не видел надобности в ограничении частной инициативы на подачу жалоб, а наоборот, считал, что её необходимо всячески усиливать и по возможности расширять. Поскольку ряд преступлений он выделял как уголовно-частные (которые стоят на пограничье частного и уголовного права), поэтому не иначе как по жалобе потерпевших («обиженных лиц») они не рассматривались. В.Д.Спасович в своих работах писал о том, что не надо представлять себе общество как нечто отдельное от человека. И, исходя из этого, целесообразным видел участие прокурора в преступлениях против общества, лишь в случае недостатка частного обвинения, и несколько не монополизировав в свою пользу право на общественный иск [2]. В целом В.Д.Спасович был сторонником «соревновательного судопроизводства», которое способствует исполнению обязанностей и осуществлению предоставленных прав сторонам защиты и обвинения.

Проведенная в 1864 г. судебная реформа, повлекла за собой череду

преобразований и включила в себя ряд предложений и научных разработок В.Д.Спасовича, которые ранее нашли отражение в публикациях по вопросам усовершенствования и модернизирования существующей на тот момент системы судостроительства и судопроизводства.

В 1881 г., выступая на собрании Петербургского юридического общества, Владимир Данилович отмечал, что важнейшим достижением реформы являлось введение устного судебного разбирательства. В виду этого В.Д.Спасович считал существенным недостатком реформы повсеместное введение русского языка в судопроизводство. По его мнению, вопрос о языке судопроизводства не вставал до тех пор, пока судебная реформа не распространилась за пределы русскоязычных губерний [6, с. 78].

Выступая, в начале 1891 г. на публичных чтениях в Санкт-Петербургском Педагогическом музее В.Д.Спасович дает характеристику деятельности суда и определяет основные направления этой деятельности. Он отмечает, что работа суда направлена на то, чтобы установить с наибольшим правдоподобием, как бы тому ни противились заинтересованные в деле стороны: во-первых, кто совершил в данном случае преступление; во-вторых, какая в этом деле степень его вины и ответственности [1, с. 74]. Проводит аналогию деятельности суда с исследованием истины: «доказательства, посредством каких судья доходит до истины, суть общие логические основания убеждений в истине» [1, с. 75].

Профессиональная деятельность и теоретические разработки В.Д.Спасовича, способствовали становлению и развитию уголовного судопроизводства в контексте неукоснительного соблюдения прав человека, равенства и справедливости. Владимир Данилович отстаивал принципы независимости суда от администрации, гласности, несменяемости судей, был приверженцем состязательного судопроизводства. Важным аспектом считал принцип устного проведения судебных заседаний, поскольку именно таким образом можно передать глубинный смысл оснований защиты и обвинения. Правовед-теоретик В.Д.Спасович аргументированно разработал теорию становления институтов доказательств и доказывания, обосновав необходимость в совершенствовании подхода к данному вопросу на законодательном уровне.

В.Д.Спасович уделял внимание нравственным качествам участников уголовного судопроизводства, этическим нормам и правилам, которые должны составлять профессиональную основу деятельности судей, прокуроров и защитников. Направления деятельности В.Д.Спасовича были акцентированы на эффективность разрешения уголовных дел с целью неотвратимости наказания. Идеи ученого по совершенствованию законодательства в области уголовного процесса и судопроизводства нашли отражение в современном отечественном законодательстве.

Список использованных источников

1. Спасович, В.Д. Избранные труды / В.Д.Спасович. – Минск: Редакция журнала «Промышленно торговое право», 2015. – 320 с. – (Наследие права).
2. Спасович, В.Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством / В.Д.Спасович // Библиотека криминалистики и уголовного процесса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://biblio.crimlib.info/www/showBook.php?id=78>. – Дата доступа: 29.09.2019.
3. Викулов, Е.К. К вопросу об этике адвоката и его речи в защиту подсудимого / Е.К.Викулов // Социально-политические науки, 1'2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/k-voprosu-ob-etike-advokata-i-ego-rechi-v-zaschitu-podsudimogo>. – Дата доступа: 29.09.2019.
4. Троицкий, Н.А. Спасович Владимир Данилович (1829-1906) / Н.А.Троицкий // Тайны истории [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://secrethistory.su/424-spasovich-vladimir-danilovich-1829-1906.html>. – Дата доступа: 30.09.2019.
5. Верещагина, А.В. В.Д.Спасович о взаимной связи институтов доказательств и доказывания и уголовно-процессуальной формы / А.В.Верещагина // В служении Фемиде и обществу: страницы жизни и деятельности В.Д.Спасовича: сборник научных статей / редкол.: И.И.Эсмантович (гл. ред.) [и др.]; М-во образования Республики Беларусь, Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель: ГГУ имени Ф. Скорины, 2016. – 77 с. С. 17-21.
6. Грахоцкий, А.П. В.Д.Спасович о национальном вопросе в Российской империи / А.П.Грахоцкий // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2017. – № 2 (101). – С.77-80.

И.О.ТКАЧЕВ

ВИДЫ УГОЛОВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ
ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XIX В.

I.O.TKACHEV

TYPES OF CRIMINAL OFFENSES IN 19TH CENTURY RUSSIAN
EMPIRE CRIMINAL LAW

В статье анализируются нормы уголовного законодательства Российской Империи XIX в., посвященные классификации уголовных правонарушений. Автор отмечает, что впервые категория уголовного проступка была сформулирована в Своде законов Российской Империи 1832 года. Однако, ни в первоначальной редакции XV тома Свода законов, ни в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года отсутствовало последовательное разграничение уголовного проступка и преступления. В ходе реализации судебной реформы Александра II была создана система мировых судов, что, по мнению автора статьи, предопределило внесение изменений в уголовное законодательство в части классификации преступных деяний. Делается вывод о том, что наиболее полно вопрос о разграничении преступлений и уголовных проступков был разработан в Уголовном уложении 1903 года.

The article is aimed to analyze the XIX Russian Empire criminal legislation in terms of classification of criminal violations. As author notices, the notion of misdemeanor was initially mentioned in 1832 Russian Empire Code of Statutes. Nevertheless, neither the first version of the XV-th volume of the Code, not the 1845 Code of criminal and penitentiary punishments had a consistent and strict differentiation between misdemeanor and crime as such. As the judicial reform of Alexander II started, the system of magistrates courts was established, which determined the innovations into the criminal legislation in terms of differentiation of criminal doings. The author concludes that the idea to differentiate between crimes and misdemeanors was consistently realized in Criminal Code of 1903

Ключевые слова: уголовный проступок, классификация уголовных правонарушений, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, Уголовное уложение 1903 года, судебная реформа

Key words: criminal offense, classification of criminal offenses, Code of criminal and penitentiary punishments of 1845, the Criminal Code of 1903, judicial reform

На рассмотрении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации находится внесенный Верховным Судом Российской Федерации законопроект № 612292-7, предусматривающий введение в уголовное законодательство категории уголовного проступка. Несмотря на то, что указанный законопроект не получил до настоящего времени положительного заключения Правительства Российской Федерации и профильного комитета по государственному строительству и законодательству, возможность его принятия нельзя считать утраченной. Соответствующее постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 2017 г. № 42, которым было оформлено решение о внесении законопроекта, высшей судебной инстанцией не отменено.

Законодательная инициатива Верховного Суда Российской Федерации вызвала бурную полемику среди представителей научной общест-венности относительно необходимости столь кардинальных изменений уголовного закона. В связи с этим нелишним будет обратиться к отечественному законодательству XIX в., поскольку именно в этот период впервые законодательно формулируется понятие уголовного проступка [1, с.54].

При этом, как верно отмечает Е.В. Рогова, идея разграничения преступлений и проступков возникла еще в XVIII в. По свидетельству указанного исследователя, Екатерина II в первом дополнении к большому Наказу Уложенной комиссии 1767 г. высказала заимствованную у Монтескье мысль о том, что «не надобно смешивать великого нарушения закона с простым нарушением установленного благочиния: сих вещей в одном ряду ставить не должно». Соответствующее законоположение нашло свое отражение в Уставе благочиния, или полицейском 1782 г., согласно которому лица, совершившие значительные правонарушения, направлялись в суд для определения им меры наказания, а по малозначительным нарушениям решение принималось в полиции [2, с.146].

Как можно заметить, разграничение публично-правовых деликтов по степени их общественной опасности выполняло в данном случае сугубо практическую функцию и служило задачам снижения нагрузки на судебные учреждения, ускорения и удешевления процедуры рассмотрения дел о незначительных нарушениях.

Вместе с тем, само понятие «уголовный проступок» для обозначения соответствующего вида публично-правовых деликтов в законодательстве XVIII в. отсутствовало. Впервые указанный термин был использован в XV томе Свода законов Российской империи 1832 г. Данный нормативно-правовой акт является результатом инкорпорации, проведенной II отделением Его Императорского Величества Канцелярии (далее – II отделение) под руководством М.М. Сперанского. Отмеченный выше способ систематизации нормативного материа-

ла не предполагал существенной содержательной ревизии правовых предписаний. В связи с этим первоначальная редакция ст. 2 указанного тома Свода законов, следуя логике Устава 1782 г., определяла проступок как деяние, запрещенное под страхом легкого телесного наказания или полицейского исправления. Однако помимо самого определения какой-либо разработки категория проступка в названном правовом акте не получила.

Следующим шагом на пути становления категории уголовного проступка является Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., которое большинством исследователей рассматривается как первый полноценный кодифицированный уголовный закон Российской Империи [3, с.70].

Необходимо обратить внимание, что за период своего действия Уложение 1845 г. пережило несколько существенных изменений, в том числе – в части классификации уголовных правонарушений. Первоначальная редакция Уложения определяла преступление как «всякое нарушение закона, через которое посягается на неприкосновенность прав власти верховной и установленных ею властей или же на права или безопасность общества или частных лиц» (ст. 1). В свою очередь, под проступком понималось «нарушение правил, предписанных для охранения определенных законом прав и общественной или же личной безопасности или пользы» (ст. 2). С учетом вышеприведенных определений, в специальной литературе отграничение проступков от преступлений по Уложению 1845 г. проводится, как правило, исходя из объекта преступного посягательства [2, с.146; 1, с.54].

Вместе с тем, для Уложения, как и для Свода законов, было характерно отсутствие четкого разграничения уголовной, административной и дисциплинарной ответственности. Многие составы преступлений, вошедшие в Уложение, в том XIV Свода законов были помещены в Полицейском уставе о предупреждении и пресечении преступлений [3, 71]. Какое-либо последовательное разграничение категорий преступления и проступка в Уложении 1845 года отсутствовало.

Именно по этой причине, по версии Е.В. Роговой, классификация уголовных правонарушений на преступления и проступки была исключена из новых редакций Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1866 и 1885г.г. [2, с.146], в ст. 1 которых определялось, что «преступлением или проступком признается как само противозаконное деяние, так и неисполнение того, что под страхом наказания законом предписано».

Не оспаривая исходный посыл рассуждений названного автора, с его выводом относительно причин редакционной правки Уложения 1845 г. мы не можем согласиться. Как представляется, изменения Уложения 1845 г. были обусловлены, прежде всего, судебной реформой

Александра II, в рамках которой была создана система мировых судов.

Так, по свидетельству Е.Л. Поцелуева, впервые мысль о необходимости изменения Уложения 1845 г. была высказана в 1860 г. управляющим II отделением графом В.Д. Блудовым. В сентябре 1862 г. сменивший его на этом посту М.А. Корф в докладе Александру II детально обосновал предложение о пересмотре Уложения. При этом по оценке М.А. Корфа, из Уложения следовало исключить около 600 статей именно в связи с разработкой Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями [4, с.183]. В связи с этим в литературе справедливо отмечается, что именно после введения института мировых судей критика Уложения 1845 г. получила новый импульс [5, с.243].

Примечательно, что первоначально в ходе работы по реформированию Уложения по инициативе комиссии Министерства внутренних дел были выделены статьи о проступках, подведомственных судебно-полицейскому разбирательству, которые составили Судебно-полицейский устав [4, с.184]. Таким образом, обособление уголовных проступков в самостоятельную группу также преследовало цель упростить процедуру разрешения соответствующей категории дел и добиться снижения нагрузки на судебные органы.

Однако проект Судебно-полицейского устава остался не принятым. В ходе судебной реформы императора Александра II в России впервые была создана система мировых судов. В связи с этим проект Судебно-полицейского устава послужил основой для подготовленного сотрудниками II отделения Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864г. При этом, как отмечает Ф.Ф. Дудырев, в качестве еще одного образца при создании Устава 1864 г. был взят Устав сельских гминных судов Царства Польского [6, с.194], что указывает на учет мирового опыта при решении вопроса о классификации преступных деяний.

Соответственно, в Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, вошли нормы, предусматривающие ответственность за наименее тяжкие преступления и проступки, содержащиеся ранее в Уложении 1845 г., а также некоторых других нормативных актах (уставах строительном, почтовом, пожарном, телеграфном, путей сообщения). Именно в связи с принятием Устава в 1866 г. была подготовлена новая редакция Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, которая включала в себя только 1 711 статей вместо 2 304 [6, с.195]. Как отмечал современник реформ проф. Н.С. Таганцев, из Уложения были выделены статьи, относящиеся к проступкам, подведомственным судебно-полицейскому разбирательству [7, с.175]. Всего по результатам реформы из Уложения было изъято 652 статей, производство по которым было отнесено к компетенции мировых судей.

Таким образом, исключение понятия проступка из Уложения о наказаниях уголовных и исправительных было обусловлено не отказом

государства от разграничения видов уголовных правонарушений, но было продиктовано стремлением «вдохнуть» в указанную категорию вторую жизнь в связи с созданием системы мировых судов.

Вместе с тем, принятие Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, не позволило органично вплести рассматриваемую категорию в уголовно-правовую материю. Поступок и преступление в уголовном законодательстве существовали сами по себе. В связи с этим нельзя не согласиться с В.Д. Спасовичем, который говоря о недостатках судебной реформы, утверждал, что «сооружены два отдельные несообщающиеся здания, вместо одного цельного многоэтажного: одно – мировое, другое – обыкновенная юстиция» [8, с.101]. По свидетельству А.А. Лохвицкого, законодательство судебной реформы и Уложение в редакции 1866 г. «внесли решительную темноту в вопрос о разграничении преступлений и проступков» [9, с.34].

Следующей важной вехой в развитии норм о классификации уголовных правонарушений стало Уголовное уложение 1903 г. Несмотря на то, что проект Уголовного уложения был утвержден императором Николаем II только 22 марта 1903 г., основная работа по его разработке велась именно в XIX в. Как уже отмечалось, реализация судебной реформы императора Александра II обнажила коренное несовершенство уголовного законодательства, которое нуждалось в фундаментальной переработке. В связи с этим уже в апреле 1870 г. Александр II поручил Министерству юстиции и II отделению подготовку проекта нового уголовного уложения, однако в апреле 1873 г. соответствующая работа после обсуждения в Государственном совете вновь разработанной системы наказаний была приостановлена. Только в ноябре 1879 г. Государственный совет вновь вернулся вопросу о создании нового уголовного кодекса и уже 11 декабря 1879 г. Александр II поручил министру внутренних дел Д.Н. Набокову и главноуправляющему II отделением князю С.Н. Урусову составить и представить на утверждение соответствующий план работ. Этот план был представлен 22 апреля 1881 г. и в этот же день утвержден императором Александром III. Работа по подготовке нового уголовного закона официально началась.

Примечательно, что в соответствии с представленным планом, для составления проекта уголовного уложения требовалось создание особого комитета «из лиц, близко знакомых с теорией уголовного права и судебной практикой». Персональный состав такого комитета был утвержден 30 апреля 1881 г. Из членов указанного комитета в дальнейшем формировалась редакционная комиссия, приступившая к работе 22 октября 1881 г., на которую, собственно, и возлагалось составление как самого текста уложения, так и пояснительной записки к нему. Никогда прежде и, пожалуй, никогда в будущем научная общественность не принимала такого непосредственного участия в подготовке текста

уголовного закона. В состав редакционной комиссии вошли профессора Петербургского университета Н.С. Таганцев и Я.И. Фойницкий, профессора Военно-юридической академии Н.А. Неклюдов и В.К. Случевский [6, с.195-196]. Кроме того, важно отметить, что комитет должен был учитывать зарубежный законодательный опыт [5, с.250].

Именно проф. Н.С. Таганцев взял на себя подготовку общей части уложения, первоначальный проект которой был представлен в 1882 г. Окончательно, существенно переработанный и дополненный, проект Общей части был представлен в августе 1884 г. [4, с.190]. Последовавшая полоса контрреформ существенно замедлила работу по подготовке уложения, в связи с чем работа над проектом Уложения в целом была завершена только в 1895 г. В апреле указанного года проект вместе с пояснительной запиской был внесен в министерство юстиции. Началась длительная, растянувшаяся почти на 3 года, работа по согласованию проекта с министерствами и прочими ведомствами. Только в 1898 г. проект Уголовного уложения был внесен на рассмотрение в Государственный Совет, где для целей его обсуждения по распоряжению императора от 03 июня 1898 г. было создано Особое совещание, а затем Особое присутствие соединенных департаментов, работа которого началась уже в XX в. Только 10 февраля 1903 г. проект Уголовного уложения был одобрен общим собранием Государственного Совета и представлен для утверждения императору Николаю II.

Как справедливо отмечается в юридической литературе, именно Уложение 1903г. содержало наиболее разработанные с юридической точки зрения нормы о классификации преступлений среди всех источников дореволюционного периода [10, с.28]. При этом впервые в истории отечественного уголовного законодательства предусматривалась трехзвенная классификация преступных деяний, в основу которой, так же как и в Своде законов, была положена тяжесть наказания, которое могло быть назначено за совершение соответствующего деяния. Так, согласно ст. 3 Уложения, преступные деяния, за которые в качестве максимального наказания в законе были определены смертная казнь, каторга или ссылка на поселение, именовались тяжкими преступлениями. Преступные деяния, за которые в качестве высшего наказания были предусмотрены заключение в исправительном доме, крепости или тюрьме, назывались преступлениями. Наконец, преступные деяния, максимально возможное наказание за которые определялось в виде ареста или денежной пени (штрафа), обозначались в Уложении 1903г. как проступки. Такое деление, согласно некоторым исследователям, соответствовало подразделению самих наказаний на тяжкие, средней тяжести и легкие [11, с.154]. При этом в юридической литературе такой подход справедливо критиковался, поскольку отражал не внутреннюю природу, свойствен-

ную человеческому поступку, а усмотрение органа законодательной власти [12, с.58].

Важное отметить, что в отличие более ранних законодательных актов, содержащаяся в Уложении 1903 г. классификация имела непосредственное уголовно-правовое значение при решении вопросов о действии уголовного закона в пространстве (ст. 9), ответственности несовершеннолетних (ст. 41), наказуемости покушения (ст. 49), соучастия (ст. 51, 52), возможности смягчения и замены наказаний (ст. 53, 55, 56), а также давности привлечения к уголовной ответственности (ст. 68) [10, с.29]. Кроме того, указанное деление вводилось «по соображениям практического удобства двоякого рода: процессуального и кодификационно-технического. В первом случае это деление соответствовало разделению судов на высшие, средние и низшие и объему подсудности каждого из них. Во втором оно значительно облегчало редакцию статей Кодекса, давая возможность кратким термином заменить подробное описание целой группы деяний» [13, с.67].

Представляется, что решение вопроса о целесообразности введения в современное уголовное законодательство категории уголовного проступка невозможно без учета исторического опыта классификации уголовных правонарушений.

Список использованных источников

Федорова А.Н. Понятие и субъекты правонарушений по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных // Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. 2012. № 2(9). С. 54-56.

Рогова Е.В. Уголовный проступок в дореволюционном законодательстве России // Вестник Иркутской государственной экономической академии. 2011. № 5(79). С. 145-148.

Шестопалов А.П., Фумм А.М. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года в системе источников уголовного права Российской Империи // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. 2015. № 3. С. 69-73.

Поцелуев Е.Л. Уголовное уложение 22 марта 1903 г.: причины принятия и история создания // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2003. № 3(248). С. 183-193.

Пушкаренко А.А. Уголовное уложение 22. Марта 1903 г. // Российское законодательство X-XX веков. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. М., 1994.

Дудырев Ф.Ф. Разработка и принятие Уголовного уложения 1903г. // Актуальные проблемы экономики и права. 2009. № 4. С. 193-198.

Клеандрова В.М. Уголовное право // Развитие русского права во второй половине XIX – начале XX века. М., 1997.

Биюшкина Н.И., Тюленева М.А. Владимир Данилович Спасович о судебной реформе 1864 года // Вестник Нижегородского университета им Н.И. Лобачевского. 2018. № 6. С. 101-103.

Лохвицкий А.А. Курс уголовного права. СПб., 1867.

Сыс С.В. Классификация преступных деяний по степени тяжести в Уголовном уложении 1903 года // Научные стремления. 2016. № 17. С. 28-30.

Зеленская Ю.А. Особенности развития системы уголовных наказаний в законодательстве России начала XX века // Университетская наука. 2017. № 2(4). С. 152-155.

Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2-х томах. М., 1994. Т. 2.

Сергиевский Н.Д. Русское уголовное право. Часть общая. СПб., 1905.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

С.О. ШАЛЯПИН

ИСТОРИКО-ПРАВОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ М.Н. КАПУСТИНА:
К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ УЧЕНОГО

S.O. SHALYAPIN

HISTORICAL AND LEGAL CONCEPT OF M.N. CAPUSTIN:
TO THE 120th YEARS FROM DAY OF THE DEATH

В статье рассмотрена концепция всеобщей истории права русского правоведа XIX в. М.Н.Капустина. Анализируются взгляды Капустина на необходимость сравнительного изучения исторических типов и систем права, включая системы религиозного (теократического) права Востока. В работах Капустина доказывается органический характер влияния религии как цивилизационного элемента на развитие права. Установлена преемственность концепции Капустина по отношению к теориям сравнительного изучения религиозного права ряда современных российских исследователей.

The article discusses the concept of general legal history of a Russian jurist of the XIX cent. M.N. Kapustin. The author analyzes the views of Kapustin on the need for comparative study of historical types and systems of law, including the systems of religious (theocratic) law of the East. In Kapustin's works the organic character of influence of religion as a civilization element on development of the right is proved. The continuity of the concept of Kapustin in relation to the theories of comparative study of religious law of a number of modern Russian researchers is established.

Ключевые слова: религиозное право, всеобщая история права, юридическая компаративистика.

Keywords: religious law, general legal history, legal comparativism.

Михаил Николаевич Капустин, 190-летие которого мы могли отметить в прошлом 2018 г., и 120-летие со дня кончины которого исполняется практически в дни нашей конференции, – 11 ноября 2019 г., относится к числу отечественных правоведов, чьи заслуги перед наукой и российским юридическим образованием не так широко известны сегодня, как деяния многих его современников – коллег и учеников. Среди немногочисленных современных исследований творческого наследия М.Н. Капустина следует указать лишь на работы С.А. Егорова

[3; 4; 5; 18, с. 294-298], А.В. Яковлева [14; 15; 16; 17], а также на весьма информативную статью С.А. Яблокова, охватывающую часть творческого пути Капустина, пройденную им в стенах Московского университета [13]. Между тем, ряд положений, выдвинутых Капустиным еще в 70-х годах XIX в. в области сравнительного изучения истории права, оказались актуализированными в научной литературе нашего времени. Результат тем более поразительный, что современные «последователи» идей Капустина, скорее всего, с его трудами были практически не знакомы, придя к сходным выводам совершенно новыми путями.

Михаил Николаевич Капустин родился 11 января 1828 г. в Екатеринославской губернии в небогатой дворянской семье. Видимо, его отец Николай Алексеевич, подпоручик Староингерманландского полка, имел лишь личное дворянство, так как позднее его вдова боролась за право своих четверых сыновей на потомственное дворянство на основании награждения мужа орденами Св. Анны и Св. Владимира [12, с.352]. После окончания Екатеринославской гимназии и Московского университета (1849 г.) со степенью кандидата (одновременно с ним университет с той же степенью окончил Б.Н. Чичерин) Капустин был принят учителем законоведения в III московскую гимназию. Одновременно им были начаты и некоторые научные труды, выразившиеся, в частности, в публикации рецензий и обзоров в журнале «Москвитинин», издававшемся историком М.П. Погодиным. В 1852 г. Капустин защищает магистерскую диссертацию, и получает место профессора по кафедре «общенародного права» в Московском университете. Подготовка магистерской работы, как и курса международного права, предопределили подход Капустина к рассмотрению права через призму истории. Современники уже тогда утверждали, что в курсе международного права он «следует направлению историческому» [1, с.381]. Однако, начинающий преподаватель был чужд искусственной привязки изучения юриспруденции исключительно к национальной правовой истории. Как позднее напишет он сам, «...при всем важном значении истории национального права, наука не может остановиться на ней. Она стремится открыть общую связь между юридическими институтами разных времен и народов, указать преемство между ними и на их взаимодействие» [6, с.7].

В 1856-1857 гг. М.Н. Капустин был командирован в Европу для изучения международного права и национального законодательства европейских государств. В эти годы он слушал лекции, присутствовал на защитах диссертаций и работал в библиотеках Гейдельберга, Гамбурга, Антверпена, Генуи, Мюнхена, а, после продления командировки в 1858 г., поселил Британию и Испанию [13, с.116-117]. По всей видимости, именно в период этой длительной научной поездки окончательно сложилось мнение Капустина о плодотворности сравнительно-историче-

ского познания права разных народов. По возвращении в Московский университет, он приступил к созданию нового по содержанию курса «Энциклопедии права», который опирался бы сразу на три концепции правопонимания, господствовавшие тогда в юридической науке, – естественно-правового, позитивистского и исторического [13, с. 118]. Смелый по замыслу подход воплотился в познавательный, но весьма эклектичный курс, лишенный общей стержневой идеи. Именно этим, на наш взгляд, объясняются полярные мнения, оставленные учениками Капустина о его лекциях по энциклопедии права. Так, И.И. Янжул и Н.И. Кареев отмечали, что из курса Капустина решительно ничего нельзя было усвоить, только заучить, а сам лектор утомлял студентов своим умением бесконечно перефразировать одну и ту же догматическую мысль [11, с. 453, 466]. Другой же ученик Капустина – А.Ф. Кони, напротив, отмечал необычайную эрудицию лектора, его умение донести до слушателей принципы справедливости и правовой совести [12, с.354].

Одним из первых среди ученых-юристов своего времени Капустин обратил внимание на неизбежность и плодотворность использования междисциплинарных подходов для развития юриспруденции. В лекции на Всероссийской этнографической выставке 1867 г. он заявил: «По своему направляющему значению для жизни, право соприкасается всем наукам имеющим предметом своим исследования о человеке... История уже оказала свою деятельную и плодотворную помощь науке о праве. В последнее время всеми сознается связь права с политической экономией... Повидимому, теперь наступила очередь естественных наук» [7, с.69].

В марте 1870 г. М.Н. Капустин повелением императора Александра II был назначен директором Ярославского юридического лицея. Становление этого учебного заведения, после его преобразования из Демидовского училища высших наук – практически личная заслуга Капустина. При нем начали преподавательскую работу в Ярославле М.Ф. Владимирский-Буданов, Н.Л. Дювернуа, Н.Д. Сергеевский, Н.С. Суворов и др. Там же, в Ярославле, самому Капустину довелось читать «едва ли не все юридические предметы в случае вакантных кафедр» [12, с.355]. Эта разносторонность учебных занятий привела ученого к необходимости разработки интегрирующих курсов, которые соединяли бы сведения теоретических, исторических, отраслевых юридических и смежных наук. Помимо уже упомянутой выше «Энциклопедии права», таким интегративным курсом стала «Всеобщая история права», кафедра которой была впервые в России открыта Капустиным в Ярославле в 1872 г [2, с.26].

Именно работая над курсом всеобщей истории права М.Н. Капустин самым непосредственным образом погрузился в историко-правовую компаративистику. Линейное описание поступательной эво-

люции правовой системы того или иного государства его решительно не удовлетворяло. Декларируя своё почти восторженное отношение к достижениям немецкой исторической школы права, подчеркивая, что «кроме своего национального права, немецкие ученые объяснили историю классического права, англо-саксонского..., французского..., русского...; они положили основание богатой историко-юридической литературе и утвердили надолго научный прием, оказавшийся в высшей степени плодотворным» [6, с.6-7], Капустин провозгласил необходимость перехода к сравнительно-историческим изысканиям в области права: «Только при изучении права в его всемирноисторическом развитии возможно понимание права, как постоянной нормы человеческой деятельности, объяснение различных моментов его бытия и тех причин, которыми определяется образование и судьба юридических институтов» [6, с.7]. Капустин решительно не соглашался с мнением Ф.К. фон Савиньи, полагавшего, что научный интерес может представлять лишь юридическая жизнь «народов-виртуозов», стоящих в центре цивилизации, история их национальных правовых систем. «Нельзя сказать, – писал Капустин, чтобы право народа, не достигшего высшей ступени юридического развития, не представляло собою научного интереса. Нет ни одного народа, нет ни одной ступени права, которая не имела бы в себе много поучительного» [6, с.8]. «История национальных прав, – продолжал он, – получает значение в науке именно в той мере, в какой они имеют всеобщий характер» [6, с.9].

Капустин решительно отвергал умозрительные построения о возможности существования единых неизменных законов, «которым будто бы следует история права», как и о существовании некогда «общего для всех народов права» [6, с.13]. Находясь полностью на позициях историзма, исследователь определенно связывал схожесть правовых институтов у различных народов древности с общностью условий, при которых эти институты могли сформироваться. При подготовке курса всеобщей истории права Капустиным была предложена схема периодизации правовой эволюции человечества, которая обобщала сведения о различных формах и типах права в связи с их историческими особенностями. Ему представлялось возможным выделить Донациональный (скорее – догосударственный) период, Национальный (или государственный) период, включавший в себя две разновидности права – теократическую и «человеческую», и Национально-общий, понимаемый как эпоха победы универсального наднационального права «народов европейской цивилизации» [6, с.31-32].

К сожалению, задуманный Капустиным курс всеобщей истории права не был завершен. Вышедший первый том включает в себя лишь весьма серьезное теоретическое введение и главы, посвященные донациональному и национально-теократическому периодам эволюции

права. Именно последний может привлечь пристальное внимание современных исследователей. Задолго до компаративистских изысканий в области религиозного права, появившихся на Западе в конце колониальной эпохи, М.Н. Капустин констатирует тот факт, что на ранних ступенях эволюции права «мы замечаем прежде всего преобладающее значение религии, которая подчиняет себе право» [6, с.26]. Религия в данном контексте понимается как цивилизационный фактор, без учета которого право не может ни возникнуть ни функционировать. Развивая эту идею Капустин пишет, что для цивилизации Востока, воспринимаемой как противоположность Западу, теократическая ступень эволюции права является органически свойственной [6, с.96]. Рассматривая национально-теократическое право Капустин выделяет лишь восточные его разновидности: Сабейзм, Зендо-индийское, Буддистское, Еврейское и Магометанское право [6, с.100]. Допуская критику восточной цивилизации за социальный застой, боязнь перемен и борьбы, за слабую роль науки в общественном развитии, Капустин вовсе не призывает, как многие в его время, к принудительной европеизации «отсталого Востока». Взвешенный взгляд компаративиста заставляет Капустина призвать западное право к осторожной гармонизации с системами права Востока: «в объективном характере восточного права, в стойкости юридических институтов европейская цивилизация почерпает силы против крайнего проявления индивидуального начала. Сближение двух несходных систем и их взаимодействие всегда оказывались плодотворными для обеих» [6, с.97].

Столь большой интерес М.Н. Капустина к религиозным (или, по его терминологии, «теократическим») корням современного права беспрецедентен для отечественной науки XIX в. При этом исследователь вовсе не ограничивает своего интереса описанием «правовой экзотики» Востока, а стремится к сравнительному изучению религиозно-правовых систем, и, даже к поиску точек соприкосновения между ними и системами западного права, на которые, по его мнению, огромное цивилизационное влияние оказало христианство [6, с.29].

Научное наследие М.Н. Капустина, содержащее концепцию о цивилизационной роли мировых религий в построении устойчивых правовых систем современности, к сожалению, долгое время не было востребовано наукой. Лишь в наши дни отдельные положения, выдвинутые прежде Капустиным, получили развитие. Так, в одном из фундаментальных посмертных изданий Г.В. Мальцева, посвященном культурным традициям права, указывается, что «все цивилизации, существенно обогатившие человечество, привержены идеалам справедливости, они были правовыми... Цивилизация воплощает высшее право, естественный порядок и естественный закон, которые способны поднимать общество на высоту, близкую к идеалу» [10, с.6]. Далее

автор обозначает такие цивилизации в связи с их религиозной детерминированностью: индоевропейскую, иудео-христианскую и русско-православную культурные линии. Еще более определенной является компаративистская концепция В.И. Лафитского утверждающего, что «основная линия разлома правового пространства мира проходит между правовыми системами разных религиозных традиций, объединенных общностью духовных (этических) ценностей» [8, с.100]. Обосновывая свою позицию, Лафитский ссылался на мнение Ф. Уолтона 1899 г., писавшего, что системы общего права и романо-германского права являются двумя великими правовыми системами христианства. Лафитским предложена классификация восьми сообществ современных правовых систем, объединенных общностью духовных (религиозных) ценностей – христианского, мусульманского, индуистского, буддистского, иудейского, конфуцианского, синтоистского и языческого [8, с. 101], 6 из которых затем последовательно раскрываются автором во втором томе его труда [9]. Примечательным представляется значительное совпадение компаративистской классификации В.И. Лафитского с представленной выше классификацией форм восточного национально-теократического права, предлагавшейся М.Н. Капустиным. Анализ воззрений М.Н. Капустина на проблемы генезиса религиозного права позволяют утверждать, что обращение компаративистов к вопросам религиозных начал права или «религиозному измерению права», вовсе не является чертой исключительно современного сравнительного правоведения. Задуманный как историко-правовой труд, курс «Всеобщей истории права» М.Н. Капустина по воле его создателя приобрел все черты сравнительно-правового исследования, без которых исследование мировой эволюции правовых систем было бы невозможно. Слабая степень развития компаративистики в отечественном правоведении XIX в., тем более в историческом правоведении, традиционно находящемся в теснейшей связи с национальной правовой системой, не позволили концепции Капустина найти широкий научный отклик и быть продолженной в трудах учеников. Пожалуй лишь значительно более поздние исследования М.М. Ковалевского и П.Г. Виноградова вновь поставили перед отечественным научным сообществом задачу сравнительно-исторического познания различных форм бытия права, в том числе форм религиозного права. Объем данной задачи столь велик, что даже в XXI веке мы не можем утверждать, что она сколько-нибудь удовлетворительно решена.

Список использованных источников

Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. М., 1855. Ч. 1. 505 с.

Графский В.Г. Всеобщая история государства и права. Учебник для вузов. М., 2007. 752 с.

Егоров С.А. Капустин как историк и теоретик права // Журнал российского права. 1997. № 8. С. 146-151;

Егоров С.А. М.Н. Капустин – видный русский юрист // Социалистическая законность. 1986. № 8. С. 59-61;

Егоров С.А. Ярославская юридическая школа. Анализ научно-педагогического опыта Демидовского лицея. Автореф. дисс.... доктора юрид. наук. М., 2008. 52 с.

Капустин М.Н. История права. Ч. I. Ярославль, 1872. 270 с.

Капустин М.Н. Этнография и право // Сборник антропологических и этнографических статей о России и странах, ей прилежащих, издаваемый В.А. Дашиковым. Кн. 1. М., 1868. С. 69-76.

Лафитский В.И. Сравнительное правоведение в образах права. Т. 1. М., 2010. 429 с.

Лафитский В.И. Сравнительное правоведение в образах права. Т. 2. М., 2011. 415 с.

Мальцев Г.В. Культурные традиции права. М, 2013. 608 с.

Московский университет в воспоминаниях современников (1755-1917). М., 1989. 735 с.

Рудаков В. Михаил Николаевич Капустин (некролог) // Исторический вестник. 1900. Т. 79. С. 352-359.

Яблоков С.А. Научная деятельность М.Н. Капустина в период работы в Московском университете // Вестник Московского университета. Сер. 11: Право. 2013. № 1. С.109-128.

Яковлев А.В. «Юридическая догматика (теория права)» М.Н. Капустина // Юридическая мысль. 2012. № 3 (71). С. 25-29.

Яковлев А.В. Государственно-правовые воззрения Михаила Николаевича Капустина. Дисс.... канд. юрид. наук. М., 2014. 179 с.

Яковлев А.В. М.Н. Капустин как представитель российской школы позитивного права // Юридическая мысль. 2012. № 1 (69). С. 57-61.

Яковлев А.В. Международно-правовые воззрения М.Н. Капустина // Юридическая мысль. 2012. № 4 (72). С. 81-85.

Ярославская юридическая школа: прошлое, настоящее, будущее / Под ред. С.А. Егорова, А.М. Лушниковой, Н.Н. Тарусиной. Ярославль, 2009. 835 с.

Е.И. ЭСМАНОВИЧ, И.И. ЭСМАНОВИЧ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XIX в.

E. I. ESMANOVICH, I. I. ESMANOVICH
STATE SELF-GOVERNMENT IN THE RUSSIAN EMPIRE
OF THE XIX CENTURY

Основной задачей демократического государства является создание наиболее благоприятных условий для реализации прав и свобод его граждан. Вопрос рационального государственного устройства сводится к созданию такой системы власти и управления, при которой эта задача решалась бы наиболее эффективно. Именно на местном уровне создаются условия для реализации гарантированных государством прав и свобод. Для учета и дальнейшего использования исторического опыта при определении и уточнении целей и задач, которые должны быть решены государством и обществом, необходимо обратиться к истории Российского государства.

The main task of a democratic state is to create the most favorable conditions for the realization of the rights and freedoms of its citizens. The question of rational state structure is reduced to the creation of such a system of power and management, in which this task would be solved most effectively. It is at the local level that conditions are created for the realization of the rights and freedoms guaranteed by the state. To take into account and further use the historical experience in determining and clarifying the goals and objectives to be solved by the state and society, it is necessary to refer to the history of the Russian state.

Ключевые слова: местное самоуправление, сельские сообщества, выборные представители, городское управление, земские учреждения.

Keywords: local self-government, rural communities, elected representatives, city administration, zemstvo institutions.

В той или иной мере самоуправление в России существовало на всем протяжении ее истории. Немаловажным обстоятельством является и то, что, как и в настоящее время, государство сознательно шло на возрождение самоуправления в периоды кризиса государственной власти, принуждаемое неизбежной необходимостью проведения реформ.

После восшествия на престол Александр I вернулся к децентрализации и самоуправлению, заложенным при Екатерине II. Однако территориальная система управления в период его правления, и в еще большей степени при Николае I и Александре II подверглась массе частичных переделок, значительно изменивших ее характер.

Потребность в самоуправлении становилось все более очевидной для населения городов. Уже в первой половине XIX века оно значительно выросло, одновременно усложнялось и росло городское хозяйство и, соответственно, увеличивалось число задач, связанных с управлением городом. В то же время большая часть владельцев городской недвижимости все еще была устранена от участия в управлении городским хозяйством.

Структура городского управления формально продолжала основываться на “Жалованной грамоте городам” 1785 г. [1], но в течение первой половины XIX в. она претерпела существенные изменения. Так, практически везде отсутствовала общая дума, собрание городских представителей. Распорядительные действия осуществляло собрание городского общества, где большинство составляли мещане. Все чаще функции общественного управления в городах сосредоточивались в руках чиновников городских канцелярий.

После проведения крестьянской реформы и отмены крепостного права образовался новый тип общества и экономики, которые требовали более быстрого и грамотного управления страной. Раньше жизнь в городах полностью подчинялась решениям, пришедшим из центра, что затрудняло их развитие и сильно тормозило его – директивы долго шли до местного управления и не всегда соответствовали экономическим реалиям. Чтобы изменить ситуацию и сделать жизнь города более эффективной, было принято решение передать им ряд полномочий в управлении.

В 1864 г. было выпущено «Городовое положение», принятое в 1870 г. и послужившее началом городской реформе [2]. Документ содержал ряд положений, выработанных созданными комиссиями. Новый закон создавал городские общественные управления, которые должны были заниматься рассмотрением различных хозяйственных вопросов: благоустройство улиц и зданий, обеспечение граждан продовольствием, устройство праздников, развитие городской инфраструктуры (создание дорожных сетей, портов, рынков), безопасность, устройство финансовой системы города и многое другое (ст.2 Городового положения 1870 г.).

Учреждениями городского самоуправления стали избирательное собрание, дума и городская управа. Избирательное собрание занималось выбором членов городского собрания, которые имели решающий голос в спорах. Остальные же члены избирались на открытых выборах раз в 4 года. Членом думы мог стать любой гражданин, который имеет

избирательные права, однако были и исключения. В частности, доля не христиан не должна была превышать одной трети от общего числа. Возглавлял избранную думу глава.

Дума занималась назначением выборных должностных лиц, а также осуществляла прочие дела общественного устройства и городского управления. Проще говоря, члены думы выбирали управленцем и занимались сбором налогов на различные городские нужды. Дума подчинялась непосредственно губернатору, который мог отменить ее решение при необходимости.

В свою очередь дума выбирала членов городской управы (также раз в 4 года). Городская управа занималась сбором сведений для думы, составление различных городских смет, взиманием денежных средств с населения (дума только создавала постановления для сбора налогов) и другими мелкими городскими делами.

В думу мог быть избран гражданин из любого сословия, который не имел бы долгов по налогам, был старше 25 лет, не имел судимости, являлся русским подданным и обладал рядом других качеств (ст.16 Городового положения 1870 г.).

Как и земская реформа, городская реформа послужила значительным толчком для развития региональной экономики. Город, который теперь сам управлял своим хозяйством, мог более эффективно вкладывать средства и своевременно реагировать на нужды граждан. Начала развиваться городская промышленность и торговля. Кроме того, возросла гражданская активность простых горожан, которые теперь имели право участвовать в советах и думе.

В основу Положения 1864 г. был положен принцип имущественного ценза, причем на первый план выдвигались интересы дворян-землевладельцев, с интересами же промышленников и крестьян считались мало. Городовое положение обеспечило преобладание в городском самоуправлении дворянства, почетных граждан и купечества и усиливающее административный контроль за этими учреждениями. Общее собрание сословий созывалось только для выбора членов общей думы. В общей думе существовали отделения, отражавшие ее сословный состав. Первым лицом всего городского сообщества являлся городской голова, который председательствовал в общей думе и руководил деятельностью распорядительной думы.

По сравнению с предшествующим законодательством, в законе 1864 года функции исполнительной и распорядительной власти были разграничены более четко. Однако их содержание практически не изменилось. Деятельность городского самоуправления жестко контролировалась государственной администрацией.

Бюджет городских учреждений формировался из отчислений на социальную сферу (учебные, благотворительные заведения и т. п.) и со-

держания тюрем, полиции, местных воинских частей. Распределением бюджетных средств ведал губернатор (глава V Городового положения 1870 г.). Городская дума устанавливала в пользу города, следующие сборы: а) оценочный с недвижимых имуществ, б) с документов на право производства торговли и промыслов, в) с трактирных заведений, постоянных дворов и съестных лавочек, г) с извозного и перевозного промыслов, д) с лошадей и экипажей, содержимых частными лицами, е) с собак и др. [2].

В то же время и расходы местные были достаточно велики: содержание самого городского общественного управления, содержание городских общественных зданий и памятников, учебных, благотворительных и иных общепользованных заведений, издержки по отправлению воинского постоя и других воинских потребностей, а также по отоплению и освещению тюрем и содержанию смотрителей, участие в расходах на содержание чинов городских полиций, принадлежащих к ним пожарных команд, содержание улиц, площадей, дорог, бечевников, мостов, тротуаров, переправ, бульваров, садов, каналов, водопроводов, сточных труб, прудов, канав, протоков и гатей, а также городское освещение и пр. [2].

В 1892 г. было принято новое Городовое положение, в соответствии с которым увеличивался имущественный ценз, что привело к отстранению от выборов в городские думы мелкой и части средней буржуазии. Избирательные права имели только те горожане, которые владели недвижимостью, а также владельцы торгово-промышленных предприятий, имевшие гильдейские свидетельства. Таким образом, в городских думах увеличивалось представительство дворянства и крупной буржуазии.

Усиливался контроль за деятельностью органов городского самоуправления: решения городских дум подлежали утверждению губернскими правлениями [3]. Губернаторам было предоставлено право приостанавливать действие постановлений органов самоуправления, отказывать в утверждении в должности любого чиновника местных учреждений (в том числе и в органах самоуправления), закрывать собрания разных частных клубов, обществ и артелей. Постановления органов самоуправления в жизнь должна была проводить полиция, но она им не подчинялась, а выполняла лишь приказы губернатора. Таким образом, выполнение решения органа местного самоуправления напрямую зависело от губернатора.

Но в целом создание новых органов самоуправления способствовало становлению общественно-политической и культурной жизни, помогало торгово-промышленному развитию русских городов.

Из истории развития территориального управления в России XIX в. очевидно, что становление местного самоуправления происходило

в борьбе двух сил: центростремительной — объединения на основе сильной центральной власти и центробежной — разобщения, суверенизации территорий, ее составляющих. Причиной тому были как объективные исторические и социально-экономические условия, так и субъективное желание региональных элит быть всевластными хозяевами в своих пределах. При усилении центральной власти самоуправление являлось, в значительной мере, компромиссом между верховной властью и входящими в состав единого государства территориями. Признание прав территорий на самоуправление сглаживало остроту противостояния центра и провинций.

В 21 в. без сомнения можно утверждать, что демократическое правовое государство в состоянии решать свои основные задачи только при наличии развитой системы самоуправления, как местного, так и общественного. Жители населенных пунктов должны иметь возможность самостоятельно, под свою ответственность решать вопросы своей жизни, используя формы прямой демократии и через избранные ими органы самоуправления. Причем объем полномочий этих органов должен определяться возможностями их реализации и ничем иным. Только при таком подходе возможно оптимальное сочетание интересов государства в целом и его граждан. Только такой подход обеспечивает в максимальном объеме права, свободы и интересы граждан.

Список использованных источников

1 Жалованная грамота городам [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://istoriarusi.ru/imper/zalovannaya-gramota-gorodam-1785.html>. - Дата доступа: 01.11.2019.

2 Городовое положение 16 июня 1870 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://diletant.media/articles/38496989/>. - Дата доступа: 01.11.2019.

3 Городовое Положение 11 июня 1892 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: Электронная библиотека МГУ им. М.В.Ломоносова <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/grd1892.htm>. - Дата доступа: 15.11.2019.

СОДЕРЖАНИЕ

Абрамченко Е.Г.

Парламентаризм в политико-правовой системе
конца XIX - нач. XX вв.3

Алексейченко Г.А.

В.Д. Спасович - преемник и продолжатель
профессиональных и гражданских традиций
русской профессуры 1840-х – 1850-х гг.10

Грахоцкий А.П.

В.Д. Спасович о реформировании
Русского уголовного законодательства.17

Давыденко С.С.

Государственно-конфессиональные
отношения и их правовое
регулирование в Республике Беларусь.24

Денисенко Н.В.

К вопросу о становлении и развитии института
адвокатуры в Российской империи.31

Довнар Т.И.

Пример служения юридической
науке и правосудию (на белорус. языке).40

Ерашевич А.У.

Финансирование обеспечения судебных учреждений
Беларуси в первой трети XIX в. (на белорус. языке).48

Жихарев С.Б.

Проблемы модернизации судебной-правовой
системы России в 1860-е гг. (на материалах
работы Г.А. Джаншиева “Основы судебной реформы”).58

Караева Е.М., Усова Е.И.

Нравственные начала в области уголовного
судопроизводства в воззрениях В.Д. Спасовича.67

Караткевич А.Г.

Проблема модернизации в трансформирующихся
постсоветских государствах в контексте
политико-правовой мысли XIX столетия.73

Ковалёва Н.П.

Становление социального права в XIX в.83

Кокорев В.Г.

Особенности уголовно-правовой охраны
и ограничения права на свободу вероисповедания
по законодательству России XIX в.88

Колодинская И.В.

Развитие законодательства о совмещении работы
с получением образования на территории
Беларуси в составе Российской империи в XIX в.93

Конин В.В.

Статус адвоката в уголовном судопроизводстве.100

Копыткова Н.В.

Имущественные отношения супругов
по законодательству Российской империи XIX в.104

Корень Е.В.

Политико-правовые и моральные ценности
в менталитете русской интеллигенции
первой четверти XIX в.111

Курсаев А.В.

Развитие норм об уголовной ответственности
за несоблюдение безопасных условий труда
в фабрично- трудовом законодательстве Российской империи.120

Люлев М.А., Ушаков Р.М.

Влияние концепции панславизма
на общественную жизнь и внешнюю политику
Российской империи второй пол. XIX в.:
от контрroversов к компромиссам с реальными возможностями.128

Маковийчук Р.В.

Адвокат и доверитель:

установление психологического контакта.136

Михайлов Д.И.

Циркуляр «О сокращении гимназического

образования» от 30 (18) июня 1887 г.

в аспекте реализации права на образование

в Российской империи.143

Михновец Ю.И.

Жизнедеятельность Владимира Даниловича

Спасовича в период великих реформ в России.152

Парукова Е.В.

История становления и развития инвестиций

в Российской империи с начала XIX в.157

Ромашов Р.А., Петрова Е.А.

«Русский путь»: от Российской империи

к Российской Федерации.164

Рязанов Н.С.

Развитие уголовного законодательства об ответственности

за преступления в области транспортной

безопасности в XIX – нач. XX вв.169

Савельев И.В.

Проблемы международно-правового статуса

Российско-американской компании в XIX в.174

Сенькова Т.В., Можяева Л.М.

Судебная речь В.Д. Спасовича

в формировании коммуникативных

компетенций юриста.180

Синица И.М.

Индивидуализация и дифференциация

уголовной ответственности: взгляды

В.Д. Спасовича и современное законодательство

Республики Беларусь.186

Скуратов В.Г.

Система долгосрочного ипотечного
кредитования в дореволюционной России.194

Соснина М.А.

К проблеме соотношения обычного права
и законодательства: история и современность.203

Старикова Е.В.

Вклад В.Д. Спасовича в становление
уголовного судопроизводства.207

Ткачев И.О.

Виды уголовных правонарушений
по уголовному праву Российской империи XIX в.213

Шаляпин С.О.

Историко-правовая концепция М.Н. Капустина:
к 120-летию со дня смерти ученого.221

Эсмантович Е.И., Эсмантович И.И.

Государственное самоуправление
в Российской империи XIX в.228

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«Северный (Арктический) федеральный университет
имени М.В. Ломоносова»

Высшая школа экономики, управления и права

Гомельский государственный университет имени
Франциска Скорины
Юридический факультет

ГОСУДАРСТВО, ПРАВО И ОБЩЕСТВО
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XIX в.:
К 190-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В.Д. СПАСОВИЧА

Материалы международной научной конференции
г. Гомель (Республика Беларусь), 15 – 16 ноября 2019 г.

Издается в авторской редакции

Подписано в печать 00.00.2020
Тираж 000 экз. Заказ № 10705

Типография «А4»
Адрес: ул. Шубина, 3, тел.: 43-70-07